

A young man with dark, wavy hair is the central focus. He wears a dark, flat-topped cap and a dark, ribbed scarf. His coat is a dark, heavy winter jacket. He is looking slightly to the left of the camera with a neutral expression. The background is a snowy city street with wooden buildings and a church with a dome in the distance. The lighting is soft, suggesting an overcast day.

НАТАН ТЕМЕНЬ
СТАЖЁР

Поехал за город отмечать день студента? Повёл свою девчонку прогуляться? Можешь попасть не туда, куда собирался...

Альтернативная история. Деятнадцатый век, Российская империя. Точка бифуркации пройдена столетие назад. Эльфы, гоблины, орки живут рядом с людьми. Магия есть, а деньги — не всегда. Знатные эльфы разъезжают в поездах и каретах, гоблины держат лавочки, бедные орки грабят всё что движется, а полиция идёт по следу. Короче, ты попал, Димка Воронков...

Натан Темень

Стажёр

Глава 1

— Стажёр. Стажёр!

Голос начальника. Точно, начальника. Кто ещё может так говорить. Выпрямляюсь, вытираю рот ладонью. В глазах плывёт, во рту — омерзительный привкус рвоты.

— Быстро — обежал поляну по периметру. Пропустишь хоть иголку — смотри у меня!

Это сколько ж мы вчера выпили? Ничего себе отметили день студента. Оглядываюсь. Поляна. Ну такая поляна — пятачок снега, деревья по кругу, из снега между деревьев торчат чёрные прутья кустов. Под деревьями снег свежий, посередине поляны — утопанный. Следы туда-сюда. Несколько человек — кто в мундирах, кто в пальто. Стоят, смотрят. Смотрят на то, что в самой середке.

В середине, в самом центре поляны, на снегу лежит девушка. Руки-ноги раскинуты, как у морской звезды. На обнажённом теле лежат и не тают снежинки. Начиная от ключиц и до низа живота кожа аккуратно разрезана крест-накрест и отогнута в стороны. Как будто распахнулись треугольные лепестки кровавого цветка.

Лицо девушки запрокинуто в небо. Глаза открыты. Широко открыты... Нет у неё глаз. Ох ты чёрт...

Вокруг тела по снегу выведена чёрная полоса. Похоже, баллончиком с краской поработали. Круг изнутри заполнен зигзагами, кружками помельче и всякими загогулинами.

Никто из людей через черту не переступает, все старательно держатся на расстоянии.

Вот к трупку придвинулся человек со старомодным фотоаппаратом, громоздким, угловатым. Встал как можно ближе к чёрной полосе, изогнулся, вытянулся, но умудрился носками ботинок не залезть в краску. Вспыхнуло, зашипело. Яркий свет облизал тело и сгинул. Магний для вспышки — вот что это такое.

— Что скажете, Викентий Васильевич? — мрачно говорит один из собравшихся — пожилой дядька. Пальто на нём тёмно-серое, застёгнуто на все пуговицы, на шее — белоснежный шарф. Рука в перчатке лежит на рукояти трости. Трость — явно дорогая, тяжело упирается в снег.

— Что скажу, Иван Витальевич, — другой дядька, что стоит рядом с пожилым, покачивает головой. Выражение лица — будто лимон укусил. Пальто у него много проще, чем у пожилого, держится на одной пуговице. Шарф выбился и торчит снизу — клетчатый, пёстрый. — Скажу, что придётся сообщать наверх, в его милости канцелярию. Кавалерию вызывать.

Пожилый дёрнул ртом, недовольно так. Тяжело вздохнул, на палку навалился. Вот артист, как играет. И не подумаешь, что обычный реконструктор.

Ох нет, ребята, что-то здесь не так. Я, конечно, пил с устатку и не евши. Но мы ж только что с Альбинкой здесь гуляли. Да, вот на этой самой поляне. Она только что тут со мной была. Альбинка. И никого больше. Как надо было отключиться, чтоб не заметить, что моя девчонка исчезла, а вместо неё появилась компания с косплеем под позапрошлый век? Мужик-фотограф с магнием, по периметру жандармы в мундирах. И я — среди них. А уж так манекен трупа естественно разложить — суметь надо... И вонища самая натуральная.

Тут меня снова начинает мутить.

— Ты ещё здесь? — бросает мне один из мундирных.

Срываюсь с места, бегу с поляны между сосен, через голые мёрзлые кусты.

Там останавливаюсь, жадно вдыхаю зимний воздух. Фух-х, отлегло. Манекен-манекеном, а зрелище гнусное.

Оглядываюсь. Позади, на поляне, стоят люди в мундирах и пальто.

Снова вспыхнул магний. А может, это шутка? Ну, бывает, решили пошутить друзья, заплатили денежку, выехали на природу, а там всё готово — заходи, не стесняйся. А сами сидят рядом, за кустами, на телефон всё снимают и ржут в рукав, чтоб не слышно было. От смеха давятся, пальцами тычут. И я тут — самый смешной клоун.

Ладно. Главное в таком деле что? Виду не показывать. Подыгрывать надо. Если метаться начнёшь, сопли на кулак наматывать, или, ещё хуже — кричать, что шутка надоела, давай по домам уже — всё. Никогда не забудут.

Какой вывод? Делать вид, что так и надо. Сказали — осмотреть периметр, значит будем смотреть.

Снег сминается под ногами, лёгкий, пушистый. Сразу видно, выпал недавно. Поверх немаленьких сугробов. Странно, когда мы в район выезжали, было потепление. Таяло всё.

Чуть подальше, метрах в трёх, сидят на корточках двое в мундирах. Разглядывают что-то. Следы?

Оглядываюсь по сторонам. Надо поддерживать шутку. Я же кто — стажёр. А это — полиция на выезде.

На ветке, торчащей из снега, что-то синее. Нитка, просто обрывок синей нитки. Может, важно, а может, и нет. А может, такой квест, и это подсказка.

Хлопаю себя по бокам. Внезапно с холодком в груди понимаю, что одежда не моя. Не та, в которой я вышел из дома, чтобы прогуляться с Альбинкой до леса. "Подышать воздухом", как сказала она.

Пальтишко на мне серое, простое. Зато в кармане есть платок. Белый квадратик ткани. Отгоняю паническую мысль о внезапном сумасшествии меня-любимого. Вытягиваю платок, подхватываю им синюю нитку с ветки, аккуратно заворачиваю. Вот и улика. Молодец, стажёр.

Кто-то мяукает. Тонкий, дребезжащий мяв. Тихий, еле слышный.

Смотрю — возле сосны в снегу шевелится комок шерсти.

Наклоняюсь посмотреть. На меня смотрят кошачьи глаза, маленький треугольный рот открывается и выдаёт дрожащее "м-я-я-в".

— Кис, ты здесь откуда?

Я кошатник. Кто-то любит собак, я тоже их уважаю. Но кошки — это кошки.

Подхватываю котёнка под пузо — хотя какое там пузо, одна шкурка и рёбра, такой тощий. Котёнок смотрит мне в лицо и жалобно дребезжит. Белый живот, серая спина, лапы в полосочку. Глаза круглые.

— Мя-яв.

Чёрт, не могу я бросить мелкого кошака обратно в снег. Вздыхаю и сую тощий шерстяной комок за пазуху. Отдам Альбинке, когда эта дурацкая шутка закончится.

Подхожу ближе к двоим в мундирах. Они уже поднялись на ноги, и я вижу, что один держит через платок (такой же, как у меня) малярную кисть. Кисть с круглой деревянной рукояткой, щетина вымазана чёрным. В снегу под ногами углубление, в чёрных же кляксах — как видно, отсюда её и вытащили.

Понятно — тот, кто создавал эту композицию с манекеном, не заморочился убрать

мусор за собой. Бросил тут же. Нет чтобы в пакет сложить, донести до контейнера...

Тащим добычу на поляну.

Важный дядька в пальто меж тем кивает всем, разворачивается и уходит, тяжело опираясь на трость.

Второй дядька, как его там — Викентий Васильевич, задумчиво заправляет клетчатый шарф, проводит ладонями по бокам своего пальто, будто отряхивается, и зыркает на меня.

Меж тем появляется ящик для улик. Двое мундирных и я складываем туда добычу под зорким взглядом ещё одного полицейского.

— Бургачёв! — гавкает дядька в клетчатом шарфе. Надо же, какой голос у артиста прорезался.

Мундирный, что стоит возле чёрного круга, дёргается, отвечает:

— Слушаю, господин капитан.

Дядька смотрит кисло, жуёт губами. Видно, недоволен.

— Бери стажёра своего, ноги в руки, и вперёд. Обойти все дома, всех опросить. Кто что видел, кто слышал, всех трясите. Каждую собаку.

Мундирный вытягивается, резко кивает.

— Да, господин капитан!

Бросает мне:

— За мной.

А я стою, пялюсь во все глаза на фотографа. Он как раз возится со своим аппаратом, укутывает его в большой платок. Шапка у фотографа съехала набок, и из-под края высунулся кончик уха. Острого такого, зеленоватого гоблинского уха.

Фотограф будто чувствует мой взгляд, оборачивается, подмаргивает кошачьим глазом, нахлобучивает одним движением шапку обратно на лоб. Подхватывает фотоаппарат подмышку, и шлёпает с поляны вслед за начальством в белом шарфе.

— Заснул, что ли? — рыкает мундирный Бургачёв. — Шевели ногами!

— Я понимаю, голубчик — день основания университета, студенческая вечеринка, дело молодое, — глумливо произносит дядька в клетчатом шарфе. — Но надо же и честь знать. Не напиваться до положения риз.

Вот чёрт. Реконструкторы хреновы. Сами скачут с одной поляны на другую, толкиенисты недоделанные. Реквизит не успевают сменить, грим с ушей стряхнуть. А туда же — голубчик! Ещё и прикалываются...

Шлёпаю по снегу за начальством. Бургачёв шагает, будто гвозди заколачивает. Мундирчик на нём новенький, брючки со стрелками отглаженные, чистенькие. Пуговицы блестят, значок на груди сияет. Как на парад собрался. Ничего, когда вся эта комедия закончится, я пойду с ребятами коньяк пить, а они побегут дальше, снег месить ногами.

Вот тогда и поглядим, кому хорошо, а кому — не очень.

Тем временем труп девушки взвалили на носилки, и двое в мундирчиках рысцой пронесли его мимо нас. Я, шлёпая вслед за "начальством", кинул взгляд.

Носилки трянуло, рука трупа свесилась, голова безвольно качнулась и глянула на меня кровавыми дырками вместо глаз. А я вдруг понял, что это не манекен. Если только реконструкторы, или кто там затеял эту глупую шутку, не стащили тело из морга. Потому что не бывает таких натуральных манекенов. Этот труп — настоящий. И девушку, что несут сейчас на носилках, в самом деле жестоко убили.

Зрелище убитой так и стоит перед глазами. Иду, машинально передвигая ноги, за начальником. Бургачёв останавливается, я тоже. Оглядываюсь и вижу такое, что даже окровавленные трупы перестают волновать. Лес закончился. Мы вышли к дороге. Вот тут меня подкосило окончательно.

Прямо по курсу, справа и слева — незнакомый пейзаж. Где покрытый снегом склон, где коттеджный посёлок вдалеке? Где грунтовка, лесополоса до горизонта? Двухэтажные кирпичные домики?

Ничего этого нет и в помине.

Лес обрывается внезапно. Да и не лес это, а ухоженный парк. Никаких обломанных веток, пней; между деревьев видны дорожки с деревянными лавочками. Да и навряд ли кто-нибудь станет строить вокруг леса ограду. Направо и налево тянется забор из металлических прутьев высотой в рост человека. Позади, за оградой, парк — деревья, кусты, а с другой стороны, перед нами — ровная белая полоса земли. Не кочки, не рытвины, а наверняка ухоженный газон. И стоим мы с Бургачёвым прямо под арочным входом ворот. Широких ворот, хоть на машине проезжай, хоть компанией иди.

За воротами прямоугольная площадка, на площадке стоит автомобиль. Из тех, что в музеях показывают, в стиле ретро.

Вниз по склону уходит старательно расчищенная от снега дорога. Расчищенная, судя по всему, обычной метлой и лопатой. Никакой техники, строго вручную. Вон, следы от прутьев по обочине прочерчены.

Но это всё пустышки.

Потому что посёлок исчез. Нет домиков из красного и белого кирпича, что стояли в полукилометре от леса. Из одного из этих домиков не так давно мы с Альбинкой вышли прогуляться до поляны. Вместо них прямо напротив парка, рукой подать, — расположилось коллекционное собрание каменных особняков. Каждый особняк выглядит, будто его хозяин желает переплюнуть соседа во всём. И им это удаётся. Каждому.

Чувствую, как к горлу подкатывает тошным комом паника. Да что же это делается, а? Ну ладно, маскарад на поляне ещё можно понять. Но это? Кто мог в одночасье натывать новых домов на пустом месте? Да ещё таких — каменных, здоровенных? Дорогих, как не знаю что?

Надо признать — это уже не смешно. Одно из двух. Или мои друзья по универу вложились в шутку по полной, и не постояли за тем, чтобы усыпить своего друга (а иначе никак), отвезти в другое место, переодеть, поднять на ноги и вытолкать из дома в компании Альбинки. Или это всё бред. Сон, мираж, иллюзия. Потому что в попаданцев и параллельные миры я не верю. Враньё писателей, которые пишут свои книжки, напившись кофе и пива в лошадиных дозах.

Я зажмурился как можно сильнее. Не открывая глаз, сильно, с вывертом ущипнул себя за ляжку. Больно!

Открыл глаза. Ничего не изменилось. Особняки как стояли, так и стоят. А Бургачёв просверлил меня недобрым взглядом и бросил, эдак презрительно:

— Ежели нехорошо вам, господин стажёр, так отойдите в сторонку, утрите носик. Мне с вами цацкаться не с руки.

Вот как, значит. Не с руки ему. Прыщ на ровном месте. Настоящий ты или нет, а Димку Воронкова никто ещё носик утирать не посылал.

Подышал я, вдохнул как следует морозного воздуха, посмотрел мундирному говнюку прямо в переносицу и сказал:

— Не извольте беспокоиться, господин Бургачёв. Я в полном порядке.

Но мой сарказм пропал впустую.

— Раз в порядке, так за дело! — буркнул мундирный. — За мной.

Прошагали мы с ним мимо антикварной машины. Я только глаз скосил, увидел, что машинка новенькая, будто только с завода вышла. А рядом шофёр, мордатый мужик с усами врзлёт. Тряпочкой крыло протирает, аж покраснел от усердия.

Спустились мы по дороге, и к особнякам вышли. Тут начальник вытащил книжечку, карандашик и стали мы свидетелей опрашивать.

Муторное это дело оказалось. Неприятное. Муторное, потому что каждый особняк за оградой железной стоял, и чтобы туда попасть, надо было постараться. А неприятное потому, что хозяева там были под стать своим домам. Такие гонористые, куда там Бургачёву. Я, хоть и в обалдении находился от всего, что случилось, и то почувствовал.

Хоть мундирный мой начальник от дома к дому всё больше кипятился, как чайник на плите, виду не показывал, потому что ясно было — с этими людьми лучше не ссориться. Смотрели они на нас, как на блох в шубе.

А самое обидное, что толку от наших стараний не было никакого. Никто ничего не видел, не слышал, и понятия не имеет, о чём вообще речь. Как сговорились. А может, и правда не знают, поди пойми.

Так, с книжечкой и карандашиком, дошли мы до последнего в списке дома. Последнего по списку, но не по значению. По тому, как мялся перед входом Бургачёв, стало ясно даже мне — не хочет мой начальник туда идти. То ли боится, то ли с души его воротит. Домик потому что самый пафосный из тех, что мы уже прошли. И стоит прямо посередине ряда, но мы до сих пор его старательно обходили.

Тут Бургачёв наконец решился, вздохнул и пошёл на приступ. Я за ним.

К тому времени мы всех собак переполошили в этом пафосном местечке. Так что ворота нам открыли почти сразу.

Встретил нас такой важный лакей, что я сперва подумал — сам хозяин к нам спустился.

Разговаривал важно, пыжился, на нас смотрел свысока — что неудивительно, ведь ростом и габаритами лакей походил на шкаф. Двустворчатый.

За лакеем маячила ещё миленькая служаночка. Чистенькая, ухоженная, сама в платице тёмном, в белом фартучке. Ну прямо старшекласница в парадной форме старого образца. Я даже подумал, что это дочка хозяйская в школу собралась. Или, что ещё смешнее, мы хозяев застали в разгар ролевой игры, и это у них забава такая, с переодеванием...

Тут нас пригласили наверх. Поднялись мы по мраморной лестнице — впереди служаночка (или горничная, кто их разберёт), за ней мой начальник, а я следом. Перила на лестнице полированного дерева, балясины в золотых завитушках, листочках и ангелах с крыльями. Всё блестит, сверкает и переливается. На потолок глянул — там небо синее нарисовано, всё в облаках, пузатых ангелочках и чем-то ещё. Я аж запнулся, и чтобы с лестницы не скатиться, стал на горничную смотреть. Вид сзади у неё не хуже, чем спереди оказался.

Наконец мы с начальником поднялись наверх, там нас в кабинет провели.

Бургачёв блокнотик свой выставил, карандаш наизготовку взял. Ни дать ни взять — рыцарь со щитом и копьём. Я чуть позади него стоял, и видел, что затылок у него весь мокрый от пота, а спина как деревянная. Нервничает начальник.

Но удивляться нечему — обстановка внушала. И хозяин ей под стать.

Росту владелец дома оказался небольшого. Прямо скажу — такой себе мужичок, самый обыкновенный. Увидишь на улице, пройдёшь мимо и не вспомнишь, как выглядел.

Если только этот человек не в парчовом халате, вот как сейчас. А может, не парча, не разбираюсь я в этом, но — богато. Лицо круглое, волосы коротко стриженные, видно, чтоб не выдавать начинающуюся лысину. Бородка короткая, усишки редкие, но ухоженные. На пальцах тяжёлые кольца, под халатом — белоснежная рубашка виднеется.

И веет от человека богатством, как из холодильника — холодом.

— Вы бы, господа сыщики, по деревне побегали, в поселение заглянули, — брюзгливо сказал хозяин. — Ежели труп нашли, туда идите, где всякий подлый народишко обитает. В кабаки загляните. Так нет, они приличных людей беспокоят понапрасну.

Смотрю, у начальника моего шея совсем побагровела. Того гляди, лопнет от злости начальник мой. Но Бургачёв ничем свою злобу не выдал, а ответил спокойно:

— В поселение и прочие места мы непременно заглянем, господин Филинов. А пришли мы вас беспокоить потому, что таково было распоряжение господина капитана. Господин капитан велел выяснить, не знает ли кто из приличных господ, почему в парке, где приличные господа гулять изволят, тело невинной лилии лежит, злодейски убитое. Нет ли среди благородных жильцов знакомых у неё?

Опаньки. Шах и мат. Не повышая голоса, Бургачёв хозяина дома в нокдаун отправил. Побагровел хозяин, рот открыл, а сказать ничего не может.

И что такое — невинная лилия? Не цветочек же, в самом деле. Но поразмышлять о цветочках не получилось.

Распахнулась боковая дверь — я её сразу и не заметил, среди всего этого богатства — и в кабинет вплыла дама.

Сразу видно — дама солидная, даже не так — респектабельная. Уважаемая жена, мать семейства и опора благотворительного фонда по совместительству.

Она, в отличие от своего супруга (а что это жена хозяина дома, сомневаться не приходилось), одета была в скромные цвета и совсем не сверкала. Платье чёрное, только на шее брошка кружева подпирает, тоже чёрная, но солидная. На безымянном пальце перстень, в перстне бриллиант размером с хорошую вишню. Лицо пухлое, глаза светлые, как выгоревшее небо, серые волосы затянуты в узел на макушке. Не красавица, и возрастом под полтинник. Но как хозяин дома её увидел, сразу в кресле подобрался, халат оправил и лицо строгое сделал. Как подменили человека.

— Аннушка, чаю господам из полиции, — приказала она, и служанка-горничная пулей метнулась вон из кабинета.

— Прошу присесть, господа, — повела рукой хозяйка. На что мой начальник вежливо отказался, под предлогом занятости.

— Прошу, прошу, господа полицейские. Вы свой долг выполняете, мы — свой. Разьясните, что случилось?

Появился чай. Аромат умопомрачительный. Это вам не чай из пакетиков — и рядом не стоял. Тут же вазочки с баранками и всякой сдобой. У меня в желудке заурчало, как назло.

— Угощайтесь, молодые люди, — повела рукой хозяйка. Стало ясно, что просто так мы

отсюда не уйдём. — Служба службой, но замерзнуть живой душе не дело.

Деваться некуда. Бургачёв неохотно присел, чашку взял, но пить не стал — только вид сделал.

А я баранку взял — для эксперимента. Не потому, что у меня от голода живот подвело. Хотя и поэтому тоже. Говорят, во сне ничего сделать не получается по-настоящему. Например, если снится тебе, что ты туалет ищешь, значит, приспичило тебе. Но не найдёшь ты во сне себе места, где дела свои сделать, никак. Ну а если всё-таки получится, проснёшься ты утром на мокрой простыне. Если же голодный, снится тебе будет всякое вкусное, но попробовать ты это всё не сможешь. Вкуса не ощутишь, и прожевать не получится. Разве что подушку...

Короче, взял я баранку и откусил — под недобрим взглядом начальника. Вкусная баранка, сдобная, прямо во рту тает. Сам не заметил, как умял.

И тут же замер от испуга. Это что же получается — не сон? Поел, вкус ощутил, как взаправду?

Хозяйка меж тем, пока я эксперименты проводил, из Бургачёва информацию вытягивала.

Тот отвечал коротко, и видно было, что разрывается начальник между вежливостью и служебным долгом.

— Неужели никто не хватился бедной девушки... Вы ведь сказали — девушка? — говорила хозяйка, самолично подливая чай в чашки. — Должны быть родные, друзья... Кто же будет в такой ранний час в парке гулять?..

— Я не говорил, что девушка, — Бургачёв покрутил чашку в руке, поставил на блюдце. — Я сказал... э-э... как бы это выразиться... лилия. Простите. Предположительно.

— О. Вот как, — дама выпрямилась, губы поджала.

Но взгляд у ней так и загорелся. Не подумал бы, что эти бледные глаза так сверкать могут.

А хозяина дома аж перекосило. Но он тут же сделал покерфейс на загляденье. Ох, что-то здесь нечисто.

— И мы хотели бы опросить всех слуг в вашем доме, — заявил мой начальник. — Такой порядок. Все должны быть опрошены.

— Ну что же, раз такой порядок... — протянула женщина. И на мужа взгляд бросила.

Тот уже совсем себя в руки взял, и кивнул холодно так — типа, разрешаю.

На этом Бургачёв поднялся, попрощался очень вежливо, и мы ушли.

* * *

Слуг мы, разумеется, опросили. Да только ничего, как и в других особняках, из этого не вышло. Зато уже на выходе мне повезло. Смотрю краем глаза, а позади та самая горничная стоит, из-за лестницы выглядывает, и рукой мне знак делает. Я, не будь дурак, своему начальнику сказал:

— Господин Бургачёв, э-э... один момент!

— Что такое?

— Надо мне... после чая... по малой нужде.

— Терпи. Нечего в чужих домах нужду справлять! — буркнул начальник со злостью.

Видно, что хочет убраться отсюда поскорей.

— Не могу терпеть, совсем припёрло. Пожалуйста, я на секундочку!

— Ладно. Да поживее!

Вот и ладненько. Метнулся я назад.

Девушка меня быстренько за рукав ухватила и оттащила в сторонку, в тёмный уголок.

Там остановилась, голову склонила, будто стесняется, и говорит:

— Господин полицейский, я так испугалась, у меня аж сердечко выпрыгивает! Видите?

И ладонь себе на фартучек положила — там, где сердце. Ну, до сердца там ещё глубоко.

Сначала надо фартучек снять, платице расстегнуть...

Она увидела, что я смотрю куда надо, глазками стрельнула из-под чепчика (или как там это называется), и ладонь мне сжала.

— Ох, пожалуйста, скажите мне, господин офицер, что всё будет хорошо! Это же ужас такой, мёртвое тело! А может, и не одно?

Смотрю — девушка глазки закатила и на ногах пошатнулась. Ага, слышали и читали мы про это. Это они в обморок так падают. От тугого корсета. Только нет на ней корсета, видно по всему.

— Не беспокойтесь, гражданка, — говорю строго. Правда, голос у меня дрогнул, чего уж там. Ведь если кого в тёмном месте прислонить к тёплой стенке, всякое может случиться. — Всё под контролем! Ваша полиция вас бережёт!

Тут она в обморок падать передумала, глазами поморгала, выхватила из кармашка фартука бутончик — цветок какой-то, — и в ладонь мне сунула.

— Вы такой милый! Вы так меня успокоили! Как мне вас отблагодарить? Даже не знаю. Вы ведь в городе живёте? Я иногда там бываю. В кондитерской у Савельева Саввы. Обычно до полудня. Пироженые там очень вкусные... Если зайдёте туда, скажем, в субботу, можно пироженых покушать...

Выбрался я из-под лестницы весь вспотевший. Бургачёв на меня посмотрел, губы скривил, но ничего не сказал. Только на бутончик в руке глянул, усмехнулся гаденько так, и зашагал к воротам.

Я — за ним. В голове кавардак, в руке — цветочек, на душе — маета.

На повороте дороги нас ждала запряжённая парой лошадей полицейская повозка.

Там уже сидели и ждали только нас полицейские в мундирах. Ещё один мундирный прохаживался возле лошадей, поглядывая на небо и нетерпеливо притопывая ногами.

Мы с Бургачёвым залезли в повозку.

После выпитого с морозу чая с баранками, девчоночьих ладошек под лестницей и вообще всего, что случилось, меня разморило.

Я уселся с краю, прикрыл глаза и задремал. Мне бы сейчас смотреть во все глаза, суетиться, расспрашивать о том, о сём — что да как в этом мире... Но я заснул.

Проспал всю дорогу и проснулся только, когда мы остановились, и полицейские дружно полезли из повозки.

Меня растолкали, я спрыгнул на мостовую.

День клонился к вечеру. Мы прибыли в город. Мой город, который было не узнать. Куда делись многоэтажки, телевышка, спутниковые тарелки, кондиционеры на стенах, трамвайные пути и вездесущие маршрутки? Где асфальт, блестящий под лучами фар? Где дорога с зебрами и светофорами, перечёркнутая лежащими полицейскими? Где заправки, машины, рекламные щиты?

Ничего этого не было и в помине. Никаких многоэтажек. Три этажа — предел. Разве что декоративные башенки, мансарды и балконы. Да ещё купола соборов, которые тут и там возвышались над крышами.

Повозка наша остановилась возле двухэтажного дома, и пока я озирался по сторонам, последний мундирный полицейский уже скрылся за распахнутыми воротами.

Смотрю — а машинка антикварная тоже здесь. Стоит поодаль, на другой стороне улицы. Возле руля — уже знакомый мордатый водитель, а на пассажирском месте белеет шарфом давешний начальник. Как его там — Иван Витальевич.

Бургачёва окликнули от машины, так он мелким шагом к ней подсеменил, подхалим. Аж изогнулся весь, шею вытянул, начальнику внимая.

Потом обернулся и мне рукой махнул.

Иван Витальевич сидел весь важный, руки на рукояти трости сложил, лицо в меру суровое — в соответствии с моментом.

— Вот что, голубчик, бумаги подготовьте, да не мешкая. Капитану отдадите, он мне передаст. Дело это срочное, промедления не терпит. Не каждый день инородные проститутки высшего разряда под нож попадают. Рядом с такими людьми...

— Да ещё в мерзком магическом круге убитые... — поддакнул Бургачёв.

Здесь начальник на него зыркнул, строго так, и тот заткнулся посреди слова. А Иван Витальевич помолчал и добавил:

— Займитесь этим немедленно. Стажёра своего можете пока отпустить. Праздник всё-таки. Он у вас на ногах уже не стоит. Да, и вот ему за усердие... пускай опохмелится... за здоровье государя нашего.

Кивнул шофёру, тот портмоне из-за пазухи вытащил, достал бумажку и Бургачёву протянул. Бургачёв её мне передал.

Я машинально бумажку взял, зажал в кулаке.

— Прощайте, голубчик, — Иван Витальевич сделал знак шофёру. Машина затарахтела,

мы отошли.

Бургачёв проводил начальственный экипаж взглядом, повернулся ко мне:

— Всё, свободен. Иди отдыхай. Да деньги не потеряй! И чтоб с утра как новенький был! Скажи спасибо, начальник наш с понятием, а то получил бы ты, стажёр, как следует. Давай, давай, домой иди. Не позорь своим видом учреждение.

Поглядел на меня грозно, как только что начальник, и ушёл вслед за остальными полицейскими. А я на улице остался с бумажкой в руке.

"Домой иди!.." Где мой дом, ещё бы кто подсказал. Не узнаю ничего. Не тот это город, из которого мы с друзьями накануне выехали день студента отмечать. Совсем не тот.

Но делать нечего. Мелькнула у меня мысль зайти туда же, куда и остальные полицейские, но отпала. Увидит Бургачёв, разорётся. Или, вопреки указаниям начальника, заставит отчёты писать. Мне сейчас совсем не нужно ни того, ни другого. А нужно мне место найти, чтобы спокойно подумать над судьбой своей. Что случилось, как я сюда попал, и можно ли отсюда выбраться. Потому что понятно, что не сон мне снится. Не бывает таких реальных снов.

Мысль о том, что я головой на прогулке с Альбинкой ударился, и лежу сейчас в бреду, отогнал подальше. Если лежу, то ничего тут уже не поделаешь.

Так что постоял я, подумал, и двинулся вверх по улице. Туда, где башенка виднелась с круглыми часами.

Пока шёл, в голове немного прояснилось. А когда к башенке вышел, составил план действий.

Сейчас главное что? Место найти. Спокойное и тёплое. На улице зима, ночь надвигается. А начальник сказал — иди домой. Значит что? Значит, мне есть куда идти. Дом у меня имеется. Осталось найти его, и половина задачи будет решена. Там можно и подумать как следует, и переночевать в тепле.

Так что огляделся я, поразмыслил. Где стажёр может жить? Уж точно не в палатах каменных. Значит, искать надо дома попроще, а не те, что здесь, в центре города стоят. Здесь, куда ни посмотри, одни магазины да учреждения. Банк такой-то, банк сякой-то, магазин господина такого-то... Даже если наверху, над магазином, есть жильё, бедному стажёру оно точно не по карману.

Идти надо на окраину, поближе к дешёвым домам, где труба пониже и дым пожиже. Да поспрашивать, где студентам и прочим молодым стажёрам жильё сдают. А ещё лучше — найти универ. Если я там учился, меня там узнать должны. Скажу, так напился, что свой адрес забыл. Стыдно, но вот... такое. Или ещё придумаю что-нибудь.

* * *

Как видно, в мозгах у меня затмение случилось. Иначе не прошлялся бы я так долго по незнакомому городу.

Самая удачная идея оказалась самой дурацкой из всех. Поспрашивать про универ. Иду по улице, думаю, кого спросить, смотрю — парни стоят возле магазина. Я им — как пройти к университету? Они как заржут, куда там лошадям. Ничего не сказали, стоят, на меня смотрят и смеются.

Ладно, думаю, алкашня малолетняя, что с вас взять. Иду дальше, смотрю, у обочины

коляска с лошадьё. Такие дрожками называются или пролёткой. На дрожках водитель кобылы сидит в дублёнке, скучает. Ждёт клиента.

Я к нему подошёл, про университет спросил. Извозчик не заржал, как те парни, но ухмыльнулся во всю пасть, где зубов не хватало, и сказал: "Эка вы, господин студент, отпраздновали! Видать, крепкое винцо попало!"

Тут клиент из банка вышел, сел в дрожки, извозчик кобыле команду дал, и они отъехали. А я как дурак остался стоять, не пойму, что не так спросил.

Только потом до меня дошло — нет в этом городе университета. Не построили ещё. Но понял я это сильно позже. Когда в кафешку местную забежал, погреться. А то уже от отчаяния стал всех, кто по дороге попадался, спрашивать, нет ли здесь общежития, и где оно находится. И кто здесь комнаты сдаёт, по дешёвке.

На первый вопрос люди в зависимости от воспитания ржали, ухмылялись, смотрели с удивлением.

На второй накидали столько вариантов, что я понял — не обойти мне все адреса до утра.

А тут как раз увидел, что рядом дверь в кафешку открылась, и оттуда аромат жареных пирожков пахнуло. Такой аромат был густой и смачный, что ноги мои сами туда пошли.

Это, ясное дело, не кафешка совсем оказалась, а забегаловка. Столовка обыкновенная. Только с поправкой на местный колорит. Над дверью — вывеска, где большими буквами написано: "Довольный желтобрюх". Сбоку вывески нарисован мордатый чувак с улыбкой от уха до уха. В руке у мордатого — большая чашка, но по довольной улыбке сразу ясно — не чай он там пьёт.

Здесь окраина уже была, край города. К тому времени я уже столько улиц и переулков обошёл, что хотелось сесть на лавку и прямо там и заснуть. Даже трусливая мысль появилась — вернуться с позором в полицейский участок, пред ясны очи Бургачёва, и будь что будет.

В забегаловке оказалось тепло, душновато — кондиционеров-то нет — но уютно. Самоварище стоит здоровенный. На полках бутылки всякие. Тут же рюмки в ряд выстроились, чайники пузатые. Вдоль стены стойка, за стойкой тётка большая, пышная, румяная как булка.

Стол в забегаловке квадратные, за столами народ сидит разный, пьёт разное из чашек, кружек и стаканов. На тарелках у них лежит всякое, и они это всякое едят.

У меня в животе заурчало. Только сейчас понял, как проголодался. От того чая с баранками, что нам в пафосном особняке предложили, остались только воспоминания.

Подошёл я к стойке, а тётка в переднике мне ласково так:

— Что кушать будете, господин? Есть уха горячая, с расстегаями. Поросёнок с кашей, кулебяка, пирожки ассорти — с начинками разными, каша в горшочке...

Я аж слюной захлебнулся. Говорю:

— Уху давайте, если горячая. Пирожков давайте... — тут я задумался, а есть ли у них картошка. — Пирожков с мясом.

— Есть с требухой хорошие, только испекли.

— Давайте!

— Пить что будете? — спросила женщина. Пригнулась ко мне, и мягко так посоветовала: — Водочки не предлагаю, господин студент. Похоже, вы уже накушались.

И громче добавила:

— Чаю подать вам? У нас чай хороший. От лучших поставщиков.

Я кивнул. В животе урчало всё громче.

Потом я ел. Не заметил, как тарелки опустели. И с ухой и с пирожками. Чай мне дали в чайнике, так я чашку за чашкой весь чайник и уговорил.

Может, потому и не заметил, как народ за столиками на меня смотрит. Недобро так.

Я чашку на стол поставил, выдохнул. Уфф-ф, как я хотел есть.

Осмотрелся.

После чая или пирожков, но стало мне гораздо легче, и в глазах прояснилось. Смотрю — за соседним столиком сидят трое, и все на меня уставились. Недобро так. Все бритые налысо, лысые лбы от пота блестят. Все в одинаковых куртках, чёрных, застёгнутых наглухо, только пуговицы почему-то цветные. А уши у всех троих длинные, острые и торчат вверх, как у летучих мышей. У них и кожа бледно-зелёная, словно брюхо у лягушки. Похожее ухо я сегодня утром уже видел. У фотографа на поляне.

Повернулся я в другую сторону — а там ещё двое. Те совсем чудные. Головы большие, надбровные дуги массивные, и глаза из-под бровей жёлтым поблёскивают. У этих уши круглые, но сплюсненные, к черепушке плотно прижатые. И кожа какая-то желтоватая. Плечищи широкие, шире моих раза в два. И глаза кошачьи. У всех.

Нет, наверное это всё-таки бред.

— Счёт, пожалуйста! — я пошарил в кармане и вытащил смятую бумажку, что мне начальник дал от своих щедрот.

Тут ко мне парнишка молоденький подскочил, в фартуке и с полотенцем через плечо.

Я бумажку развернул и ему протягиваю. Он на бумажку глазами поморгал, взял её двумя пальцами и говорит:

— Это много, господин студент. Нет ли помельче у вас?

— Нет.

Мальчонка к тётке за стойкой отбежал. Вижу — она тоже бумажку мою покрутила, и давай на свет рассматривать.

— Богатый дядя, — вдруг сказал один из ушастых. Голос у него оказался какой-то хриплый и резкий, будто кто ржавым ножом по тарелке провёл.

— Богатый, — согласился его дружок. — Красненькую достал. Толстый человечек. При деньгах.

Смотрю, тётка из-за стойки выбралась, к моему столику подошла, выложила передо мной бумажную денежку синего цвета — а моя была красная — к ней горсть мелочи, и говорит тихо так:

— Ступайте домой, господин студент. Место здесь недоброе, время к ночи. Неровен час, случится чего.

Взял я бумажку синюю, мелочь сгрёб в ладонь. Вдруг чувствую — за пазухой, во внутреннем кармане, зашевелилось что-то. Зашуршало, зацарапалось. Котёнок вылез наружу, сонными глазами посмотрел вокруг и мяукнул. А я и забыл про него совсем.

Вытащил я его, на стол поставил и спросил:

— Возьмёте котёнка? Может, нужен кому?

Наверное, я опять сказал что-то не то.

Тётка аж отшатнулась. Лицо, только что доброе, холодным стало. Зато те, ушастые и мордатые, оживились.

Поднялись со своих мест, обступили меня. Один мне на плечо ладонь положил, к стулу прижал. Ладонь тяжёлая, как чугунная.

— Так, та-а-ак, — другой ко мне наклонился. — Кошками торгуешь? Сам не жрёшь, другим продаёшь?

— Разбогател, красненькими швыряется... — гнусаво добавил ещё один.

Краем глаза вижу, блеснуло сбоку — нож. А тот ушастик, что ко мне наклонился, котёнка цапнул, зубы оскалил:

— Мы их сырьём жрём, с кишками, человечек! Показать?

И пасть разинул. Котёнок запищал. А нож блеснул и в бок мне метнулся.

Тут началось...

Первому ушастому, что котёнка цапнул, я левой в морду двинул. Хорошо так, от души. При этом развернулся, правой нож отбил. Сам со стула упал, перекатился. Нож отлетел на пол, только пальтишко мне на боку наискосок вспороть успели.

Тут они толпой на меня налетели, как собаки на приبلудившуюся дворнягу. Я на полу крутанулся, одного под пятку подбил, другого пнул как следует. Они повалились, я подпрыгнул, да скакнул к стене, где полка с чайниками. Чайник ухватил и первому, кто сунулся, зарядил по физиономии.

Слышу, мальчонка-официант у двери верещит, будто режут его. На помощь зовёт, только не поймёшь, кому — мне или этим. Заметил ещё краем глаза, что тётка откуда-то из-под прилавка дубинку вытащила, вроде бейсбольной биты. И к нам двинулась.

Но мне было не до тётки — на ногах ещё трое оставалось. Да ещё подбитые рядом кружат, — шатаются, но боевой дух не потеряли.

Зажали меня в угол, хотел отскочить, да на удар нарвался. Вроде вскользь по скуле прошло, но поплыл я. Это от мордатого желтокожего прилетело — кулаки у них и правда как гири.

Успел увидеть, как тётка надвинулась, дубинкой взмахнула... И темнота.

Просыпаться утром по будильнику — неприятно. Просыпаться за пять минут до будильника — неприятно вдвойне. Снилось мне, будто сижу я на лекции, а рядом со мной секретарша нашего декана. И нежно так мне в ухо шепчет: "Вы отчислены, Воронков... За злостные прогулы, пьянство и нарушение обещаний..."

Потом вдруг секретарша расплывается в дым и превращается в большую, горящую синим огнём кошку. Из густой шерсти летят искры, глаза светятся как фары. Кошка придвигается ко мне вплотную, щекочет усами, тычется носом: "Мрряяу! Мрряяу-уу!"

Тут я глаза открыл. Смотрю — на мне котёнок стоит, лапами упирается в грудь, смотрит прямо в лицо.

— Мяу!

Тут я всё сразу вспомнил и аж подпрыгнул на кровати. Кровати?!

Кровать, узкая, как в общежитии. Комната — маленькая, в одно окошко. Обои голубые, в цветочек. Напротив кровати — стул, столик маленький у стены. На столе таз и кувшин. Пол дощатый, крашеный. Потолок низкий. Тесно, но чисто, и даже уютно.

Почему я не в морге? Или в больничке, весь гипсом облепленный? Те, в забегаловке — с кошачьими глазами, не шутили, а кулаки у них были здоровенные.

Поднялся я с кровати, и едва обратно не рухнул. Всё болит, будто меня грузовик переехал, и не один раз.

Еле-еле дошаркал до столика. Водички из кувшина отхлебнуть — во рту сушняк, не передать словами. Там зеркало стояло — небольшой прямоугольник на подставке. Как раз чтобы бриться и ухо случайно не сбрить.

Глянул я на себя. Поморгал и снова взглянул — внимательно.

— А-а-а-а!!

Проорался и ещё разок посмотрел. Вспомнил шутку: мужик с похмелья смотрит на себя утром в зеркало и говорит: "Я тебя не знаю, но я тебя побрею"...

Потому что не я там отражался. Парень какой-то незнакомый. У меня волосы тёмные, а у этого светлые. И глаза светлые, а у меня — карие.

Лицо у этого чем-то похоже на моё, но другое. Я, конечно, тоже не урод, девчонки не шарахаются, а некоторые даже наоборот. Но этот прям симпатяга.

Хотя синяк на пол-лица, разбитая губа и припухшие покрасневшие глаза красоты не добавляют. Зато сразу видно — вчера чуваку было весело и интересно.

Тут мне в дверь постучали.

— Господин, господин, вы чай пить будете?

Голосок писклявый.

За дверью девчонка. Я её увидел, аж пошатнулся. Такая маленькая, а уже зелёная. Как те, в забегаловке. Росточком мне по пояс, платьице тёмное, шея тоненькая, глазёнки раскосые, и уши торчат.

— Чего тебе? — говорю.

— Меня матушка послала спросить, будете чай пить, или сразу на службу пойдёте? — пищит эта малявка. — А ещё матушка спрашивает, вы за квартиру сейчас платить будете, или до вечера задержите, как в прошлый раз?

Ого! Хотя голова у меня болит и раскалывается, но кое-что соображает.

Как в прошлый раз — значит, я тут не первый день. И меня здесь знают.

— До вечера, — говорю. — Чай буду.

Девчонка кивнула, и метнулась куда-то.

Чай ждал меня на столе, покрытом скатертью. У стола суетилась хозяйка квартиры, где я комнату снимал. Такая же зеленоватая и ушастая — хозяйка, не квартира. И болтала эта хозяйка без умолку, что не мешало ей подметать, мелких детей гонять, бельё гладить и ещё всякими делами заниматься.

Так что, когда я из квартиры выбрался на улицу, у меня в голове ясность наступила. По сравнению со вчерашней — прям-таки кристальная.

Принесли меня сюда от забегаловки, где драка была. Хозяйка, охая и ахая, в красках расписала, как меня в дом втащили, еле живого, а мальчонка-официант, который помогал квартиранта нести, ей всё рассказал.

Тамошняя владелица забегаловки — подруга моей квартирной хозяйки. И когда по карманам побитого студента пошарила...

Ну да, я же на полу валялся, куда меня в нокаут отправили эти гоблины плюс орки...

Сам виноват, незачем было в старенькой студенческой шинельке поздно вечером пьяным ходить... Да ещё котят предлагать. Это потом понятно стало, что к чему. А тогда все решили, что студент издевается. Человек — над гоблинами. И над орками заодно.

Так вот, когда подруга хозяйки по карманам пошарила и квитанцию на оплату квартиры нашла, тут же вспомнила, что заселился у её подруги один студент. Бывший студент, а ныне — стажёр в сыскной части.

... "А шинелька ваша новая, которую вы давеча почистить просили — вот она, на плечиках висит, красуется. Вся с иголочки, с петлицами, со значком, как положено. Вы уж больше в старом не ходите, господин Найдёнов. Не ровен час, опять в неприятности попадёте. Праздник — праздником, но бережёного бог бережёт"...

Шинель и правда на стене висела, новая, тёмно-зелёного цвета, с оранжевыми петлицами. В самом деле — с иголочки.

Надел я её, и на службу отправился. А перед этим по карманам пошарил как следует. В поисках документов и других опознавательных знаков моей новой личности.

Документы нашлись в столе, куда я же — другой я — их накануне запрятал. Прежде чем шинель в чистку отдать. Почему новенькая форма запачкалась, я даже думать не стал. Обмывал, видать, господин стажёр своё назначение.

Так что шагал я теперь по улице к полицейскому участку — красавец-красавцем. Весь с иголочки, только лицо помятое.

* * *

— К нам едет служба надзора, — помощник полицмейстера Викентий Васильевич указал пальцем в потолок. — Господин полицмейстер телеграфировали в столицу.

Мой начальник Бургачёв скривился, как будто лимон укусил. Ещё трое полицейских — немолодые дядьки, что сидели тут же, в начальственном кабинете, молча закивали.

— Оказывать полное содействие, никаких препятствий не чинить, — зам полицмейстера строго глянул на Бургачёва. — А то знаю вас.

— Викентий Васильевич, так то когда было... — начал Бургачёв.

— Вот чтоб и не было! — рывкнул тот. — Вы от инородов морды воротите, а нам сверху по шапке! Неужто неизвестно, что инород инороду — рознь? Это вам не гобы зелёные, не желтопузые орги. Сам высший эльвий собственной персоной — друг государя и опора власти!

— Поняли, поняли мы, Викентий Васильевич, — миролюбиво пробасил самый пожилой полицейский. — Неужто мы без понятия совсем.

— Так вот, раз поняли, за дело со всем рвением приступайте. Чтоб комар носу не подточил. Та девка хоть и проститутка была, но высшего разряда. Из эльвиек, а это не каждому богачу по карману. То, что её в Александровском парке нашли, не случайность.

Бургачёв, что у нас по опросу?

Мой начальник откашлялся. После нагоняя лицо его горело красными пятнами.

— Опрос ничего существенного не дал, ваше высококордие. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Мы опросили всех, от хозяев до слуг. Все в один голос говорят одно и то же.

Пожилой полицейский ухмыльнулся в усы. Остальные молча переглянулись, разве что не плюнули. Видно, не любят здесь господина Бургачёва.

Меня аж зло взяло. Поднял я руку, как школьник на задней парте, и сказал:

— Говорят одно, а показывают другое!

Все на меня посмотрели.

— Что показывают? — похоже, его высококордие опешил от моей наглости.

— А то, что знают они, в чём дело. У господина Филинова, которого мы последним опросили, на лице всё написано. И у жены его. Он, как услышал про э-э, невинную лилию, чуть с кресла не упал. А жена его глазами сверкала, как люстра хрустальная. А он как заметил, что она разозлилась, сразу младенцем прикинулся — ничего не знаю, ничего не видел!

— А вы, господин стажёр, выходит, видели, — медленно, с расстановкой произнёс зам полицмейстера.

В комнате стало холодно, как на полюсе. Северном. Или южном.

Стало мне страшновато, но остановиться я уже не мог и не хотел.

— Да это и слепой бы заметил. Надо бы у них отпечатки пальцев взять, у всех. На предмет соответствия. Мы же рядом с телом кисть нашли, всю в краске. И нитку. Может, это с чьего-то пальто нитка.

Смотрю, у Бургачова лицо пунцовым стало. Викентий Васильевич наоборот, как-то даже побледнел, и на меня из-под бровей уставился.

Все остальные, кажется, дышать перестали. Только смотрят, рты разинули, разве что попкорна не хватает.

— Так, — ледяным голосом говорит зам полицмейстера. — И какие будут ещё предложения, господин Найдёнов?

Ну, мне терять уже нечего, несёт меня — аж самому страшно.

— Это уж вам решать, вы начальство. Только я себе уже план наметил. В субботу встречаюсь со свидетелем — наедине. Она точно что-то знает.

Бургачёв глаза закрыл, стоит, покачивается. Полицейские глаза таращат, то на меня, то на начальника, будто в цирке. Один, самый пожилой, фейспалм сделал обеими руками. Лицо закрыл, а сам трясётся — то ли плачет, то ли со смеху помирает.

— Она, значит... — зам полицмейстера меня взглядом сверлит, того гляди — прожжёт

насквозь. — А личико вам, господин студент, тоже она разукрасила? Или это вы с другими свидетелями наедине общались?

— Ну почему, — говорю с достоинством. — Это к делу отношения не имеет. Тут я сам виноват. И не наедине, а в чайной "Довольный Желтобрюх". Их пятеро было, я один.

Тут пожилой полицейский руки от лица отнял, и тоже на меня уставился.

— Напомните мне, господин Бургачёв, откуда к нам господин стажёр прибыл? — спросил зам полицмейстера, а сам глаз с меня не сводит.

— По окончании столичного университета с превосходными отметками отправлен был Дмитрий Найдёнов в школу полиции при управлении обер-полицейстера, — деревянным голосом отрапортовал Бургачёв. — Которую успешно окончил. После чего сюда был выслан по разнарядке в соответствии с указом от числа...

— Довольно, — оборвал его Викентий Васильевич. — А в университет упомянутый господин поступил прямо из дома призрения, что в нашей губернии находится. Так?

— Так точно, ваше высочорodie!

— Так, так, — зам полицмейстера скривился, губами пожевал. — Ну что же... Грех не воспользоваться таким обстоятельством. Ишь, свидетелей он опрашивает... наедине.

А я стою, вижу — все чего-то поняли, перемигиваться начали. Только мне непонятно ничего. Уже и сам не рад, что выскочил. И что на меня нашло? Будто чёрт вселился. Может, это прежний хозяин тела дурит? Понятно же, что выпить этот Дмитрий Найдёнов не дурак и вообще фрукт ещё тот...

Викентий Васильевич пальцем щёку поскрёб задумчиво и распорядился:

— Господа пристава, за дело. Согласно плану. Стажёр — за дверь, ждать, пока вызовут. Бургачёв, вас попрошу остаться.

Вышел я из кабинета, встал у стенки, глаза прикрыл. Вокруг меня полицейские бегают, суется. На меня поглядывают — кто сочувственно, кто злорадно. Ясное дело, проштрафился стажёр, сейчас его песочить будут в хвост и в гриву.

Потом дверь распахнулась, мой начальник Бургачёв вылетел, весь взмыленный как конь, лицо в пятнах.

— Иди! — внутрь указал, меня взглядом ожёг и умчался.

Вошёл я. Дверь за собой плотно прикрыл, как сказали. Ну а потом все любопытные с той стороны двери могли слышать громовой голос его высочородия господина заместителя полицмейстера.

"Неслыханно!.. Позор всего отделения!.. Пьянство, поножовщина, драка в общественном месте... Стыдно, господин стажёр!.. Сей же час сдайте значок, и чтобы я вас здесь больше не видел!.."

Сколько времени прошло, я не считал. Когда всё закончилось, открыл дверь, вывалился из кабинета и все, кто мог видеть меня в тот момент, наверняка посочувствовали бедному стажёру. Потому что превратился стажёр в тыкву. Был, да весь вышел.

Побрёл я к выходу, как на улице оказался, даже не заметил.

Обернулся, взглянул на окна полицейского участка. Провёл ладонями по своей шинели, недавно такой новенькой. Теперь на ней не было ни петлиц, ни значка. Выдраны с мясом.

Вздыхнул, надвинул кепи поглубже, и зашагал вдоль по улице. Туда, откуда пришёл совсем недавно, такой красивый.

Вечный вопрос: что делать и кто виноват? Кто виноват, понятно — конечно же Дмитрий Найдёнов. Пить надо меньше. А вот что делать... Сейчас пятница, завтра суббота. В субботу у меня свидание с хорошенькой горничной. В кондитерской у Саввы. Будем кушать пирожные — так она сказала.

А чтобы девушку пироженкой угостить, а потом ещё чем-нибудь, нужно деньги иметь. Так что первый вопрос — финансы.

Да ещё за квартиру обещал хозяйке. И как теперь платить, если с работы выперли?

В знакомой забегаловке в этот час было пусто. Я плюхнулся за столик и закрыл лицо руками. Слышу, напротив стул заскреб ножками по полу. Сел кто-то. И голос хозяйки:

— Случилось что, господин стажёр?

Я головой помотал, промычал жалобно. Типа — "оставь меня, старушка, я в печали". Она не отстаёт:

— Беда какая?

Говорю:

— Не стажёр я больше. Выгнали. С волчьим билетом.

Она ахнула.

— Неужто за вчерашнее?

Молчу. Хозяйка руку на грудь положила:

— Не подумайте, господин, я никому! Городовой приходил, спрашивал, кто драку затеял, так я сказала, что не знаю вас. Мы же не обязаны знать, кто к нам приходит.

Хозяйка знак сделала, парнишка-официант засуетился, рысцой сбегал, рюмочку принёс и блюдо с пирожками.

— Угощайтесь, господин. Как вас теперь называть-то?

— Да как называть, — я рюмку отодвинул. — Был господин, стал никто. Я ж детдомовский... э-э, из приюта. Сирота совсем.

— Что, совсем-совсем никого?

— Никогошеньки.

Это я в документах своих прочёл, что на квартире у меня лежали. Найден младенцем на пороге сиротского приюта, имя, как в таких случаях дают, от нынешнего государя, а фамилия согласно случаю — Найдёнов.

— Что же вы не пьёте, или обижаетесь на меня?

— Нет. Мне работу ещё искать. И так вон лицо всмятку. Кто такого возьмёт? А мне за квартиру платить, то, сё...

Задумалась она. Подумала, подумала, над столом наклонилась и тихонько сказала:

— Помогу вам. Раз так вышло, помогу. Знаю, кто работу вам даст. Вы только скажите, что от меня.

Достала из кармана фартука блокнот, карандашик, и стала писать крупными буквами, как девчонка-первоклассница.

— Вот, возьмите.

Я взял листок. Там было написано: "Податилю сего памочь с работою просим". И подпись — "с.т. Олёна Е".

Что такое с, т, а уж тем более Е, я спрашивать не стал. Мало ли, может, старший товаровед.

— И вот ещё что, — сказала она совсем тихо. — Ежели на вас печать есть, вы не скрывайте. Не показывайте без дела, но если спросят, не отпирайтесь.

— Что за печать? — удивился я.

— Да вы не смущайтесь. Никто вам рукава задирать не будет, и рубашку снимать не заставят. Просто, если спросят, скажите: есть печать, как положено. Вот и всё.

Ёлки зелёные, ну как тут понять? У меня что, татуировка где-то имеется, а я и не знаю? Конечно, я туловище студента Найдёнова в подробностях не разглядывал... Кто знает, что там на нём нарисовано. Но откуда она-то знает?

— Хорошо, — отвечаю. — Понял. Говорите, куда идти.

* * *

Нас было десять — работяг по найму. Шестеро гоблинов, трое орков и я. Единственный человек в этой компании.

Хотя нет — ещё один человек здесь был. Важный, мордато-усатый и снисходительно-брезгливый. В разношенных, но крепких сапогах, потёртой дублёнке и с бумажкой в руке. В эту бумажку он всех нас и записал обгрызённым карандашом. Осмотрел брезгливо, похозяйски, и во взгляде его читалось — хулиганы, тунеядцы, алкоголики.

Да мы и правда так выглядели. Гоблины, или гобы, как их здесь называют, от совсем мелкого до пожилого, морщинистого, были похожи на бомжей. Оборванцы, по-другому не скажешь. Малец вообще в одной вязаной кофтёнке на голое тело. От холода он стал совсем зелёным, как пупырчатый огурец в супермаркете.

Трое орков — или оргов — в одинаковых жилетках поверх фуфаяк и серых штанах, щурили припухшие кошачьи глаза. Пахло от них странно — дикой смесью перегара и розового масла.

Нас всех пересчитали, написали каждому на тыльной стороне ладони порядковый номер, и отправили работать.

Работа была самая разная, но одинаково тяжёлая и грязная. Пока я вместе со всеми копал, тащил, грузил и перекачивал, размышлял о том, что бывший хозяин моего тела Дмитрий Найдёнов — отличный парень. Поднялся с самого низа, выучился — а ведь наверняка для приютского это было непросто — и поступил в университет. Не просто поступил, а закончил с отличием. Уж не знаю, с какого перепуга его понесло по полицейской части, но карьера у парня шла в гору.

Пока не вмешался я. И вот будущее сыскной полиции ковыряется в земле, таскает брёвна, мешки и чёрт знает что ещё.

Прав был мой отчим, когда говорил: учись, оболтус, не то станешь дворником! Выпрут из школы, придётся говно разгребать!

Как в воду смотрел...

К полудню объявили перекус. Мы расселись кто где, гоблины вытащили завёрнутые в тряпочки куски хлеба и принялись жевать. Орки потолковали с распорядителем, взяли заработанное и быстренько свалили. Тот уговаривал их остаться, но орги унеслись на повышенной скорости.

Распорядитель посмотрел им вслед и сплюнул. Его можно было понять — парни хотя и туповатые, но здоровые и в одиночку делали больше, чем трое гоблинов.

— Трависты, — сказал один из гоблинов, что сидел рядом со мной. Он был пожилой, бледная зеленоватая кожа болталась складками на худой шее, вяло свисали сморщенные уши.

— Кто?

— Траву жуют, — пояснил гоблин. — Она вонючая, так они её с розовым маслом смешивают. С маслом сильнее по мозгам бьёт. А если водочкой запить, совсем беда. Только об этом и думают, всё на это спускают — деньги, вещи...

Я посмотрел вслед сбежавшим оркам. Понятно, почему они так быстро пошабашили. Побежали деньги тратить.

Пока мы отдыхали, к распорядителю подогнали ещё несколько работников — пару гоблинов и орка.

Один гоблин показался мне смутно знакомым, но я к тому времени уже так умаялся, что внимания на это не обратил.

А потом, уже к вечеру, мне стало вообще на всё наплевать. Нет, Димка Найдёное крепкий парень — но от такой работы конидохнут.

Наконец распорядитель выдал всем дневной заработок. Объявил, когда можно подходить — на то же место, в тот же час. Гоблины согласно закивали, мотая острыми ушами.

Я взял деньги, сунул во внутренний карман. Мне было уже всё равно.

И кривой злобный взгляд, который бросил на меня смутно знакомый гоблин, мне был как лёгкая щекотка.

Пошёл я к себе на квартиру. Идти было далековато. Но тратить на извозчика честно заработанные копейки не хотелось. Вместо этого хотелось пройтись по холодку, проветрить голову и заодно подышать свежим воздухом. Потому что дышал я весь день совсем не фиалками. Да и употел, как тот самый конь.

На окраине города фонари почти не горели, над головой в тёмном небе сверкали звёзды. Я шёл, глубоко вдыхая морозный воздух и почти засыпая на ходу.

Как видно, поэтому не заметил торопливого, тихого топотка за спиной. Только в последний момент что-то услышал и стал поворачиваться.

Но не успел.

Что-то свистнуло, мелькнула занесённая рука. В глазах вспыхнул и погас фейерверк.

Открыл глаза — лежу.

Причём не на улице, а уже в переулке, за домами. Пошевелиться не могу — так мне врезали, что никак в себя не приду. Только слушать могу, что надо мной говорят.

— Всё снимай! — шипит кто-то.

— Да ты что, исподнее никто не берёт, — возражает другой.

— Этот вонючий человечек меня места лишил! — шипит первый. — Нос мне сломал! Меня с работы выгнали, когда узнали. Я всё с него сниму, до последней нитки. А потом руки-ноги переломаяю. Чтобы знал, как порядочных гобов оскорблять!

Кто-то в ответ фыркнул, засопел. С меня уже стащили шинель, и теперь тянули рубашку.

— Ботинки снимай, не спи! — шипел тот же голос, и я наконец узнал его. Это был тот самый гоблин из забегаловки. Тот, что пытался жрать котёнка. Вот гад.

Похоже, остался я без нижнего белья, судя по ледяному холоду под боками.

— Может, не надо? — в это время бубнили надо мной. — Запомнит нас, в полицию донесёт...

— Не запомнит, — гаденько захихикал гоблин. — Я фокус знаю. Забудет, как миленький.

Второй восхищённо присвистнул.

— У-у, ты слова знаешь?

Гоблин важно ответил:

— Наследственная магия. От бабки досталась. Только цыц — ты ничего не слышал!

— Могила! — поклялся второй.

Ох, чую, сейчас мне туго придётся. Руки-ноги поломают, пошаманят, и я даже не вспомню, кто... Как они это сделают, не знаю, но почему-то я сразу поверил, что так и будет.

Меж тем меня прижали к земле. Холодные цепкие пальцы ухватились за плечи, над лицом нависло тёмное пятно с горящими жёлтым огнём кошачьими глазами — голова гоблина.

Пальцы с острыми когтями впились мне в кожу. Гоблин начал произносить слова. Странные, с шипением и прищёлкиванием.

А я почувствовал, что могу двигаться. По телу прошла горячая волна, мышцы закололо, как от множества иголок. Гоблин всё продолжал говорить. Горячая волна, прокатившись от от пяток до макушки, качнулась обратно и вдруг сконцентрировалась на спине, в районе левой лопатки. Собралась в пяточок, и вдруг вспыхнула жгучим огнём.

Я заорал, подскочил и одним движением отбросил тех, кто меня держал.

В глазах прояснилось. Было уже темно, но я видел, что орк, что держал меня за ноги, лежит на спине и таращится широко открытыми изумлёнными глазами.

Гоблин, который собирался переломать мне конечности, откатился к стене дома, и валялся ветошью, раскинув руки. Скрюченные пальцы торчат кверху, кошачьи глаза уставились в ночное небо и не моргают.

Я обернулся в поисках своей одежды. Надо уходить отсюда. Их двое, из них один — орк. А я устал, как собака. Ещё одной драки мне только не хватало.

— А-а-а-а!!! — заорал орк. — Ааааа!! Печать!!!

Блин, да что за хрень такая. Какая ещё печать?

Подхватил я с земли свою шинель, рубашку — всё что было, и рысцой выбежал из переулка. Орг так кричал, что сейчас сюда должны сбежаться все городовые. А я на них уже нагяделся в участке — крепкие, суровые ребята. Такие шутить не будут.

Сам не помню, как добрался до дома, по дороге напяливая одежду. Вихрем взлетел по лестнице к себе в комнату, захлопнул дверь и повалился на койку. Никаких снов я не видел.

Бывает, проснулся ты, и не понял, что проснулся. Кажется тебе, что ещё спишь. Или наоборот, смотришь сон — а кажется, что всё реально.

Открыл я глаза, под носом подушка, в лицо свет из окна. Кто я? Димка Воронков или Дмитрий Найдёнов?

Зацарапало когтями, на кровать взобрался котёнок, в зубах — мышь. Положил мышь передо мной и мякнул. Так. Значит, Найдёнов.

Сел я, почесался и руку отдернул. Голова за ухом взорвалась болью.

Пальцы нащупали здоровенную шишку. Это меня вчера приложили — то ли гоблин, то ли орк.

Ёлки зелёные. Главное, чтобы это не вошло в привычку — вот так просыпаться.

Умылся я в тазике, рубашку с себя стащил. На руках заметил красные ссадины — следы гоблинских когтей.

На спине, в районе левой лопатки, вдруг зачесалось. А там-то что?

Попытался заглянуть за плечо, посмотреть краем глаза — не выходит. Взял зеркало, завёл за спину. Какой-то круглый синяк. Слишком круглый, чтобы быть просто ушибом.

Подошёл к окну, где посветлее, присмотрелся.

Вижу — синий кружок размером с канцелярскую печать. Тут я вспомнил тёмный переулочек, лицо гоблина с кошачьими глазами, его непонятные слова, и вспышку боли на левой лопатке. Как раз там, где этот самый кружок.

По вчерашним ощущениям, там должна быть выжжена дыра до самой кости. Но нет, ничего такого.

И правда похоже на печать. Кружок как будто синими чернилами вычерчен, внутри по кругу что-то написано мелкими буквами, а в центре — пятиугольная звезда. Как их рисуют дети. Только почему-то вверх ногами.

Так об этой печати говорила хозяйка забегаловки? И чего испугался давешний орк? Странно.

Но думать некогда — красивая девушка ждать не будет. Сегодня суббота, а значит, в кондитерской у Саввы у меня свидание с хорошенькой горничной. Пироженки, мороженки и всё такое.

Деньги пока есть. И те, что остались от щедрости господина полицмейстера (вот кем оказался хозяин антикварного авто Иван Витальевич), и заработанные честным трудом лично.

Кучка мелочи разного вида и достоинства, и главная ценность — мятая синяя бумажка.

Мелочь я рассортировал, медяки отдельно, серебро отдельно. Синюю бумажку расправил и рассмотрел как следует.

Пять рублей, год выпуска тысяча восемьсот шестьдесят первый. С видом на город и портретом важного человека — должно быть, государя.

Судя по всему, пять рублей здесь немалые деньги. А уж про красненькую — десятку — и говорить не приходится. Не зря в забегаловке меня богатеньким дядей обозвали. Со всеми вытекающими... Кто ж такими деньгами в общественном месте светит? Пьяные и дураки. Вроде Димки Найдёнова.

Посмотрел я на себя в зеркало ещё раз. Нет, тазика холодной воды маловато будет. Я

теперь, конечно, весь из себя натуральный блондин и глаза голубые, но голову надо помыть. Пахнет от меня точно не розами. Девчонки бывают такие чистюли, от вониючих и немых носы воротят.

Ванны с душем и чашечкой кофе у квартирной хозяйки не было. Я застал её над тазом с горячей водой, и попросил устроить мне помывку. Где-то ведь она взяла кипяток?

Не переставая мыть посуду, она замотала ушами:

— Господин стажёр, пойдите в баню, ежели помыться хотите.

Я тяжело вздохнул:

— Некогда мне в баню идти, меня девушка ждёт.

Тут она оторвалась от лоханки, на меня посмотрела и широко улыбнулась.

— Девушка? Красивая?

Я кивнул. Сказать ничего не сказал, потому что зрелище зубастой пасти гоблина не для слабонервных. Зубы небольшие, но острые, и много их. Больше, чем у обычного человека.

— Ладно. Раз девушка ждёт красивая... Так и быть. Рублик серебром положите, будет вам горячая вода. Целая лохань.

Рублик. Однако цены тут у них на горячую воду...

Я дал монету, денежка мгновенно исчезла в глубинах хозяйкиной юбки.

Тут же нашлась большая лохань, в неё быстренько натаскали воды — холодной. И как в такой мыться? Или я опять чего-то не понимаю?

Хозяйка шлепками выгнала детишек из комнаты, понизила голос:

— Правда ли, господин, что вас уволили из полиции с волчьим билетом?

— Правда, — говорю.

Она огляделась, прошептала:

— Тогда вы никому не расскажете?

— Что не расскажу?

— Горячая вода нужна вам? Тогда не говорите никому. Или отвернитесь, вон хоть туда.

Вы ничего не видели, я ничего не делала.

— Да не скажу я никому, — что за тайны мадридского двора?

— Хорошо. Сейчас будет вам кипяток.

Она встала над лоханкой, глаза прикрыла и стала шептать. У меня холодок пробежал по коже. Слова звучали неприятно знакомо. Точно так же бормотал надо мной гoblin в тёмном переулке. Я отшатнулся, отступил немного — так, на всякий случай.

Хозяйка вытянула руки ладонями вниз и сделала быстрое движение над лоханкой. Взбурлила вода, над поверхностью закрутились маленькие смерчи горячего пара.

Я потрогал воду и сразу отдернул руку. Кипяток!

Хозяйка глаза открыла, выдохнула и отёрла лоб ладонью.

— Уффф. Надо было полтора рублика взять. Что-то тяжко пошло.

— Спасибо, — говорю, а сам на лоханку глаза таращу. Чтоб мне провалиться — магия! Говорить тут разное про магию говорили, но самому видеть пока не приходилось.

— Мойтесь на здоровье, — хозяйка повернулась уходить. — Только уж не говорите никому. Полиция накажет строго, ежели узнает. Нельзя нам просто так колдовать, без особого разрешения.

Вскоре чистый, пахнувший не навозом, а цветочным мылом, я отправился на свидание.

Кондитерская Саввы располагалась почти что в самом центре, и гуляла вокруг неё

чистая приличная публика. Я в своей новенькой шинели не слишком выделялся — если не обращать внимания на оторванные петлицы и прочие знаки различия.

Думал, что придётся ждать, но девушка пришла вовремя. Помахала мне рукой в перчатке и улыбнулась.

Сегодня она была ещё симпатичнее, чем в первую встречу. Тонкая талия, каблучки, на пышных волосах маленькая шапочка кокетливо сдвинута набок — как только держится. Румяное личико, розовые губы, глаза сияют. Не девушка — конфетка.

С ней была подружка, тоже симпатичная, под ручку с каким-то парнем. Парень явный клерк. Говорит через губу, глазёнки щурит, важный как павлин. Обвёл взглядом мою шинель и губы поджал.

Зашли мы в кондитерскую, сели за столик. Девчонки пироженки лопают — их нам целую гору принесли — ну и трещат как сороки.

Подружка на меня глазёнками постреливает, пока её ухажёр не видит.

— Верочка, твой друг такой загадочный! — говорит. — Чем он занимается? Наверное, чем-то опасным!

И на мой синячище показывает. За сутки тот ещё заметней стал, весь лиловый в желтизну.

Верочка, подружка моя, ресницами поморгала и молчит, улыбается. Вроде, догадайтесь сами.

Тут клерк встрял:

— А что это у вас, молодой человек, на шинели непорядок? Вы по какому ведомству служите?

И смотрит надменно, как на мусор под ногами.

Я ему:

— Ведомство моё слишком известное, чтобы его называть. А погон нет по уважительной причине.

— Это по какой же? — эдак снисходительно спрашивает клерк.

— Разжалован без апелляции. За смертельную дуэль.

Девчонки ахнули, рты открыли. За соседними столиками нас услышали, стали оборачиваться с любопытством. Конечно, не каждый день здесь кино показывают.

— Что, неужели правда? — подружка моей Верочки пирожное на стол уронила и не заметила. — С кем же вы стрелялись?

— Неважно, — говорю. А сам плечо потираю — с намёком. Типа, болят старые раны. — Обещал не раскрывать тайну фамилии. Это дело чести.

— Чести? — клерк недоверчиво скривился, видать, позиции сдавать не хочет перед девушками. — А сами вы, сударь, какого рода будете?

— Зовут меня Дмитрий Александрович, а фамилия моя вам без надобности.

Тут девушки совсем покраснелись. Переглянулись, и давай шляпки и причёски поправлять, как это у них принято. Прихорашиваются. Чувствую, акции клерка сильно упали в глазах публики.

— Ах, вы из этих... — протянул клерк. По лицу видно — разозлился. — Все знают, кому дают такие имена-отчества...

Тут я лицо деревянное сделал, обшлага поправил и рукой, будто машинально, к поясу потянулся. Глянул на клерка, тот аж побледнел маленько.

— Ой, Верочка, нам пора, нам пора! — подружка подскочила, засуетилась. Подняла

своего ухажёра и утащила от греха подальше.

— Скатертью дорожка, — говорю. — Ветер в спину.

Моя Верочка ресницы опустила, и томно так:

— Ах, Дмитрий Александрович, вы такой интересный... Пойдёмте на воздух, прогуляемся...

Пошли мы. Перед уходом я велел оставшиеся пирожные в коробку сложить. Сложили, и ещё сверху добавили — подарок от заведения. Оглянулся я — все посетители (особенно дамы) на меня таращатся, а из глубины зала хозяйка пальчики к губам приложила и дунула — воздушный поцелуйчик послала. Тьфу, ёлки. Не хотел, а прославился. Опять наговорил чёрт знает что. Вот ведь язык без костей — не то у меня, не то у стажёра Найдёнова.

Потом мы гуляли. Но недолго. Верочка охнула, и прихрамывать начала.

— Ах, Дмитрий Александрович, я ногу подвернула. Не могу ступить. Давайте ко мне зайдём, я недалеко живу.

— Давайте, — говорю, а в голове крутится дурацкое — "поедемте в номера!"

Недалеко, это она загнула, конечно, но через пару-тройку улиц зашли мы в дом. Такие дома доходными называются, вроде. Поднялись по лестнице в квартиру.

— Мы здесь с подружкой жильё снимаем, — сказала Верочка, открывая дверь. — Вместе дешевле. Зато в городе, и район приличный.

Квартирка была так себе, но разглядывать особо не пришлось. Верочка времени зря терять не стала.

Вся квартира состояла из маленькой кухоньки и спальни. В спальне приткнулись у стены повывавший виды комод, столик с зеркальцем, мягкое кресло — и всё. Остальное место занимала кровать.

Верочка умчалась на кухню и загремела посудой. "Сейчас приду, располагайся!" — крикнула оттуда.

Присел я на кровать, шинель на кресло бросил. Тут моя подружка примчалась — куда только девалась хромота — в одной руке графин, в другой — рюмки.

— Вишнёвая наливка, сама готовила!

Присела рядом на кровать, и выпили мы на брудершафт.

Ну а потом мы эту кровать использовали по прямому назначению.

Я только слегка удивился, что девица оказалась совсем даже не девица — хотя вроде бы, какой это век — девятнадцатый? Но всё было весело и даже познавательно. Да, Димка Воронков, тебе ещё учиться и учиться...

Короче говоря, после всех этих упражнений уснул я. Хорошо так заснул, на мягком. И разбудило меня только падение с кровати.

Только что спал — и вдруг сижу на полу, надо мной нависает здоровенный мужик, и голос гремит в ушах:

— Ты соблазнил мою невесту!

Нет, не сон это, и даже не кошмар. Не успел я проморгаться, мне вlepили пинка. Отлетел я к стене, в комод врезался, аж искры из глаз.

Мужик за мной прыгнул, смотрю — в руке у него дубинка. Короткая, как раз чтобы под одеждой носить.

Да что ж такое, все меня побить хотят, и всё по голове!

Мужик навис надо мной, но сунулся слишком близко. Тут я ему и помог — придал направление башкой в комод. Сам откатился, по пути дубинку у него из пальцев вывернул. Еле сумел — руки у него как ковш экскаватора, пальцы как сосиски.

Дубинкой отобранной с разворота приложил как следует, и он на комод повалился со страшным грохотом.

Поднялся я на ноги, а мужик за мной развернулся — ничем его не прошибёшь. Здоровый шкаф, прёт на меня, ручищи расставил. Верочка на постели сидит, простынкой прикрылась, глаза как блюдца. Но не кричит — край простыни в рот сунула, прикусила, только скулит тихонько сквозь зубы.

Видно, боится скандала.

Бросился мужик на меня, я быстренько через кровать перекатился (Верочка аж простыней подавилась) и скакнул к двери. Тут вдруг мне как прижгло спину — там, где печать. От боли аж в глазах потемнело. Споткнулся я, на четвереньки упал, и вовремя — сзади просвистело. Не то кастет, не то кулак. Если бы не упал, прощай, Димка.

Сквозь туман в глазах увидел — у двери кто-то стоит. Разглядел только силуэт человека. И вдруг я очень ясно понял — он это колдует. Как тот гоблин в переулке, когда пытался мне своей магией недоброе сделать.

Сейчас то же самое, только гораздо сильнее.

В один миг у меня всё это в голове нарисовалось. Страшно стало — не передать словами. Аж волосы дыбом. И спина горит невыносимо.

У кого-то в такие моменты вся жизнь перед глазами проносится, а у меня спасительная идея вспыхнула: если болеутоляющего нет под рукой, можно сконцентрироваться. Вроде медитации. Концентрируешь всю свою боль в одной точке, можно даже на кончике пальца, или в точке воображаемой — и отстраняешься. Вроде есть она, и вот её нет. Боль — отдельно, ты — отдельно.

Как я это сделал, сам удивляюсь. Но получилось, наверно от испуга.

Боль сразу резко ослабла, обернулась щекоткой и ушла. Я продолжал её чувствовать, но как под наркозом у зубного. Как будто не у меня болит, а у другого — за стенкой.

Всё это заняло буквально какие-то секунды, хотя мне показалось, что прошла вечность.

Тот, у двери, ко мне шагнул. Скомандовал:

— Держи его!

Его здоровенный напарник цапнул меня за шею своей лапищей. Вернее, хотел цапнуть. Я дубинку (она у меня от боли из руки выпала и рядом валялась) подхватил и ткнул от всей души. Здоровяк всхрапнул и обмяк возле кровати. А я, не медля ни секунды, в прыжке врезался колдуну головой в живот, и мы на пол рухнули возле двери.

Он, гад, ловкий оказался. Выворачивался, как угорь. Но Димка Воронков тоже не промах. Уселся на него, ухватил за ногу и на болевой.

Будь мы в спортивном зале, он ладошкой похлопал бы — сдаюсь, отпустите! Но тут не зал, и мы не на соревнованиях. И о таком способе мой противник, ясное дело, не слышал даже. Не выдержал он, взвизгнул, задёргался.

А я ему:

— Говори, тварь, кто ты такой?

Он визжит, башкой мотает. Я сильнее его прижал.

— Отпусти! — кричит. — Я всё скажу!

Ага, отпусти его. Чтобы он опять колдовать начал.

— Говори так. Ты маг, колдун?

Он аж хрюкнул подо мной.

— Нее-е-ет, не-е-ет, — и весь трясётся.

— Не ври, — говорю, — я сам видел, ты меня магией долбанул. За это я тебе сейчас ногу в трёх местах сломаю.

— Дмитрий Александрович! — это моя Верочка опомнилась. — Отпустите их, ради всего святого! Вы так шумели, сейчас все соседи сбегутся! Городовые придут!

Вот чёрт, и правда. Мне-то не очень страшно, а вот подружку подводить ни к чему. Но и отпускать колдуна тоже не хочется. Только говорить начал...

А этот гад почуял, что я задумался, и зашептал так, что только мне слышно:

— Сегодня, после пятого звона часов, в чайной у Сытого Гобби... Приходите, я тоже буду.

— Врёшь, — говорю, и ногу ему потянул.

— Ай-й-йй! Вавила, стой, не трогай его! — это он дружку своему. Тот оказывается, очухался, и ко мне уже подбирался. — Клянусь, приду один. Никакого вреда вам не причиню. Даю слово — как своему брату.

Не понял, почему этот прыщ меня братом назвал, ну да ладно. Пошарил у него по карманам, выдернул часы на цепочке.

— При встрече отдам. Вали отсюда, и мальчонку своего забирай!

Отпустил колдуна-мага, тот в дверь метнулся. Вавила за ним.

Верочка с кровати спрыгнула и принялась одеваться.

— Дмитрий Александрович, уходить вам надо. И мне задерживаться не с руки.

— Погоди, — говорю. — Так это жених твой был или нет?

— Нет, я их первый раз вижу. Скорее, пожалуйста, очень вас прошу!

* * *

Расстались мы на улице. Верочка, снова прилично одетая, в шляпке и перчатках, пожала мне руку на прощанье. За углом её ждала коляска, в ней уже сидела давешняя подружка. Вместе с ними устроилась пышная женщина средних лет и знакомый мне широкоплечий лакей. Все они отгуляли в городе свой выходной, и теперь возвращались обратно, в загородный дом хозяев.

Помахал я ей рукой издали, постоял немного, чтоб голову остудить. Всякие мысли у меня крутились, одна другой невероятнее. Потом плюнул, и решил всё на месте разузнать. До пяти часов оставалось вполне достаточно времени, чтобы прогуляться спокойным шагом к чайной "Сытый Гобби".

Над городом загорались первые робкие звёзды. Ветер завывал лёгкие смерчи снежинок под ногами. Я прошёл центральную улицу, где светились огни фонарей и катились редкие пролётки.

Возле дома градоначальника сияли огни; коляски подкатывали одна за другой, из них вылезали важные люди в мундирах и сюртуках. Суетились лакеи, почти такие же важные, как гости. Стражей порядка вообще стояло без счёта. Судя по всему, из столицы прибыли с проверкой обещанные полицмейстером чиновники.

Я миновал все эти пафосные здания с их ухоженными оградами, колоннами и крылечками. Спустился ниже по улицам — центр города стоял на холме, и чем дальше ты спускался, тем беднее становились кварталы.

Прошёл мимо полицейского участка, откуда меня совсем недавно вышибли с треском. Там тоже светились окна. Очевидно, работа кипела, ведь никому не хотелось ударить в грязь лицом при высоких гостях из столицы.

Чайная, где мне назначил встречу колдун-маг, располагалась на окраине. Домишки там стояли бедные, фонари не горели. Если бы не серп луны в чернильном небе и бледный свет из редких окошек, сломать ногу на колдобинах — как раз плюнуть.

Впереди, на углу светились несколько окон, из распахнутой двери двухэтажного дома вырывались клубы тёплого воздуха вместе с посетителями разной степени веселья. Кажется, то самое место.

Вывеска над дверью чайной изображала зелёного гоблина с чашкой в одной руке и вилкой в другой. На вилку был насажен не то крендель, не то кот. Гоблин улыбался, выставив круглый животик. Как видно, это означало сытость. Над ушастой головой полукругом было выведено: "Сытый Гобби".

Отлично, я на месте.

Я вошёл, и едва не задохнулся от густого воздуха внутри.

Зал скрывался в испарениях от стоящей в глубине помещения раскалённой печи, парящих самоваров и подносов с жареными пирожками на отдельном прилавке.

Несмотря на вывеску, чайную посещали не только гобы — как их здесь называли.

У подносов толпился народ. Жареные пирожки расхватывали... ну да, как горячие пирожки. На место опустевших подносов тут же подтаскивали новые. Взмыленный мальчишка в грязном фартуке не успевал принимать медяки.

За столами пили чай, водку и что-то ещё самые разные посетители. Водку, правда, пили немного, в основном хлебали горячий чай из больших щербатых чашек.

Были там по большей части гоблины, молодые и старые, одетые почти поголовно в чёрное. Я так понял, что это их любимый цвет.

Но и людей сидело немало.

Откуда-то тянуло едким запахом дешёвого табака и дымящейся травы. К этому запаху примешивался еле уловимый аромат розового масла.

Я пробился к стойке с чайниками и чашками, нагнулся поближе к гоблину в зелёной рубашке и относительно чистом фартуке:

— Скажи, любезный, нет ли здесь человека — с меня ростом, худой, волос светлый, на вид лет тридцать — тридцать пять?

Гоблин глянул на меня кошачьими глазами, сощурился:

— А вы на какой предмет интересуетесь, господин?

— Друг это мой, — я вытянул из кармана отобранные у колдуна часы, показал. — Вещь свою у меня забыл. Отдать хочу. Он меня ждёт.

Гоблин глазами стрельнул туда-сюда, проворчал тихонько:

— Так бы сразу и сказали.

Пальцами щёлкнул, сразу подбежал мальчонка в фартуке. Гоб ему приказал:

— Проводи господина наверх.

Пошёл я за мальчишкой. Тот ловко проскочил между посетителями, скользнул за печку. Там обнаружился ход наверх — узкий и такой тёмный, что хоть глаз выколи. Но мальчонка уверенно топал по лестнице, и я за ним.

Поднялись мы по скрипучим ступенькам на второй этаж.

Вышли в коридор, скупо освещённый керосиновой лампой. По правую и левую стороны коридора виднелись двери, закрытые и открытые. Из открытых дверей несло такой смесью запахов, что хоть топор вешай — или противогаз надевай. Но, как видно, здешние посетители были ко всему привычными.

Прошёл я по коридору, по дороге заглядывая во все комнаты.

Везде шла игра. Играли в разное — где в карты, где в кости. Всюду мелькали покрасневшие, посиневшие или позеленевшие лица, кто-то кричал от азарта, кто-то от разочарования. Сунулся я в одну комнату, в другую — толпа вокруг столов, шум, гам... как тут разыскать нужного человека?

Мальчонка тронул меня за локоть, указал на последнюю дверь.

Там громоздился бильярдный стол. Народу в этой комнате тоже было много, и большинство следило за игрой.

Я прошёл внутрь и стал пробираться вдоль стены, ища своего как бы приятеля.

Но тот сам меня нашёл. Кашлянул над ухом, подморгнул и повёл за собой в уголок, к окошку.

— Вы принесли мои часы? — спросил. Голос был едва слышен в общем гаме.

Я показал часы.

— Благодарю, — он потянулся, чтобы взять их, но я отвёл руку:

— Зачем приглашал?

— Мы неправильно начали знакомство, — он скривил губы в улыбке. — Я думал, вы обычный глупец, ходок по горничным, которого можно пощипать за пёрышки.

— Но я не такой, — ага, сейчас он скажет, что я крут безмерно и почти что гений. Давай замутим дело на миллион. Знаем мы таких.

— Да, — спокойно согласился он. — Вы не такой. Я заметил печать. Вы ведь, простите, были нагишом.

Вот как. Я насторожился.

— Что вам моя печать?

— У меня такая же.

Он оглянулся по сторонам — никто не обращал на нас внимания — и поднял рукав. Пovyше запястья, на внутренней стороне руки темнел кругляшок печати. Такой же с виду, как у меня.

— Ну и дальше что? — не стоит подавать вида, что я не в теме вообще. Тогда меня точно ощипают, как птичку.

— Не буду скрывать, я видел вас раньше. Вы работали вместе с бедняками по найму. Тяжёлый грязный труд. Платят гроши.

— Что-то я вас там не видел.

— Я — один из тех, кто платит таким работягам, господин студент. Или вас нужно называть — господин полицейский?

— Если уж вы взяли на себя труд меня выследить, то наверное знаете, что я больше не полицейский.

— Да, да... волчий билет и всё такое. Скажите, господин Найдёнов... вас ведь так зовут? Скажите, вам известно ваше происхождение?

— Только то, что написано в документах, — отвечаю.

Вот чёрт, кажется, этот мутный тип имеет информацию, и хочет на ней заработать. А я эту информацию хочу получить. Вопрос только в цене.

Он сочувственно улыбнулся и покачал головой:

— Понимаю... Люди не хотят, чтобы мы знали правду. Всю правду.

— Люди? — вот это интересно.

— Вы сразу поняли суть моих слов, — уважительно произнёс он. — Да, люди. Они не любят нас, других. Не людей.

Ого. Так и хочется сказать: "Ты на что намекаешь, царская морда?"

Молчу. Смотрю на него. Тот скривил губы, придвинулся ко мне поближе и прошептал:

— Вы ведь тоже не совсем человек, господин Найдёнов. Мы с вами — братья по крови.

Братья по крови? Что-то не похож он на моего брата...

Теперь, когда мы стояли нос к носу, я разглядел его повнимательней. Худое, лучше даже сказать — измождённое — лицо. Светлые редкие волосы тщательно приглажены, и свисают прядями на ворот серой тужурки. Глаза бледно-голубые, не то прищурены, не то просто раскосые по жизни. С возрастом, похоже, я ошибся — не тридцать ему, а все сорок, не меньше.

Отодвинулся он, смотрит на мою реакцию. А я держусь, ничего не говорю, молчу только.

На шею не кидаюсь с криком радости, вопросами не забрасываю.

Потому что непонятно ничего. А когда непонятно, нужно больше слушать и надувать щёки. Сойдёшь за умного.

Он снова зашептал:

— Сейчас я не могу сказать всё, здесь неподходящее место. Скажите только — вы хотите провести жизнь, копаясь в земле, занимаясь грязным трудом, или желаете достичь большего?

— Конечно, хочу большего, — отвечаю. — Кто ж не хочет?

— Хорошо, — шепчет. — Я помогу вам. Мы, существа одной крови, должны помогать своим и поддерживать.

Ёлки зелёные, да о какой крови он всё время бормочет?! С виду обычный человек, не орг и не гоб. Ну, печать у него... И что она означает? И ведь все про это знают, я один как дурак.

А он говорит:

— Негоже одному из нас, такому умному и образованному юноше, как вы, пропадать просто так. У нас пока скромные возможности, но даже сейчас я могу избавить вас от тяжёлого, грязного труда.

— Сначала про магию расскажи, — говорю. — Что это было, там, на квартире?

Зашипел он сквозь зубы, зыркнул по сторонам. Похоже — испугался.

— Не здесь. Я всё объясню, но не здесь. Понимаю, у вас много вопросов. Я позвал вас сюда для лучшего знакомства. Но об этом мы поговорим в другом месте. Сейчас отдайте мне, пожалуйста, мои часы. Скажите, вам нужны деньги или жильё? У вас есть где переночевать?

Подумал я немного, и часы отдал. Тот ухватил своё сокровище и в карман спрятал, от чужих глаз подальше.

— Денег маловато, но есть, — говорю. — И жильё имеется. Я не нищий.

— Конечно, конечно, я не имел в виду вас оскорбить, — пробормотал он, утрамбовывая часы в кармашек. — Сейчас нам лучше уйти отсюда. Не стоит слишком привлекать к себе внимание.

чтобы я сильно удивился — наш человек, насмотревшийся роликов и сериалов, подготовлен ко всему. Но одно дело смотреть на экран, а другое — когда что-то случается лично с тобой.

Я шёл, разглядывая звёздное небо, а перед глазами стояло лицо этого тощего мага эльфийских кровей. Да, потому что он был эльф — пускай даже наполовину. Из тех, которых здесь называют — эльвы.

"В нас течёт древняя кровь, — говорил он, и глаза его, раскосые, светлые, возбуждённо горели. — Кровь могучих магов и воинов. Об этом вам не расскажут в университетах, об этом предпочитают молчать газеты и книги. Да! Люди стыдливо замалчивают нашу роль в истории. Но мы есть, и мы помним..."

Лицо его, худое, обрамлённое белесыми прядями, светилось искренней верой. А я не мог отделаться от мысли, что смотрю сон и вот-вот проснусь. Только вот никак не получается.

А он всё говорил, и не мог остановиться.

"Люди оттеснили нас. Они занимают землю, где мы живём. Нас мало, мы медленно плодимся, и не любим шума городов. Люди извратили суть Соглашения. Вывернули слова, исказили смысл. Мы любим траву, деревья, ручейки и озёра с ключевой водой. Люди пахнут землю, взрывают корни, корчуют пни. Самые слабые из нас поддались соблазну и продали права на землю. Они ушли в города, ведь так казалось легче жить. Нет, это обман! Обманчивая лёгкость..."

Он качал головой, волосы шевелились, как живые, из-под прядей проглядывали заострённые, хрящеватые кончики ушей.

"Некоторые из тех, что пришли в города, забыли кто они. Ради куска хлеба продают себя... Мужчины идут в услужение, женщины торгуют телом... Младенцев, родившихся от неизвестных отцов, подкидывают на пороги приютов. Таких несчастных детей клеймят печатью — при явном подозрении на потомка эльвов. Магия... люди не владеют магией. Печать накладывает лично старший эльф, это клеймо на всю жизнь. Где бы ты ни был, она держит тебя крепче кандалов. Нельзя просто так применять магию, это закон. Любой, кто попробует сделать это, будет наказан. Но тому, кто заклеймён, не стоит даже пытаться. Печать ограничивает возможности, она как путы на руках. Ты чувствуешь магию, она вокруг тебя, как холодная вода, но ты не можешь напиться"...

"А как же тогда?.." — вклинился я. Как-то ведь он воздействовал на меня совсем недавно, на квартире у Верочки?

"Можно колдовать, если есть амулет. Он усиливает ту жалкую возможность, которую нам оставили. Чем мощнее амулет, тем больше магии ты можешь использовать. Но амулеты редки, стоят больших денег, и владеть ими запрещено. Только старшие эльвы могут иметь их и пользоваться как угодно".

"Один орк... то есть орг увидел мою печать и напугался, как чёрт ладана, — заметил я. — Почему?"

"Орги и гобы тоже владеют магией, но она слабее нашей. Они колдуют по мелочи — делают что-то одно. Кто что может. Если орг или гоб нападёт на одного из нас, он сильно рискует. Ведь у тебя может быть амулет, а печать ставят только эльвам. И тогда... да, такому гобу или оргу не поздоровится".

Не заметил за мыслями, как дотопал до своего дома.

Поднялся наверх. Моя квартирная хозяйка стояла на лестнице и разговаривала с какой-то девушкой. Девушка стояла ко мне спиной, я видел в полутьме только её изящную фигурку. Тоненькая, стройная, отделанное мехом пальто в талию, сапожки на каблукках. Круглая бархатная шапочка, на шапочке брошкой кокетливо приколото чёрное птичье перо.

— Меняйте компресс, как подсохнет, — говорила девушка моей хозяйке. — Обтирать не забывайте. Микстура в бутылочке, дадите после первых петухов. Если жар не спадёт, пришлите записку с мальчиком.

— Благодарствуйте, барышня, — хозяйка кланялась и прижимала руки к груди. — Вот, возьмите за труд...

— Нет, нет, денег я с вас не возьму, — отказалась девушка. — А вы делайте, как я сказала, и всё будет хорошо. Я потом ещё зайду, посмотрю, как ваши дела.

Хозяйка рассыпалась в благодарностях.

Я к тому времени подошёл к ним. Девушка повернулась, чтобы уходить, и наткнулась на меня.

— Ой.

— Ой.

Мы оба ойкнули — она от неожиданности. Я тоже.

Потому что это оказалась девушка-гоблин.

Нет, я не то чтобы удивился. В компьютерных игрушках приходилось видеть всяких персонажей. Так что пускай другие удивляются. Просто странно видеть гоблина не во всём чёрном, как они здесь ходят, и не в игровых шмотках, как в игре.

А так она даже очень ничего. Личико гладкое, симпатичное, глаза блестят, на губах улыбка. Кончики ушей заправлены под шапочку, так что издали и не разберёшь, что это гоб.

— Здравствуйте, — говорит она.

— Здравствуйте, — отвечаю.

Она — с улыбкой:

— Разрешите пройти?

Ёлки, это же я ей дорогу загораживаю, так загляделся.

Посторонился, пропустил.

— Спасибо, — говорит, — Дмитрий Александрович.

И цок-цок вниз по лестнице каблукками.

А откуда она меня знает? Дёрнулся я вслед за ней, да куда там. Убежала, только каблукки простучали да дверь внизу хлопнула.

— Кто это? — спрашиваю.

— О, это прекрасная, милая барышня! — закудаhtала квартирная хозяйка. — Тому, кто женится на ней, очень, очень повезёт! Учится на сестру милосердия, дежурит при больнице, ходит за хворыми... В свободное время помогает тем, у кого денег нет, и даже платы не берёт. Вот сейчас к моему сыночку приходила, так помогла, такое облегчение... Чудесная барышня!

Я чуть не оглох, слушая всё это.

Зашёл к себе, она за мной, и всё трещит, как сорока. Спрашивает:

— А как у вас с девушкой прошло, с красивой?

— Всё отлично, — говорю. — Где котёнок мой?

Она заозиралась, да как крикнет:

— Дочка, неси котика сюда!

Представилось мне вдруг, что сейчас её пигалица моего котёнка на блюде принесёт, запечённого в сметане с зеленью. Аж нехорошо стало.

Но нет, смотрю — девчонка котика в охапку тащит, а на шее у него бантик повязан. Ленточка атласная, и шерсть расчёсана — картинка, а не кот. Фух-х, аж от сердца отлегло. Кто их знает, живут бедно, а котов гобы здесь всё-таки жрут за милую душу. Обычай у них такие. Скажи кто посторонний — обижаются. А так правда.

Что-то меня вдруг толкнуло, спросил у хозяйки:

— Вы знаете, что на мне печать?

Хозяйка на меня глянула, странно так, и ответила:

— Конечно знаю, господин Найдёнов. Вы же мне сами и сказали, когда комнату пришли снимать. Неужто не помните?

Вот как. Знал, выходит, бывший студент Найдёнов кое-что о себе. И даже не скрывал. Непрост, непрост господин стажёр...

— По голове меня стукнули, — говорю, — вот и не помню. И вот что: я работу нашёл. Так что ночью не пугайтесь, когда дверью хлопну. Я это — иду работать. Разбудите меня через два удара часов.

Посмотрел, как она рот открыла от такого известия, и на койку завалился. Котёнка к себе прижал, глаза закрыл — и заснул мгновенно. Как выключили.

— Долго ещё?

— Скоро. Терпите!

Гоблин стучит ногами, топочет, приплясывает от холода. Кутает уши в шарф. Опорки на ногах у него старые, растоптанные, шубейка облезлая.

— Тише! — шипит наш главарь, и гоблин перестаёт плясать.

Нас пятеро. Два орка, один гоблин, мой новый знакомец полуэльф и я.

Ночь — хоть глаз выколи, так темно, небо затянуто облаками, лунный серп похож на расплывшийся рогалик, и света от него — фиг да маленько.

Гоблинам хорошо — у них глаза как у кошек, видят лучше людей. Орки тоже. А вот мы с моим другом-полуэльфом в пролёте. Хотя новый знакомый и заявил, когда мы на место шли, что эльфы, то есть эльвы, круче каменных гор и способны с закрытыми глазами найти иголку в стоге сена. Не точно этими словами сказал, но в таком смысле.

Я уже понял, что чувак помешан на всём таком, эльфийском. Даром что полукровка. И на дело мы пошли не столько из-за денег, сколько из принципа. Потому что деньги, что сейчас мимо нас повезут в карете, заработаны на наших кровных братьях. То есть в данном случае — сёстрах.

Он мне все уши прожужжал, пока собирались. Гоблин и парочка орков уже в курсе были, и внимания не обращали на его речи.

Ну а мне послушать нетрудно. Не каждый день, то есть ночь, грабить идёшь. Тем более в такой компании.

Оказывается, имеются в нашем городе бордели. Вполне себе легальные. Есть похуже, есть получше, а самый дорогой — где работают эльфийки. На самом-то деле всё это полукровки. Но и таких может себе позволить далеко не каждый. Потому что девицы эти красоты неземной и выглядят совсем молоденькими девчонками даже в тридцатник и выше.

Но желающие есть всегда. Для клиентов такая девица — вопрос престижа. Упомянуть при игре в карты эдак небрежно: "А я давеча с эльвийской девкой кувыркался... Ух какая... нашим не чета!" — и сразу тебе уважение...

Ну и владелец заведения, ясен день, гребёт огромные тыщи. И тыщи эти хранит в банке, где крутит под проценты. Жиреет, короче, на наших девчонках, гад.

Возят эти денежки всегда разными каретами и нерегулярно. Боятся лихих людей. Хотя владелец так крут, что грабить его себе дороже, но мало ли что.

Однако нам повезло — верный человечек нашептал, в котором часу будет перевозка.

И вот мы ждём, когда подкатит карета с деньгами. Карета неброская, охрана небольшая, хотя и сильная.

Место удобное — улица здесь узкая, экипажу не развернуться, а нам есть где спрятаться.

Меня маленько трясёт от волнения, а другим ничего — разве что гоблин мёрзнет. Оркам вообще хоть бы хны, они стойкие ребята. Стоят молча, только глаза блестят в темноте.

Наш главный притаился в уголке между домами, как тень. Не видно его в темноте, шапку на глаза надвинул, сам в чёрном пальто, и воротник поднят.

Я его спросил, когда мы сюда шли — не боится он меня на дело брать? Взял бы кого

покруче, уж наверняка здесь есть из кого выбрать.

На что он ответил, что разбойников много, а настоящих друзей по пальцам пересчитать. Одной руки. И что он меня как увидел, так сразу понял, что я для его дел подходящий.

А что мало нас, так это ничего. Справимся.

Тут гоблин замер, ухо выпростал из-под шарфа. Подал знак — едут!

Скоро и я услышал звуки приближающейся кареты. Перестук копыт, поскрипывание рессор, пофыркивание лошадей.

Наконец во мраке ночной улицы показалась сама карета, запряжённая парой крепких лошадок. Кучер в овчинном тулупе казался в темноте чугуновой тумбой.

Вот лошадиные копыта переступили невидимую черту, обозначенную нашим главарём. Пора!

Гоблин прыгнул вперёд, преобразился в скачке. Позади кареты, прямо у колёс, возникла чёрная лохматая псина, и завыла душераздирающим воем. Лошади всхрапнули, дёрнули вперёд.

В тот же момент впереди кареты прямо под лошадиные копыта обрушилось бревно, до этого стоящее вертикально в тёмном углу. Хрясь! Это постарался один из орков.

Этого даже приученные держать себя смирно при всяких случайностях лошадки не перенесли. Забились, заржали, заметались, дёрнули обратно. Но назад тоже хода не было — колёса прочно застопорили с другой стороны вторым брёвнышком, помельче.

Кучер ничего не успел сделать. Свистнуло гасило в умелой руке орка. Удар гири сбил кучера с насиженного места на землю.

Не теряя времени, наши орки подскочили с двух сторон, рванули дверцы кареты. Запоры хрустнули и отлетели.

Сейчас же изнутри бабахнуло, и в лицо орку, что сунулся в дверь, ударил воздушный кулак. Орк кувыркнулся со ступеньки. Второму, что сунулся с другой стороны, прилетело дубинкой по лбу. Головы у орков крепкие, но и дубинка была тяжёлая. Зашатался орк, стал на землю сползать.

Наш главарь-полуэльф прошипел что-то, махнул рукой в полутьму открытой настежь кареты. Внутри бумкнуло, за клубился вонючий дым. Там вскрикнули, закашлялись. Наружу высунулся кто-то в чёрном. Полуэльф другой рукой махнул, добавил дымка.

Этот, в чёрном, по ступеньке скатился, нам под ноги.

— Держи его! — прошипел наш главарь, а сам на ступеньку вскочил и в карету полез.

Один из орков очухался от удара, и снова в карету запрыгнул, рыча от злости. Другой, ушибленный сильнее, лошадей стал держать, на это его хватило — держит, сам пошатывается, шепчет им то-то и по мордам гладит. Лошади подрожали, подрожали, и вдруг успокоились. Стоят, мордами поматывают, будто удивляются: а что это сейчас было?

Внутри кареты суeta, возня, рессоры покачиваются. Видно, инкассатор не сдаётся без боя.

Я в это время озирался — не идёт ли кто, не спешит ли на помощь ночной городской со свистком. Хотя место глухое, и случайных прохожих с огнём не сыщешь, но кто знает?

Наш гоблин уже сбросил личину собаки — он не превращался, на самом деле просто иллюзия — и наклонился над выпавшим из кареты. Ухватил его цепкими пальцами за ворот, другую руку на затылок положил. Забормотал что-то.

Внутри кареты заорали, гоблин дёрнулся, ладонь соскользнула. Тот, кого он держал, с карачек взвился, гоблина отшвырнул к стене и в карету прыгнул — на подмогу. Не бежать

бросился, а своему помогать.

А меня он не заметил — я в темноте стоял, шинелька на мне моя старая, студенческая, картуз на лоб надвинут по самые уши, и лицо сажей разрисовано. Не человек — привидение.

Гоблин о стену дома ударился и на землю рухнул, лежит, корчится. Я скакнул вслед шустрому инкассатору — тот уже по пояс в карете скрылся — и ткнул ему пальцем между рёбер. Тот хрюкнул, обмяк. Заломил я ему руку, из кареты вытащил, рядом с гоблином уложил. Пнул ещё разок для верности.

Тут из кареты орк вылетел, за голову держится и скулит по-щенячьи. Изнутри такая брань отборная летит, заслушаешься.

— Держи этого! — скомандовал я орку, указал на лежащего, а сам в карету полез — на помощь.

Смотрю — там между сиденьями двое ворочаются. Над дверцей внутри кареты маленький фонарик покачивается, еле светит, но видно, что наш главарь на инкассатора навалился и руки ему держит. А тот зубы оскалил, и колдовать пытается. Орка уже достал, вон тот как вылетел.

Я понял, что он хочет сделать, мне недавно объяснили доходчиво. С каждой денежной каретой колдун едет, не то чтобы слишком сильный, но на одно дело заточенный — деньги убережёт. Если совсем край, и денежки вот-вот отнимут, колдун должен применить специальное заклинание. Деньги от такого превращаются... ну, не в тыкву, но брать их после этого не стоит.

К счастью, заклинание требует особенного жеста обеих рук. И тут надо успеть не дать этот жест сделать. Вся трудность ограбления в том и состоит, чтобы в нужный момент проскочить — когда охрана ещё не настолько испугалась, чтобы денежки попортить. Им же потом отчитываться, а кому это надо...

Не успел я буквально секунду. Колдун рванулся что есть мочи, нашего главаря боднул в лицо. Тот завалился, руки разжал. Колдун обернулся — я уже внутри был, на сиденье запрыгнул — ладони поднял, будто сдаётся, и пальцы скрутил, вроде кукиша. Магический жест!

А я машинально за пальцы, в кукиш скрученные, его ухватил.

Руки обожгло, будто я за раскалённый утюг ухватился. В полутьме кареты мне на миг показалось, что внутри моих ладоней, обхвативших чужие, загорелось по прожектору.

И одновременно вспыхнула огнём печать на моей спине.

Так меня ещё не припекало. Кричу, и чувствую, что огонь от ладоней дальше потёк, к локтям, по ключицам — и к печати. Там и так жгло, а тут полыхнуло. А я ору и руки разжать не могу. Как приклеился.

Огненный вал весь сконцентрировался в печати, спрессовался невысказанно, как белый карлик, застыл на краткий миг, перекинулся ледяным пятном... и погас. По рукам от плеч к запястьям прокатилась щекочущая холодная волна. Пальцы, сведённые судорогой, отпустило. Я разжал руки и шлёпнулся задом на сиденье кареты.

Колдун, которого я держал за кукиши, постоял на коленях, глядя безумным взглядом — глаза его так широко раскрылись, что едва не выпадали из орбит — и повалился навзничь.

Кажется, всё это заняло пару секунд. Наш главарь едва успел приподняться, из разбитого носа его только начинала сочиться кровь.

— Деньги! — прохрипел он. — Деньги!

Мы подняли сиденье — там оказался окованный металлическими полосами сундучок.

Металл посверкивал синими искрами защитного заклинания.

Полуэльф снял с шеи амулет, — камешек на цепочке, помахал им над сундучком, пошептал чего-то.

Сундучок перестал мигать, замок тихо звякнул. Один из наших орков сбил замок и откинул крышку.

— Скорее! — прохрипел наш главарь. Глаза его горели диким огнём в свете фонарика, голос срывался. — Берём и уходим!

Наш гоблин как раз закончил бормотать заклинание забвения над вторым инкассатором, которого я уложил возле кареты. Там же валялся оглушённый ударом гасила кучер. Если бы не шапка из овчины, дело кончилось бы скверно. Но сейчас он лежал, бессмысленно ворочая головой, и вяло моргал. Гоблин успел поколдовать и над ним. Теперь ни инкассаторы, ни кучер не вспомнят, кто их грабил и сколько нас было. Только расплывчатые фигуры, невнятные голоса — и всё.

Мы выскочили из кареты и дали дёру. Но перед этим я достал платок и тщательно протёр все ручки и края дверей кареты. Даже по сиденью прошёлся. Платок был пропитан адской смесью табака, розового масла и керосина. Ни запаха для служебных собачек, ни отпечатков пальцев. На магию надейся, а сам не плошай.

Наш главарь зарычал было на меня, но я только глянул искоса и спокойно закончил дело. А потом мы так рванули, что ветер засвистел в ушах.

Глава 10

Ночь закончилась в одном из борделей, девицы которого должны были обеспечить нам полное алиби. Я бы предпочёл мою Верочку, но выбора не было.

По случаю удачного дела не скупилась. Мы расселись в гостиной, и к нам впорхнули девицы разных мастей.

Заведение было не из самых дорогих, но вполне приличное. То ли лучшее из худших, то ли худшее из лучших — как посмотреть.

Девицы оказались не слишком юные, но симпатичные. По тутошним меркам, конечно. Здесь предпочитают дам пышных, как булки, крупных и упитанных. К тому же круглолицых, румяных и накрашенных по нынешней моде.

Я аж ноги подобрал, когда по ковру возле дивана, где нас усадили, закружились в темпе вальса соблазнительные дамы пятьдесят последнего размера. Все они были в каких-то кружевных кофточках с открытыми плечами, а разноцветные юбки разлетались от движения, показывая ноги аж до талии.

Меня кружевными топиками на лямках не удивишь, у нас женщины и не так ещё ходят. А мои друзья аж рты пооткрывали от восхищения.

Дамы крутились, поводили руками, улыбались яркими губами. Показывали себя во всей красе.

Кстати, гоблинских женщин нам не привели. Может, они не желают в борделях работать, а может, никто их не хочет. Зато орчанки были — парочка. Крепкие, гладкие, мускулистые, лица круглые, глаза густо подведены чёрной краской. От этого они стали похожи на кошек. Даже не на кошек — на пум. Тех, которые в горах живут, и на диких коз охотятся.

Орчанки кружатся, ногами притопывают и кошачьими глазами зыркают. И мышцы под гладкой желтоватой кожей перекатываются. Такая обнимет — мало не покажется.

Мои приятели-орки недолго смотрели, сразу их под бока ухватили и в номера повели.

Наш гоблин носом пошмыгал, на диване поёрзал, и выбрал самую пышную даму из всех, что возле нас крутились. Обхватить не смог, рукой за талию цепляется и глаза жмурит от удовольствия.

А я потерялся совсем: вроде хорошо, девушки вокруг прыгают, а всё равно как-то стрёмно. Но просто так сидеть ещё глупее.

Смотрю — одна, не самая толстая, всех дальше от нас танцует. Её остальные толстухи оттеснили. И так она на меня смотрит, как будто я пироженка, а девице кушать нельзя после шести.

Подмигнул ей, она сразу всех растолкала, на коленки ко мне брякнулась. Да, увесистая девица, ничего не скажешь.

Повели нас с ней в комнатушку отдельную, я только краем глаза успел увидеть, что главный наш неторопливо огляделся, и хозяйку заведения к себе поманил. Он вообще до этого сидел с кислым видом, как разборчивый клиент в ресторане, которому трюфеля не того размера положили.

Хозяйка к нему на диван присела, и зашептались они о чём-то. Ну а потом мне не до них стало.

Я шёл домой под утро. В теле приятная усталость, в кармане приятная тяжесть денег. Не вся доля из тех, что мы честно награбили, а её часть — на житьё и развлечения. Остальное наш главный припрятал, и обещал приумножить.

Пришёл домой, смотрю — пигалица-хозяйкина дочка на полу сидит и книжки какие-то в портфель засовывает. Портфель старый, потрёпанный, порыжевший от старости, но ещё годный. Девчонка книжку туда суёт, а сама носом шмыгает и сопли утирает.

— Ты чего? — спрашиваю. — Обидел кто?

Она пищит:

— Ай, господин Найдёнов, котик ваш пропа-а-ал! Нигде нету, и там искала, и здесь, и под кроватью, и под лестнице-е-ей... На улицу бегала, звала. Нету-у-у-у!

— Успокойся, — говорю. — Вот он. Живой и здоровый.

И котёнка вытаскиваю из-за пазухи.

Девчонка завизжала от радости, ко мне подскочила, котёнка на руки и давай наглаживать.

И воркует нежно так:

— Ах ты моя кися, где ты была, утипути... Шёрсточку растрепала, ленточку потеряла... мамочка тебя поругает... сейчас я тебе новую повяжу...

Фу-ты ну-ты, в общем.

По-честному, я сам удивился, когда котика во внутреннем кармане нашёл. Но потом сообразил. Я ведь старую шинельку свою напялил, когда грабить собирался. Она тёмная, неприметная и старенькая, если что — не жалко. А котёнок, как видно, туда спать залез, по привычке. Я же его из парка в этой шинели тащил.

Обнаружил, когда после приятной ночки с девицей одевался. Сюрприз.

В общем-то, его девица и нашла. Тоже сюсюкать начала, как эта пигалица. Женщины...

Пигалица уже моего котика на коленки усадила, расчёску достала, чешет. Новая ленточка тут же лежит, розовая.

А я смотрю на книжки, что возле открытого портфеля лежат. Похоже на учебники. Подобрал одну, другую. Что-то знакомое почувствовал, будто уже держал в руках — так привычно в ладонь легла. Открыл, стал перелистывать. Ну да, учебник.

Что-то зацепило взгляд. Стал читать.

"Повелел великий царь Пётр Алексеевич, чтоб земли от реки до гор заселить пришлыми нелюдями: эльвами, гобами и орками, как они себя называют, и пошлин с них не брать в первые пять лет. Как пройдут пять лет, пошлины брать в половину от обычного. С тех, кто на промысел в другие земли ходит желает, брать как обычно..."

Стоп. Что за дела? Когда это Пётр Алексеевич такое говорил?

Давай ещё книжку листать.

"В лето семьсот пятнадцатого взят на службу Альвус Демикус, из роду эльвов. Прибыв с кораблём норвежским, выказал желание послужить государю Петру Алексеевичу, и службой доказал усердие своё" ...

О как. Интересно девки пляшут... Я аж вцепился в книжку, быстро перелистывая страницы.

Так, так... Я, конечно, историю не на отлично знаю, но основное бодро пересказать

могу. А тут не то, что я учил, совсем не то...

"По одним сведениям, благородный эльв прибыл на торговом судне из северных стран, по другим — был взят в свиту во время путешествия великого государя Петра Алексеевича по странам Европы..."

Как видно, супруга государя Екатерина Первая весьма благоволила к благородному эльву после спасения этим самым эльвом малолетнего сына и наследника государя от тяжкой болезни... После излечения наследника был благородный Альвус пожалован землями и деньгами. Дворянских званий не принял и потомкам не передал... Удовольствовался землями, деньгами и должностью при особе государя.

Неплохо устроился! Ну так ничего удивительного, за такие заслуги... Дальше... Несколько страниц слиплись, но я не обратил внимания — зачитался.

Похоже, прибытием одного эльва дело не ограничилось. Появились его соплеменники, за ними подтянулись гоблины и орки... то есть гобы и орги, как их называли. Государь счёл их полезными и щедро выделил пришлым не-людям земли под расселение. Правда, без фанатизма — головы при этом не потерял, и загнал пришельцев подальше от столицы. Пускай границы охраняют и глаза не мозолят. Но самых влиятельных эльвов всё же при себе оставил — понятно, почему.

И пошла история развиваться совсем не так, как я знал по своим учебникам, которые в том, другом мире, остались.

Я листал страницы, с жадным нетерпением вчитываясь в незнакомую мне историю.

...Стали орги и гоблины, не считая немногочисленных на том момент эльвов, на неудобных землях жить, замиряя опасных соседей. Магию применяли без всяких ограничений, потому что никаких инструкций на этот счёт тогда не было. Плодились и размножались с усердием, благо пока земли было достаточно, охота шла успешно, а пшеница, рожь и прочие зерновые пёрли на свет как ошпаренные. Да собственно так и было.

Но оказывается, не все магические существа к нашему государю на службу попросились. Нашлись и те, что в другие страны пришли, и там уж свою выгоду не упустили.

Официальная версия была суховата, но можно было читать между строк, и то, о чём я догадывался, вызвало мурашки по всему телу. Аж руки вспотели, держащие книжку.

...Так государства усилились вдруг, что воевать начали, воспользовавшись новыми магическими возможностями. Заключались и расторгались союзы, армии, усиленные боевыми органами и гобами, маршировали туда-сюда, и ничто их не останавливало, только другая такая же армия. Горела земля, воспламенялся воздух, рушились горы и высыхали поля...

"Страшные дела творились, не передать словами. И до такого истощения в конце концов землю довели, что государи и слуги их собрались и решили магию больше не применять ни для войны, ни для чего другого. А применять только тем, кому позволено, то есть высшим альвам и ближним их. А другим только по особому разрешению"...

"Земли для оргов и гобов отвели, согласно закону, подписанному великим государем. А кто захочет в другом месте жить, должен иметь разрешение. Но не больше нужного числа, также в законе оговорённом. И магии чтобы никого из них не обучать, а только если нужно для дела".

Прочитал я, аж голова кругом пошла. Вот так учебник истории...

Выходит, я — то есть господин Найдёнов — потомок эльвов, существ с магическим даром, что ещё при дворе Петра Первого обосновались. И наворотили оные эльвы изрядных дел. Не совсем понял, откуда орки и гоблины взялись, но по намёкам получается, что они с эльвами явились, только были рангом пониже. Может, слуги или вассалы эльфийские, кто их теперь разберёт.

Странно вообще, откуда эльвы взялись так неожиданно. Не было, не было, и вдруг — здрасьте! Может, как в книжках пишут, произошло сопряжение сфер или два мира соприкоснулись... как это там называется. Проникли сюда, а назад уйти никак. Вот и крутятся здесь. Да и войны какие-то загадочные. Вроде помогали людям, а вроде сами дрались... Может, землю (во всех смыслах) делили, но не срослось.

И теперь сидят тихо, чтоб совсем не прижали.

Эльвы, похоже, устроились неплохо, если не считать всяких полукровок. А гоблинам с орками повезло меньше. Плодятся они быстрее, чем эльфы, а толку что — работы нет. Магичить не каждому разрешают, а просто работа вся между людьми поделена. Земля у гобов и оргов тощая, урожаи крохотные, без магии хоть плачь. А в городах люди все хорошие места расхватали. Нелюди по окраинам ютятся и перебиваются кто чем может. Вот и промышляют всякими делами — а куда деваться?

Тутменя прервали. Мальчонка, сынок квартирной хозяйки, записочку притащил. Запищал рядом, заскакал, бумажкой размахивая, я аж подпрыгнул от неожиданности и едва книжку не выронил. Отдал пигалице учебник, бумажку развернул.

А это мой новый друг эльф-полукровка, он же главный по ограблениям, встречу назначил. Срочную.

Полуэльв, похоже, вообще спать не ложился. Глаза горят, лицо ещё больше заострилось.

— Господин Найдёнов, — говорит, а сам аж дёргается от возбуждения. — Вы умеете играть в карты?

В карты я играл. А кто не играл-то? В дурачка с друзьями, фокусы всякие в компании, чтобы перед девчонками покрасоваться, ну а пасьянс только ленивый не раскладывал.

Но у полуэльфа всё серьёзно оказалось.

— Я понял, — говорил он тихо, напряжённо. — Я долго думал, и понял. Это не давало мне покоя. Всё время не давало покоя...

Как по мне, ему не мешало бы хлопнуть стаканчик чего-нибудь успокоительного и завалиться на диван. Или где там изволят отдыхать потомки благородных эльфов. Но вслух я сказал:

— Послушай, что мы всё на вы? Скажи мне своё имя, а то неудобно как-то. Вместе на дело ходили...

Он запнулся, как-то странно посмотрел на меня. Что, опять не то сказал?

— Э-э, раз вы... ты... хочешь... Зовите... зови меня Альфрид.

Вот так имечко.

— Зови меня просто Дмитрий. Не надо вот этого — господин.

Он резко кивнул.

— Да, Дмитрий. Так вы играете в карты?

— Понемножку. Как любитель.

— Этого мало. Но ничего... Штосс не такая уж трудная игра. Мы вас... тебя обучим.

Дело намечалось денежное. Хотя и опасное. Если попадёмся — живьём в землю закопают, буднично, как о чём-то обыкновенном, заметил Альфрид.

В заведениях, таких как "Сытый Гобби", играют — играют по мелочи и по-крупному. Крутятся там шальные деньги. Кто последние копейки проигрывает, кто гораздо больше, и не последние.

Есть там столы для картёжников, есть для рулетки. Можно просто кости бросать — кому что нравится. Играет народ самый разный, без разбора: люди, орги и гобы. И есть одна сложность для тех, кто хочет лёгких и быстрых денег. Сложность такая — чтобы не возникло о у кого-нибудь соблазна помочь удаче, на каждый стол наложено заклятье. Мало ли, вдруг придёт крутануть рулетку гоб или орк, у которого в роду хранят заклинание на выигрыш. На удачу, на деньги, на прибыль — что угодно. Лишь бы помочь выиграть, и заведение обмануть.

Вот для этого магию и применили. Все столы — абсолютно все — сделаны на заказ. В столице, конечно, заклинания подороже, от всякой магии любого уровня. У нас попроще, но всё равно действуют.

И тут нашего Альфрида осенило.

— Я долго думал, — сказал он. — И понял, в чём дело. Заметил ещё тогда, когда мы с Вавилой пытались вас пощипать. У меня есть амулет, небольшой, но действует исправно. Я должен был вас обездвижить, если Вавила не справится. Он не справился, я применил амулет. Вы упали, я подумал — подействовало. Но вы просто споткнулись. Теперь я это знаю.

Он перевёл дух, улыбнулся, показав острые белые зубы.

— Всё стало ясно при ограблении. Там в карете был маг, настоящий. Я сам видел, как он сделал знак и применил заклинание. Вы ему помешали. Заклинание было произнесено —

и не сработало. Как это случилось? Вы погасили его. Сначала я подумал, что вы имеете амулет, что знаете слова. Но нет, вы ничего не умеете. Вы даже не знаете, чья кровь в вас течёт. Я не спал, всё прокручивал в уме... Остаётся только одно. Ваш дар так силён, что жалких остатков, что позволяет ваша печать, хватает.

— На что хватает? — говорю. Мне уже самому интересно стало, до чего он додумался.

— Вы гаситель.

— Гасило у нас было, — фыркаю. Да что за бред такой. — Им наш орг кучеру залепил по башке. Чуть не насмерть.

— Не надо шутить, Дмитрий, — рыкнул Альфрид. — С магией предков не шутят!

Посверлил меня глазами, убедился что я не смеюсь, продолжил:

— Этот дар встречается редко, и его обладатели очень ценятся в среде эльвов. У нас, носителей благородной крови, последний раз такое проявилось давно, два поколения назад.

— И что? — заинтересовался я.

— Носителю повезло — юношу заметили. Ему разрешили пройти обучение в местной общине, где он показал прекрасные результаты. После его пригласили в столицу, к лицу самого высшего эльва, благороднейшего господина Домикуса.

— Надеюсь, он загребал деньги лопатой.

Альфрид смутился.

— Всего нет. К несчастью, юноше не повезло. Его прекрасно приняли в доме Демикусов, и поручали различные дела в самых знатных домах. В том числе секретного свойства. Но бедняга недолго наслаждался своим счастьем и вскоре скончался от болезни. Как видно, кровь эльвов была в нём недостаточно сильна.

"Ага, — подумал я. — Скончался. Скоропостижно, от удара табакеркой по голове". Но вслух ничего не сказал. Не хотел разрушать иллюзии Альфрида. Видно же, чувак бредит своими благородными предками.

— И вот теперь, — продолжал вещать Альфрид, не заметив моего скептицизма. — Мы воспользуемся твоим даром в благих целях!

Я заметил, что про общину он ничего не сказал. Какие-то проблемы у него с родичами, видно невооружённым глазом.

План оказался такой: мы приходим в заведение, где идёт игра. Занимаем позицию за столом. Я прикидываюсь новичком, который не знает, каким концом за карту — рулетку, кости, нужно подчеркнуть — держаться. Но думает, что самый умный. (Тут мне даже притворяться не надо — так оно и есть).

Завсегдатаи, шулера, и прочая публика, которым только в радость облапошить новенького, радостно налетят к столу.

Тут надо держать ухо остро, чтобы не упустить момент. Когда ставки поднимутся до заоблачных высот, мы используем мой дар, и сорвём банк.

Для этого мой новый друг собирался обучить меня простенькому, но эффектному заклинанию. "Ничего сложного, надо только захотеть" — так выразился Альфрид.

Ага. Легко сказать... Мы ушли на окраину, где и домов-то не было — какие-то сараи и древние развалюхи, — присели в укромном уголке и принялись практиковаться. Альфрид показывал, я старался.

Кто скажет, что колдовать легко, плюньте ему в рожу. Мы сидели, потом вскочили, полуэльф забежал кругами, объясняя на пальцах, что это просто — как дважды два. Я

пытался кастовать заклинание, но всё было напрасно. Альфрид потел и ругался, как прораб на стройке.

— Бесполезно, бесполезно!.. — полуэльф плюхнулся задом на гнилое брёвнышко, и горестно обхватил уши руками. — Я не знаю, не знаю, что делать с тобой, Дмитрий!

И в глазах такое: ну всё пропало, гениальный план идёт псу под хвост из-за тупого студента. "Видать, у господина Найдёнова тоже кровь сильно разбавлена" — прочёл я в его глазах.

Да я уже и сам в себе засомневался. Может, это Найдёнов потомок благородных эльвов, и у него бы всё получилось. Без меня. А тут я — влез и всё испортил.

— Слушай, — говорю. — Так дела не делаются. Надо сменить обстановку. Здесь место неподходящее. Вымораживает. Пошли ко мне, согреемся, чайку попьём. А там, глядишь, получится. Дома и стены помогают.

Поглядел он на меня диким взглядом, поморгал, подумал и согласился. От отчаяния — а не от моей прекрасной идеи.

Притазились ко мне. Я у хозяйки чайник чаю горячего взял, дал ей монетку за беспокойство. Она даже брать не хотела, когда гостя моего увидела. Как видно, гобы и правда эльвов уважают, даже таких, не совсем чистокровных.

Поставил я чайник на свой крохотный стол, взял чашки, блюдца — всё как положено. Хозяйка за мою монетку даже мёд в маленькой вазочке дала — ради гостя.

Устроились в моей комнатушке, и давай снова заклинание учить. Альфрид от чая с мёдом согрелся, но не подобрел. Шипит сквозь зубы:

— Ох, не выйдет ничего, не выйдет!

Как хлопнет ладонью по столу, аж чашки подпрыгнули.

— Ай-й-й! — тут мой друг полуэльф подскочил и за руку схватился. А это мой котик его цапнул. Он на столе за зеркалом сидел, видать испугался. Цапнул Альфрида за руку, спину выгнул и зашипел ещё громче гостя.

— Что это за порождение мрака?! — взвизгнул Альфрид.

— Успокойся, — говорю. — Не пугай котика.

Котёнок ко мне на коленки запрыгнул, я его машинально почесал. А тот шерсть на гостя распушил и рычит, прямо тигр мелкий. Глажу я его, и чувствую — ладони покальвает.

И вдруг мне старый фокус вспомнился, когда надо шарик воздушный надуть и об спину кошачью потереть хорошенько. Шарик от этого намагнитится и к потолку прилипнет.

Уже от отчаяния, что не выходит ничего, потёр я ладони об котёнка, руки вытянул, пальцы согнул, прижал друг к дружке, как Альфрид показывал, и слова нужные произнёс.

По ладоням будто щекотка прокатилась, пальцы закололо, а Альфрид вдруг на стуле подпрыгнул и глаза вытаращил.

Тут же в дверь моей комнаты постучали и хозяйкин сын ушастую головёнку просунул.

— Возьмите денежку, господин! Мамуля велела вам отдать, что вы за чай платили. Вам нужнее!

Монетку мне в руки сунул и убежал.

Не успела дверь хлопнуться, Альфрид со стула вскочил и кругами забегал.

— Получилось! — кричит. — Получилось!! Ты был прав, Дмитрий — дома и стены помогают!

Не знаю, как стены, а котик мне точно помог.

А полуэльв радостно повизгивает:

— Ещё! Давай ещё раз! Надо закрепить, чтобы в нужный момент не сорвалось! Только убери ради всех богов отсюда это животное, оно мне не нравится.

— Нет уж, — говорю. — Мы не гобы, чтоб нас котики смущали. Не нравится — не смотри.

А сам котёнка почёсываю. "Назову Талисманом, буду с собой везде носить. Если так магичить не получается, хоть с кошачьей помощью наловчусь"...

В общем, с помощью кота и эльвийской магии выучили мы заклинание на богатство. С меня семь потов сошло, с Альфрида ещё больше.

— Отлично, друг Дмитрий! — говорит полуэльв. — Деньги сами идут к нам в руки. Осталось их взять, и не умереть при этом.

— В смысле, — говорю, — не умереть?

— Ну как же, — отвечает Альфрид, а сам скалится во весь свой эльфийский рот. — Ты что же думаешь, нас с таким выигрышем отпустят? Учись быстро бегать, друг Дмитрий. Или выучи заклинания невидимости. Они нам скоро очень пригодятся.

Глава 12

Заведение "Сытый Гобби" ломилось от посетителей. В морозный вечер туда набились все, кто хотел тепла, горячей еды, выпивки и весёлой компании.

В основном зале на первом этаже дым стоял коромыслом. Посетители ели, пили, закусывали. От духоты перехватывало дыхание и свербило в носу.

Шумели сегодня даже больше обычного. Гул прокатывался над столами, где согревались чаем и водочкой простые работяги и извозчики всех мастей.

Альфريد двигался вперёд как атомный ледокол, я едва поспевал за ним, аж запнулся об овчинный тулуп, что валялся у ног подвыпившего извозчика. Тот сидел с края — весь потный от выпитого — борода торчком, линияя рубаха, подшитые валенки. Его тулуп упал под ноги, но хозяин забыл про него.

— Нет, ты глянь, — толковал он другому такому же мужичку. — Что за порядки пошли, сразу в рыло? Я к нему со всем почтением, а он драться! Ты монету взял, какого рожна тебе ещё надобно? Как с ума посходили, особенное положение у них, большое начальство понаехало... зачем людёв щемить зазря, говорю?..

Его сосед с пониманием кивал, меланхолично обгладывая щучью голову.

Я поторопился вслед за своим товарищем, который уже скрылся в клубах пара, ловко лавируя между посетителями.

Альфрида здесь хорошо знали и нас без вопросов пропустили наверх, в комнаты, где шла игра. Меня гоблин-буфетчик уже приметил, кивнул, как старому знакомому и щёлкнул пальцами, подзывая мальчонку в фартуке. Тот подбежал, притащил рюмочку — от заведения.

Вслед за нами на второй этаж просочились давешний орг с гасилом в кармане и гоб — умелец стирать ненужную память.

У меня за пазухой, во внутреннем кармане шинели сидел котёнок Талисман. Альфриду я об этом ничего не сказал. Котиков он не любит, и вообще — незачем ему знать. Решит ещё, что я полуэльв неполноценный, и обольёт презрением. Мне так-то наплевать, но денежки нужны. Я тут как раз записку получил от Верочки. Пахнет бумажка цветочным одеколоном, и круглыми старательными буквами там написано, что девушка жаждет новой встречи. На том же месте, в тот же час.

А девушек надо пироженками кормить, лимонадами поить и танцевать. Да ещё подарки дарить. Без денег — какие подарки?

На втором этаже мы прошлись по комнатам. Впереди Альфрид, за ним с таким видом, что мы незнакомы — я.

Я старательно изображал лопуха, которому привалили деньжата. Грел руку в кармане, как бы монеты с бумажками пересчитывал, кривил физиономию при виде выигрышей и замирал возле столов, будто приценивался.

Наконец Альфрид, выцепив меня взглядом, подморгнул и указал глазами на стол, где сидели над картами.

Шла игра в шосс. Игроки азартно вскрикивали, шлёпая картами по столу. Зрители стояли плотным кругом, вытянув шеи, и активно болели за своих.

Я протолкался поближе, тоже постоял, пренебрежительно похмыкал. Потом сказал негромко, но едким голосом типичного зануды:

— Да что это за игра, в неё любой дурак сыграет и выиграет!

От моего тона даже у собак шерсть бы встала дыбом. Как мне по заливку не накостыляли, сам удивляюсь. Но видать, желание ошипать богатенького дурачка всё же пересилило.

И глазом не успел моргнуть, а уже сижу за столом, в руках — новенькая колода, напротив — довольная рожа матёрого игрока.

Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Зато в игре время летит, как сумасшедшее. Я только иногда от карт отрывался, чтобы посмотреть, на месте ли мои друзья по бизнесу — полуэльв, орг и гоблин. На месте, глаз не отрывают, ждут сигнала от старшего.

Скоро мы к себе всех зрителей стянули, даже из других комнат набежали. Проигрывал я феерично, чего уж там. Иногда, правда, отыгрывался, но это только для пущего азарта. Трещали вскрытые колоды, ободряюще покрикивали зрители.

Вокруг стола даже стали биться по рукам, пари заключать — сколько денежек у дурачка-студента в кармане, и надолго ли его хватит. А мне здесь главное самому не увлечься и головы не потерять.

Вижу — пора. Надо брать денежки и валить. Пока не началось.

Глянул я на Альфрида, тот кивнул, перемигнулся с нашими. Сигнал — три неравномерных мырга. Раз-два. Раз.

Я понтировал. Банкомёт напротив меня ослепительно улыбнулся, показав прореху в зубах. Ворох бумажек громоздился по правую и по левую руку на столе. Тускло отсвечивали монеты.

Поёрзал я, будто волнуясь, руку за ворот запустил, котика пожатал. Почуял знакомое покалывание. Хорошо, что мой Талисман такой электрический. Вон как ладонь щиплет.

Сунул руки под стол, сделал вид, что потные ладошки о коленки потираю. А сам пальцы скрючил и бормочу незаметно, над столом наклонился — типа молитву читаю на удачу.

Игрок напротив меня ухмыляется, уже собрался мои денежки забрать. А ставки уже не то что удвоились — учетверились. Такая куча на столе лежит, аж обзор загораживает.

Банкомёт карту на стол шлёпнул, на меня глядит.

А мне что-то жутко стало и весело — как с тарзанки прыгать в первый раз. Пропел я дурным голосом:

— Три карты, три карты, три ка-а-арты!

И шлёпнул карту на стол.

Тройка, семёрка, туз... как там поют тенора. Ну давай, магия, вывози.

Банкомёт в свою очередь картами по столу шлёп, шлёп. Направо, налево. Девятка, джокер.

Я открыл свою. Джокер.

Весь зал дружно ахнул.

"Джокер!.. джокер побит!!!.. Карта бита!.." — и всё такое. Шум поднялся, гомон оглушительный, аж стены трясутся. Народ орёт, все ногами топают, кто-то пари выиграл на мне, кто-то проиграл... Бедлам, короче.

А я из кармана мешочек холщовый вытащил, и давай туда деньги со стола сгребать. Банкомёт напротив меня застыл, весь багровый, щербатая улыбка как приклеенная, взгляд безумный.

Я поднялся, мешочек с деньгами шнурочком затягиваю. Банкомёт всё сидит как оглушённый. Надо уходить, да побыстрее.

Только я приподнялся с места, и тут же кто-то из зрителей крикнул, визгливо так:

— Жулики! Нечестно!

Другой подхватил:

— У него шестёрка была, не девятка! Глаза отвёл, держи его!

Это дружки моего противника подключились. Видят, что банкомёт от неожиданности в неадекват свалился. Или может, это моя магия так на него подействовала? Хотел на мне нажиться, а тут наоборот совсем вышло. Разрыв шаблона, вот и переклинило мужика.

Но пока мы за столом, никакого смертоубийства не выйдет — заклятья наложены такие, что особого вреда друг другу игроки нанести не смогут, не получится. Разве что припугнуть как следует. А вот стоит только шаг от стола шагнуть — и пожалуйста бриться. И чувствую я, что плотно меня обступили, только ждут, когда этот самый шаг сделаю.

— Погоди, господин хороший, — это противник мой проморгался, вышел из ступора. — Отыграться не дадите?

А сам, смотрю, руку в карман сунул, и оттуда уже кастетом мне посвечивает — намекает.

— Отыграться, — говорю, — можно. После дождичка в четверг.

Тут подпрыгнул я с места и на стол вскочил. Еле успел, жадные пальцы по мне только скользнули и сорвались.

Дружки проигравшего дружно взвыли, и ко мне руки тянут — справедливость наносить. С криком: "Держи! Хватай!"

Не теряя времени, пнул я ботинком в рожу банкомёту, тот руками взмахнул, на спину повалился, а на пальцах — шипастый кастет.

Банкомёт отвалился от стола, прямо на дружков своих, а я сделал эффектный пас нашему гоблину. Мешочек с деньгами взлетел по красивой дуге и попал прямо в цепкие зелёные пальцы.

А я сделал скачок и побежал буквально по головам. В кино показывают, как мастера всякого кунг-фу или ушу бегают по воде, мастерски от поверхности отталкиваясь. По головам, скажу прямо, бегать немногим проще.

Но жить захочешь — и не так попрыгаешь.

Наш гоблин рванул с места, заметить его успели не все, но толпа за ним погналась всё же порядочная.

На выходе в дверях стоял наш орк, и пару-тройку особо резвых преследователей, вырвавшихся вперёд, уронил.

Навстречу уже бежали вышибалы с дубинками, сзади напирали возбуждённые игроки. Нам нужно было только прорваться к выходу из забегаловки, а там — ищи-свищи.

Я перепрыгнул через упавшего возле порога, но тут успел ухватить меня за ногу и повалил на пол. Сзади наскочили, образовалась куча-мала.

Задача у нас была — унести мешок с деньгами, так что каждый крутится как может, главное — не дать схватить гоблина.

Я едва вывернулся, задыхаясь под навалившимися телами, извиваясь, пополз червяком. Суставы выворачивались, спина вопила от перегрузки, но я умудрился всё же не упасть плашмя, чтобы не задавить Талисмана.

И тут раздался пронзительный свист. Он шёл с лестницы, от основного зала.

Всё поменялось в один миг. Про нас забыли. Игроки рассыпались, заметались как тараканы, когда на кухне включают свет.

"Облава! Облава!" — кричали вокруг. К общему шуму добавился едва слышный отсюда звук полицейских свистков.

Альфрид метнулся в конец коридора, противоположный от лестницы. Наш орк прикрывал отход, отбрасывая особо ретивых. Гоблин с мешком в руках метнулся за Альфридом. Я кое-как поднялся, ударом кулака свалил с ног того, кто меня попытался удержать — это был один из игроков — и захромал за своими.

Раздался звон разбитого стекла. В самом конце тёмного коридора оказалось окно — настолько закопчённое, что его нельзя было заметить, если не знать что оно там. Маленькое оконце, только ребёнку пролезть.

Альфрид разбил стекло, вышиб осколки несколькими ловкими ударами, прошипел заклинание и протиснулся наружу — как змея. Гоблин с мешком в зубах полез за ним. Щуплому гобу даже магия не понадобилась.

Я высунулся следом. В лицо ударил морозный ветер пополам со снегом. Сверху свисала верёвка с узлами, и Альфрид уже карабкался вверх. Гоблин, который, кажется, вообще ничего не весил, вспорхнул вслед за полуэльфом, словно птичка.

В другое время и при других обстоятельствах я бы ни за что не полез по мёрзлой верёвке на крышу. Шарахнешься сверху — костей не соберёшь. Но деваться некуда, полез. Едва успел. По оконному проёму пробежали и погасли, рассыпались синими искрами остатки заклинания Альфрида.

Последним выскочил в окно наш орк. Этот тоже крикнул что-то магическое, но его слова унёс ветер.

Выбрались — и вовремя.

По всем залам, коридорам и лестницам уже шумели, свистели, топали тяжёлыми сапогами — полиция обшаривала дом.

Мы забрались на крышу, и Альфрид быстро сматал верёвку. Я распластался рядом с краем, тяжело дыша. Только то, что крыша была старая и покорёженная, и оттого не скользкая, не дало мне свалиться вниз, прямо в объятия полиции.

На крыше кроме нас притаилось ещё несколько человек — распластались как камбала, прикинулись тенью. Очевидно, снизу сюда вела парочка запасных выходов, как раз на такой случай. И те, кто про них знал, ими воспользовались.

Мы лежали на ледяной крыше. Посвистывал ветер, щипал морозцем уши, заметал наши спины колючим снежком. Внизу галдели и топали ногами. То и дело раздавался звук свистка, топот, крик: "Держи его!", очередного беглеца валили наземь и волокли обратно. Полиция гребла рыбёшку мелкой сетью, обшаривая забегаловку сверху донизу. Нам оставалось только ждать и молиться, чтобы не замёрзнуть окончательно. Пока полицейские не уйдут — или не заберутся на крышу.

Я шёл по центральной улице. На плечах — щеголеватая новенькая шинель, (пусть даже без знаков отличия), в кармане — деньги. И немалые.

Мы поделили добычу, и теперь она приятно оттягивала внутренний карман. Там, где недавно сидел котёнок.

Талисмана я оставил дома. Проснулся, помылся, переоделся, чтобы не выглядеть как нищий студент, которому не по дорогим магазинам ходить, а по ночлежкам ошиваться. И отправился в город — за информацией и за подарком для Верочки.

Сейчас дело шло к вечеру, по зимнему времени уже темнело. Солнце сползло к закату по крыше почтамта яичным желтком огненной курицы. Багряные потёки солнечного света отражались в витринах дорогих магазинов.

Меня потряхивало — от холода и новостей. С полудня я обежал весь городишко, намотав километраж на зависть любому любителю считать шаги.

Рассчитал время, когда народ потянулся в чайные и рюмочные — кто с похмелья, кто на обед. Перекусить, согреться, набраться сил.

И это время не пропало зря. В хороших, чистых чайных и рюмочных публика не слишком разговорчивая. Но и там было что ловить.

Слышу, один клерк другому по секрету говорит, сам голос понизил, говорит тихонько:
— Еле вырвался булочку перехватить. Такая с утра печаль, господин управляющий банком аки зверь рыкает...

А другой ему поддакивает:

— Ох, и не говорите, куда только полиция смотрит... Посреди города грабят и раздевают... Эдак все клиенты разбегутся... Будут господа денежки в сундуках держать, по-старинке...

— Вот-вот, и я о том же... Господин полицмейстер уж так перед владельцем заведения давеча извинялись, говорят, аж покраснели все...

Ага, думаю, это они о нашем подвиге с ограблением кареты. Представил господина полицмейстера, как он извиняется перед владельцем борделя. Да, стрёмное зрелище. Не хотелось бы попасть на глаза начальнику в этот момент.

Забегал в пирожковую на углу. Там посетители попроще, разговоры тоже. Без всяких выкрутасов.

Взял я жареный пирожок, отошёл в сторонку, жую, заодно греюсь. Слушаю.

Слухи разошлись по всему городу со скоростью пожара. Одна невероятная подробность громоздилась на другую, ещё невероятнее. Болтали всякое.

Что ночью карету с деньгами, на дорогих девках поднятых, остановили и подчистую выгребли, ничего не оставили. Что тех, кто деньги везли, убили, на куски покромсали и разбросали по округе. Нет, не убили, а памяти лишили, и теперь эти двое и кучер стали как младенцы и ходят под себя.

Что в городе орудует шайка орков. Что в город приехала банда гоблинов с юга. Что зверствует банда с востока — там такие злые гобы, чуть друг друга не едят.

И что наши местные этим пришлым хотят дать решительный ответ. Только вот пока найти не могут, чтоб достойно ответить, значит.

Во всех забегаловках говорили то же самое — в разных вариантах, но по сути одно.

Когда они стали повторяться в который раз, я решил закончить. Заняться личным вопросом — на все деньги.

По-хорошему, лучше было бы переждать, пока всё не успокоится, а потом светить деньгами. Но после нескольких часов, проведённых на ледяной крыше, с риском упасть вниз и в лучшем случае попасть в руки полиции, долго ждать не хотелось. Хотелось потратить выигрыш сейчас, не отходя от кассы.

Альфريد делить добычу не хотел. Может, здешние эльвы и брагородные создания, но их потомок больше походил на расчётливого гнома. Не внешностью — нутром.

— Зачем вам деньги? — брюзгливо сказал полуэльф. — Я положу их в банк, под проценты. Вы же их пропьёте. Или сразу потратите.

— Минуточку, — говорю. — Что значит — пропьёте? Ты за кого нас принимаешь? Если орг, так значит — пьяница?

Смотрю, наш орк закивал. Гоблин тоже оживился. Они до этого Альфриду в рот смотрели, каждое слово ловили. А тут призадумались.

— Ну и куда вы их потратите? — скептически спросил Альфрид. И на лице выражение такое снисходительное — скажите, деточки, дяде что-то умное.

Орк откашлялся, нос потёр — тот из жёлтой картофелины стал похож на картошку сорта "синеглазка", и сказал:

— Я женюсь.

— Что?! — Альфрид аж растерялся.

— Женюсь. Я бедный — она богатая. За бедного не пойдёт. Родители против.

— Так я тебе деньги в банк положу, они твои будут! — закипятился полуэльф.

— Это когда будет. Мне надо сейчас, — упёрся орк.

Тут и гоблин расхрабрился.

— Мне тоже сейчас надо. Я лавочку присмотрел. Старый Шмайфер продаёт, я покупаю. Он сказал, долго ждать не будет. Знаете лавочку на углу Пятиалтынной? Вот там.

— Так это лавочка вдовы купца Алтуфьева, — заметил полуэльф.

— Ну да, по бумагам — её. А по делу — старика Шмайфера, — буркнул гоблин. — Он эту лавочку за долги давно выкупил. Вдова там просто для виду.

Я аж крикнул от такого. Вспомнил забегаловку "Довольный Желтопуз". Ведь в ней тоже вроде как хозяйка — обычная женщина. А на деле, небось, там всем какой-нибудь старый гоблин заправляет. Человек для него — только ширма.

Молодцы эти гобы, ничего не скажешь... Недаром их женщин в борделях нет — все умные.

— Вот видишь, — говорю. — Денежки всем нужны. Дели давай.

Наш полуэльф повернулся ко мне, поглядел злобно:

— Ну а тебе зачем деньги, Дмитрий?

— Из принципа!

Он аж поперхнулся. Пыжится, не знает, что сказать.

— Хорошо! Раз вы так, получите вашу долю. Не понимаете своего счастья...

В общем, поделили мы добычу.

Довольные орк и гоблин побежали по своим делам, Альфрид скрылся в переулках, а я задумался — что девчонке подарить. Кто его знает, что нынешние девушки любят. Телефон,

крем от загара, купальник на ниточках? Нет здесь такого... Да и бельё дарить как-то неудобно... ещё получишь по морде корсетом. В общем, всю голову сломал, выбирая. Так и не придумал ничего.

* * *

Так, всё ещё в раздумьях, я дошагал до центральной улицы. Там повсюду витрины красивые, и на перекрёстках вывески одна другой заманчивей. Неси только денежки свои, а потратить не проблема.

Остановился, смотрю — неподалёку от меня в один из магазинов девица заходит, под ручку с пожилым джентльменом. Раз девушка идёт, значит есть товар подходящий. Ну и я туда следом за ними.

Зашёл. Это ювелирный магазин оказался, богатый и красивый. Прилавки вдоль стены все огоньками подсвечены. И не просто так, а магическим способом. Свет под стеклом переливается, и драгоценности на бархате сверкают заманчиво, глаз не оторвать.

Приказчик уже на покупателей коршуном налетел, над витриной вьётся — товар показывает.

— Вот, — говорит, — брошь ювелирной работы лучших мастеров. Только вчера курьером доставили, прямо из столицы. Ограниченная партия, только для знатоков изящного.

Барышня, смотрю, кивает, но на красивые речи не ведётся. Богатый дядя рядом с ней глядит скептически.

— Вот ещё посмотрите, — разливается приказчик. — Запонки на манжеты для господ, кои коммерцией увлекаются. Практично, удобно, и оч-чень модно. Сейчас в столице все так ходят...

Тут приказчик меня заметил, и головой мотнул еле заметно. Это он девушку-продавца позвал. Чтобы ни один клиент не ушёл обиженным.

Девица ко мне подпорхнула, заулыбалась.

— Что желаете, господин?

Смотрю, девица очень даже ничего. Красивая, улыбка приятная, и вообще... всё при ней. Корсет в рюмочку, грудь что надо, ручки белые, гладкие, ногти блестят. Это чтоб клиентам не стыдно было брошки показывать. Ну и на лицо посмотреть приятно.

— Девушка, — говорю, — мне бы подарок выбрать. Для девушки.

Аж запинаться стал.

Она улыбнулась, блеснула белыми зубками, и я понял — эльфы здесь точно ночевали. Может, она ещё и магию применяет, чтобы клиент размяк. Профессия обязывает, так сказать. Это меня малость отрезвило.

— О, — защебетала она. — У нас прекрасный, потрясающий выбор подарков для прекрасных дам! Для любого возраста и общественного положения!

Смотрю, девушка, что с пожилым дядькой пришла, ко мне обернулась. Посмотрела внимательно, улыбнулась, и я её узнал. Это же та самая молоденькая гоблинша, что к нам на квартиру приходила — лечить сына квартирной хозяйки. Она ещё на медика учится.

А я со спины и не понял, кто это. Да и дяденька, что с ней, сейчас тоже мне знакомым показался. Только вспомнить не могу, где его видел. Тоже гоблин, важный такой,

немолодой. Одеты они как люди, вот и не признал сразу.

Я козырёк кепи приподнял, она кивнула. Пожилой гоб тоже голову склонил — чуточку. Кто он ей, не знаю, но хозяйка тогда сказала, что девушка прекрасная партия для любого. Вот и нашла себе — немолодого, но сразу видно, что при деньгах.

А продавщица меж тем соловьём передо мной разливается, на прилавок выкладывает всякое красивое, блестящее и дорогое.

— А вот, — щебечет, — новинка, модная вещица в этом сезоне! Дамские часики, работа заграничных мастеров.

И на ладошке мне показывает. Да, часы, круглые, с циферблатом.

— Обратите внимание, какая изящная работа! Совсем не тяжёлые, как раз для юной госпожи. благородные металлы, камни из личных рудников его сиятельства Аполлония Третьего. Посмотрите, как чеканка играет на солнце! А самое главное...

Продавщица сделала интригующую паузу. Наклонилась ко мне и понизила голос:

— Последняя новинка, изобретение опытных мастеров! В часиках имеется потайная полость. Достаточно надавить на камешек вот так... крышка откидывается. И вот тайник, куда можно положить что угодно — локон дорогого друга, например...

Продавщица таинственно улыбнулась и слегка подмигнула. При этом она многозначительно взялась пальчиками за медальон на цепочке, что висел у неё на шее. И я понял, что этот тайник можно использовать не только для пучка волос какого-то друга. Это же идеальное место для амулета. Магического амулета, с помощью которого так удобно колдовать. Особенно если ты полуэльф, орк или гоблин.

Меня вдруг осенило. Вот я дурачок наивный. Тогда, на квартире у Верочки, отобрал часы у Альфрида, и потом отдал просто так. Там ведь наверняка амулет внутри был. И полуэльф колдовал с его помощью. Неспроста он так суетился, просил вернуть. Сам сказал, амулет вещь редкая и дорогая.

Ну что теперь. Зато вон как раскрутился Димка Найдёнов. С лучшими нелюдьми нашего города познакомился. Деньги лопатой гребём.

— Так вам нравится, господин? — продавщица меня вывела из размышлений.

— Нравится, — говорю. — Заверните. И цепочку к ним желательнее. Вот такую...

Тут же мне всё упаковали в коробочку красивую, и ещё блестящей бумажкой обернули. Продавщица бантик сверху завязывает, а я так, наудачу, говорю ей:

— А что вы делаете сегодня вечером?

— Работаю допоздна, господин, — отвечает.

— А в другие дни?

Она задумалась, глазки опустила:

— Вы что же, пригласить куда хотите, господин?

— Отчего же нет, — отвечаю. — Можно по парку прогуляться. Погоды нынче стоят замечательные.

Ойкнула она, аж приказчик обернулся.

— Извините, — говорит, — не могу по парку гулять. И вообще, у меня много работы.

— Что же, насильно мил не будешь, — сделал я вид, что обиделся. — Раз не любите природу...

— Простите, господин, но нынче в парках никто не гуляет, — испугалась девица, что клиента обидела. — Неужто вы не слышали, что там жуткое убийство случилось?

— А, слышал что-то краем уха, — говорю. — Ну и что такого?

— Как же, об этом только и судачат все... Убили, говорят, девушку благородных кровей, и магией запретной воспользовались... Теперь туда ходить нельзя, а кто ходит, тому десять лет несчастья!

Во как, чего народ напридумывал... Суеверий каких-то приплели вагон.

— Неужто благородных кровей? — сам спрашиваю. — Я слышал, вовсе даже наоборот.

Она глазками стрельнула в сторону приказчика, шепнула (а сама улыбается для вида):

— Девушки, рождённые от эльвов, все благородны, что бы ни делали.

И коробку, перевязанную лентой, мне вручила.

* * *

Вышел я из магазина с подарком в руках. Иду и думаю. О благородных эльвах, магических обрядах, запретной магии и зверском убийстве. Перед глазами стояла мёртвая девушка: с распахнутой кожей живота, раскинутыми руками и глазами, заполненными кровью. Магическим кругом, вычерченным кистью, полным загадочных символов.

И белый снег, невесомыми крупицами падающий на белую кожу.

В задумчивости поднялся к себе в квартиру.

На лестнице меня встретила встревоженная квартирная хозяйка.

— Господин Найдёнов! — а сама передник в руках комкает. — Господин Найдёнов, сюда из полиции приходили, весь дом вверх дном перевернули. Про вас спрашивали. Чем живёте, куда ходите.

— А вы что? — говорю.

Хозяйка за мной идёт, причитает:

— Что я, моё дело постирать, приготовить... я так господам из полиции и сказала. Тихий, приличный господин, сказала, всегда вежливый и за квартиру платит исправно...

"Вот это она зря" — подумал я и дверь в свою комнату распахнул. Хлопнула форточка, пахнула ледяным воздухом.

На полу рядом со столиком рассыпались осколки разбитого зеркала. На столе лежал котёнок Талисман.

Я подошёл, мягко ступая по деревянным половицам. Под ботинками хрустнули осколки стекла.

Маленькое мохнатое тельце свернулось вокруг торчащего из стола узкого ножа.

Я взялся за рукоятку, дёрнул и одним рывком вытянул нож. Узкий клинок, костяная рукоятка...

Тёмная лужица растекалась под свернувшимся мохматым тельцем. Я взял Талисмана на руки и прижал к шинели.

Квартирная хозяйка ахнула и замолчала.

— Так кто приходил, говорите? — спросил я очень спокойно.

— Полиция... — растерянно пробормотала она. — Много кто ходил, двери так и хлопали...

— Если ещё придут и спросят про меня, — всё так же спокойно сказал я. — Отвечайте — всё в порядке у господина Найдёнова. Его искать не надо. Господин Найдёнов сам, кого надо, отыщет.

Спал я плохо. Всё время казалось, что открыто окно, и ледяной ветер порывами пролетает по комнате. Вскакивал, озирался, разглядывал плотно закрытую форточку и снова валился на кровать.

Под утро мне приснился Талисман. Котёнок почему-то вырос до размеров рыси, по шерсти его пробегали синие электрические искры, как фары светились круглые жёлтые зрачки. Котёнок забрался ко мне на подушку, положил голову на плечо и мяукнул. Я потянулся его погладить, но тот куснул меня и растаял в полутьме рассвета. Маленькие клыки вошли в кожу ледяными иголками и пропали, как улыбка Чеширского кота.

Утром я поднялся с больной головой. Всё тело ломило, болела ушибленная в драке рука, спина ныла, как будто по ней пробежала толпа грузчиков с мешками. Да в общем-то, почти что так и было. Вчера, сразу после дела, в горячке я этого не почувствовал. Но теперь всё навалилось сразу.

Да теперь ещё потеря Талисмана... Как теперь кастовать заклинания, непонятно, но самое мерзкое — я чувствовал себя виноватым и не мог сорвать зло на убийце. Найти гада практически нереально, а скажи кому, что мстишь за котёнка — надорвут животы от смеха.

Я машинально встряхнул подушку, смахнул на пол дохлую, уже засохшую от времени как мумия, мышь. Наверное, Талисман поймал и притащил хозяину. А я и не заметил.

Квартирная хозяйка жалостливо сказала:

— Хотите чаю, господин Найдёнов?

— Нет. Скажите, если здесь колдовать запрещено, где можно?

Она аж глазами заморгала:

— Как это, господин?

— В городе магия есть — в магазине ювелирном, в игорных столах. Значит, кому-то можно?

Хозяйка за щёки схватилась, головой замотала:

— Ох, господин стажёр, если вы оживить котика хотите, забудьте об этом. Многие до вас хотели, так пожалели сильно.

— Значит, было такое?

— Лучше бы не было, вот что я скажу! — бросила хозяйка в сердцах. — Ничего хорошего не вышло, одно горе. Старшие общин гобов и оргов имеют амулеты — и право имеют. Старший эльвий имеет все права. Он может даже камень оживить, говорят. Да только тот, кто к нему придёт с этим, пожалеет горько.

— Почему? — спрашиваю.

— Потому что, говорят, в саду у старшего эльвия много красивых камней стоит, вдоль дорожки разложены. Стоят, молчат, ничего уже не спросят. Так что лучше идите в храм, господин Найдёнов. Хоть в человечесий, хоть в дом эльвов, если помолиться хотите. А об этом не спрашивайте!

Хлопнула на стол утюг — аж искры от раскалённого угля полетели — мальчонку своего подмышку подхватила и ушла.

А я надел свою старую шинель и выбрался на улицу.

В заведении "Сытый Гобби" в этот час было тихо и спокойно. Мальчонка подметал пол. До полудня здесь почти что никого и не будет. Извозчики забегут погреться и

перекусить позже, прочий люд на работе. Всякий криминальный элемент ещё не выбрался на промысел из своих нор, а приличные люди заняты делами или ещё не проснулись.

Буфетчик-гоблин неторопливо протирал рюмки. Сонно пыхтел большой самовар.

Я пристроился возле стойки, попросил чая. Есть не хотелось. Посидел, помолчал, прихлёбывая из чашки. Буфетчик негромко сказал, разглядывая очередную рюмку на свет:

— Зря пришли.

— Что так? — вяло спросил я. Отхлебнул чаю, рассеянно глядя в тёмную жидкость.

— Ищут вас.

— Мы ничего не сделали, — говорю, а сам усмехаюсь через силу.

Гоблин хмыкнул в ответ, рюмку поставил, за другую принялся:

— Вот за ничего, значит, и разыскивают.

Я только плечами пожал, а гоблин сказал, глядя сквозь рюмку на свет:

— У заведения к вам вопросов нет, вы положенную долю честно отдали. Но кое-кто думает, что смухлевали вы. Не знают как, но думают — да. Так что я бы на вашем месте поостерёлся.

— Понял, — говорю. — А точнее?

— Тот, кто на картах деньги потерял, не на себя работает. Это ж просто Сенька Холопов, мелочь, пустой человек. Он на побегушках у Рыбака. Говорят, девки гулящие под ним ходят. Дорогие девки. Так что Рыбака это деньги.

Я помолчал, подумал. Имя — вернее кличка — было мне незнакомо. Но судя по словам и тону гоблина, человек это опасный. Если вообще — человек.

Ещё помолчали. Я допил чай, поставил чашку.

— Мне бы переодеться. Чтоб не узнали.

* * *

Скоро по улицам тащился совсем невзрачный человечек — в кургузом пальтишке, залатанном на рукавах, в порыжелых от старости ботинках и лохматой шапке из меха неведомого науке зверька.

В забегаловке "Сытый Гобби" оказалось несколько уютных кладовых, подземных и полуподвальных каморок, забитых всяким хламом. Если бы полиция во время облавы как следует там пошарила, нашла бы много интересного. Пропавшие или снятые с чьих-то туловищ пальто, ретонды и шубы, побогаче или попроще, новые и не очень. Перекроенные на шапки, жилеты и рукавицы. Конструктор — возьми шубу и собери из неё пять шапок. Эдакий секонд-хенд на минималках.

Так что здесь было на что посмотреть и выбрать. Особенно если ты не слишком привередлив к последним пискам моды.

Невзрачный человечек, приплясывая от холода, пробежался вверх по Малой Конной, свернул в Мучной переулок и выбрался к стоянке извозчиков, что катали чистых господ.

Извозчики в тёплых тулупах прохаживались возле своих пролёток. На пришельца посмотрели сурово, а один, на козлах самой дорогой пролётки, глянул вовсе недобро и покачал кнутом. Словом, никто не узнал в попрошайке и алкаше недавнего красавчика-студента.

Вот что делает с человеком немного грязи!

Однажды я так не узнал свою девчонку, когда она вдруг покрасила волосы. Из брюнетки стала блондинкой. До сих пор помню, что случилось, когда узнал и ещё при этом тупо пошутил. Про причёску. Ну, это девушке показалось, что тупо.

В общем, горсточка сажи пополам с золой, немного смолы, драное пальтишко — и вместо симпатяги блондина получаем убогого чувака, по которому баня даже плакать давно перестала.

Пошатался я возле пролёток, послушал, что говорят. Потом свалил от греха подальше, пока кнутом не огрели.

После этого пошёл шататься по городу. Хотя пошёл — слабо сказано. В худом пальто и дырявых ботинках вразвалочку не походишь. Так что вприпрыжку поскакал я по улицам, дрожа от холода, как левретка без комбинезона.

Потолкался по магазинчикам, лавчонкам, где торговали всякой всячиной, для виду предлагая купить старые носки. Шерстяные, из рыжей собачки вязанные! Сам бы носил, да выпить хочется, трубы горят, сил нету! "Трубы" я заменил на нутро, а носки никто брать не хотел. Да я и сам бы не взял.

На этот раз я точно знал, что хочу услышать.

Слухи громоздились и обрастали подробностями, как снежный ком. Но всё это я уже слышал не один раз.

И только когда сделал изрядный круг по улицам и задубел от холода окончательно, поймал наконец кое-что новое.

Краем уха уловил знакомое слово. Обернулся. Говорили какие-то типчики неприметного вида, двое, и с ними ещё один, в хорошей дублёнке. На голове шапка ушанка, под подбородком плотно завязанная, козырёк опущен, так что лица не разглядеть. Но слова его я слышал чётко. "Рыбак сказал..."

Застыл я неподалеку. Стою, на ладони замёрзшие дышу, будто отогреваю, а сам уши наострил. Расслышал ещё что-то вроде "предать земле" и "огнём пали..." Тут не понял, то ли "палить" то ли "спалили". Но про Рыбака слышал чётко.

А эти трое обменялись ещё несколькими невнятными словами и в толпе растворились. Вернее, двое невзрачных растворились, а тот что в дублёнке — зашагал по своим делам вдоль по улице.

Я за ним поковылял на промёрзлых, превратившихся в деревяшки ногах. Хорошо, народ ещё гулял, меня не так заметно было.

Прошли мы перекрёсток, где башенка с часами, прошагали ещё немного, повернули, миновали небольшой сквер и вышли к храму.

Храм сильно сказано — здание небольшое, но красивое. Я таких не видел ещё. Наверное, не для людей построен, а для эльвов. Стены белые, с украшениями из белого же камня. В высоких узких нишах стоят каменные фигуры — кто со свитком в руке, кто с цветком, кто с пучком колосьев. Высокие стрельчатые окна, над порталом входа круглое окно-витраж из цветного стекла. К арке порталного входа ведёт широкая лестница. Поверх арки вьётся изящный белокаменный орнамент — гирлянда, сплетённая из цветов, колосьев и прочей растительности.

Двери открыты настежь, но народ туда-сюда не бегают, только несколько человек чинно поднимается по ступенькам.

Тут я оглянулся по сторонам и понял, что потерял своего клиента. Пока с разинутым ртом глазел на чудо эльвийской архитектуры, мужик в дублёнке куда-то пропал.

Плюнул я с досады и взобрался по лестнице — погреться и посмотреть, куда меня квартирная хозяйка молиться отправила.

Внутри храма было и правда теплее, чем снаружи.

Красиво, но просто, даже строго и торжественно. Я ожидал увидеть всякое бархатное, парчовое, позолоченное, но нет — всё тот же белый камень и полы из мраморной плитки. Плитка выложена концентрическими кругами; прямо напротив входа — широкий восьмиугольный алтарь. Из узких прорезей окон на него падает свет, и кажется, что алтарь находится в центре бледной звезды. Возле алтаря стоят несколько прихожан, головы наклонили, руки сложили — молятся, как видно.

Но я не успел как следует разглядеть внутренность храма. Потому что один из тех, кто стоял возле алтаря, повернулся к выходу.

Под длинным плащом с капюшоном со спины не разобрать было, кто это. Теперь я увидел лицо и застыл, но уже не от холода. Понял, что неприлично таращусь, только когда женщина проходила мимо меня.

Нет, я видел фильмы про волшебные кольца, драконов и всяких низкоросликов с мохнатыми ногами. Там такие эльфийки были, что ой. Но одно дело смотреть кино, а совсем другое — вот так, вживую. Почувствуйте разницу, как говорится.

Стою, моргаю, с места сдвинуться не могу. Наверное, от неожиданности. А она прошла мимо, плавно так, и плащом еле слышно прошелестела, как чудное видение.

Опомнился я, когда она уже вышла и по лестнице стала спускаться.

Поскакал следом, и вижу — не один в нашем городе автомобиль антикварный имеется. А как минимум — два.

Но на этом чудеса не закончились. Прекрасная незнакомка эльфийской расы по лестнице спустилась и к автомобилю подошла. Водитель ей дверцу распахнул, она плащ эдаким царственным движением подобрала и на сиденье уселась. И смотрю — мужичок в дублёнке, за которым я по улицам гонялся, откуда-то вынырнул, к авто подскочил, внутрь сунулся и говорит что-то. Не то ей, не то мужику, что рядом сидит. Мужичку в дублёнке что-то ответили, и он тоже внутрь забрался.

Ух ты, что делается! А автомобиль уже зафырчал, зарокотал и от храма отъезжать собирается.

Я со всех ног к улице — ловить пролётку. Еле успел. Последний извозчик уже с другим клиентом торговался. Но я с маху на сиденье заскочил, говорю: государево дело! — и в сжатом кулаке серебряный рубль показываю.

Извозчик рубль увидел, а со стороны кажется, что я значок полицейский показал. Другой клиент отшатнулся, а извозчик лицо скривил, но лошадь вожжами огрел и с места тронул. Не каждый день такие деньги в руки идут.

— Правь за той машиной! — скомандовал я, а сам лицо в воротник упрятал. От ветра и чтоб не запомнили.

— Йех-х, пошла, родимая! — прикрикнул на лошадку извозчик, и мы пошли рысцой. Впереди тарахтела мотором антикварная машина, унося вдоль по центральной улице прекрасную эльфийку. Вслед за ней бодро цокала копытами наша лошадка, не отставая и не догоняя.

Сколько мы так катались, трудно сказать — часов у меня нет. Проехали через весь город, уже окраины показались. Эх, думаю, сейчас покатаем на природу, и там моя слежка накроется медным тазом. Это на нынешних дорогах машины сплошным потоком идут, а здесь одинокая пролётка сразу заметна.

Но нет, смотрю — притормозили. Мужичок в дублёнке, за которым я так старался, следил, взял да и вышел. А машина дальше покатила. Там, на краю города, рошица виднелась, берёзовая. И несколько особняков сквозь стволы просвечивали. Должно быть, туда отправились.

Вот так фокус.

Извозчик мой спрашивает:

— За кем ехать-то, ваше благородие? За ним аль за этими?

За кем ехать! Мужик в дублёнке, конечно, фрукт с инфой внутри. Но зачем его в машине столько катали? Уж наверное, не от доброты душевной. Поговорили, узнали, что надо, и давай — иди куда шёл. Те, что в авто, гораздо интереснее будут.

За ними езжай, — говорю. — Кстати, не знаешь, куда это они?

— Как не знать, — извозчик в бороду ухмыльнулся. — Здесь одна дорога. Дамочка, что в коляске механичкой сидит, каждую среду в церковь свою ездит. Отсюда, стал быть, дотуда.

Тьфу ты, ёлки зелёные. Как я раньше спросить не догадался.

— Так что, стал быть, она сейчас к себе и едет, — извозчик говорит. — В свои партаменты.

— Апартаменты?

— Ага, в них.

Подумал я и сказал:

— Подвези меня так, чтоб я выйти мог незаметно.

Извозчик кивнул, лошадке чмокнул.

— Не извольте беспокоиться, ваше благородие. Не первый раз.

"Апартаменты" оказались трёхэтажным особняком. Белое здание, ряд высоких окон, портик с колоннами — богато живёт дамочка.

Само здание окружено оградой из металлических прутьев. Прутья украшены завитушками и всякими нашлапками из кованого металла — то ли гербы, то ли цветочные букеты, не поймёшь. За оградой ухоженный парк с беседками и скамеечками. Сейчас кусты голые, без листвы, но все аккуратно пострижены в форме шара.

Машина проехала в ворота, обогнула большую клумбу и остановилась возле портика.

Я примерился к ограде. Расстояние между прутьями не очень большое, но пролезть можно. Если снять пальто и хорошенько выдохнуть.

Зачем мне понадобилось туда лезть — я и сказать не мог. Может, на прекрасную эльфийку ещё разок посмотреть. А может, заело меня — зря что ли столько по городу таскался, мёрз и ноги бил?

Скинул пальто, выдохнул и протиснулся между прутьев. Поизвивался, как змей, пару раз от страха похолодел, что застрял, но пробрался-таки. Ну прямо Гарри Гудини собственной персоной.

Пробрался, пальтишко за собой вытянул, надел. Осмотрелся. Красивый сад, очень

красивый. Дом возвышается над садом, в окнах третьего этажа свет так и манит. И такая тишина, просто ватная. Обволакивает покоем. Так и хочется сесть, обхватить коленки руками и смотреть, смотреть...

Тут меня за ворот и ухватили. Пока я на особнячок смотрел, таращился. Даже не заметил, как это вышло.

— Ага! — рычат над ухом. — Попался! Я тебя ещё в городе срисовал, гнида залётная. Откуда такой взялся — через ограду полез. Про заклятье не слыхал? Вот я тебя...

И ворот у моего пальто скручивает. Захрипел я, чувствую — в глазах темнеет, вздохнуть нельзя, а пошевелиться не могу. Ручища у мужика сильная, не чета Вавиле — тогда, на квартире у Верочки. Тот просто напугать хотел, а этот того гляди убьёт.

Понял я, что заклятия на сад наложены, поэтому и прутья редкие, и собак нет. Кто ни залезет — тому крышка. Сядет под кустик, замечтается, да так и замёрзнет, обездвиженный.

Словно в ответ на мои мысли, печать на плече вспыхнула ледяным огнём, и меня отпустило. Вовремя — уже сознание поплыло.

Не глядя, ударил, и попал. Мужик хватку ослабил, я воздуха глотнул, и ещё ударил — раз, два. Но тот крепкий оказался, навалился, к ограде прижал и душить продолжает. Как бульдог — помрёт, но не выпустит.

Выдернул я вторую руку из-под него, и хлопнул обеими ладонями по ушам этому уроду. Тот душить перестал, но ворот не отпустил. Вот же клещ, вцепился. Попытался я подсесть его, он увернулся, и сам меня кинул. Раз, и лежу. Успел только перекатиться, а тот сверху упал — и на удушение. Видать, не только Димка Воронков приёмчикам здесь обучен. Есть мастера...

Попытался уйти, но этот бульдог вцепился мёртвой хваткой. Грамотно выполненное удушение — это вам не фунт изюма.

Но всё же окончательно придавить меня у него не получается: или ухватил неловко, или техники не хватает. Почувствовал я слабинку, дёрнулся и изо всех оставшихся сил двинул ему в нос. Тот руки разжал — не слишком, но мне хватило. Перекатился — он на меня, ну я его через себя и бросил. С маху приложил, жалеть не стал.

Сразу вскочил — шатаюсь, в глазах темно, в ушах звон стоит — и приготовился добить гада. Смотрю — лежит он, не шевелится. Поморгал я, головой помотал, в глазах прояснилось.

Вижу, что не повезло чуваку. Здесь клумба была, камнями по краю обложена, красиво так, прямо садик японский. Так этот гад прямо башкой в камень и влетел.

Вот чёрт. Помер, что ли?

Наклонился я, пульс ему пощупать. Вдруг слышу, топают и кричат на разные голоса:

— Сюда! Сюда! Лови! Держи вора!

За деревьями тени мечутся, фонари в руках качаются, а в свете фонарей ствол ружья мелькнул.

Хотел я к ограде метнуться, повернулся, вижу — с той стороны уже спешит городской, в свисток дудит, заливаются. Ох, Димка, попал ты, конец тебе. Если мужик этот кони двинул, пойдёшь ты, бывший студент и стажёр, на каторгу. Не знаю, как тут с Сибирью дело обстоит, но мало точно не покажется. За убийство с проникновением по головке не поглядят.

Прошелестело рядом, и голосок нежный такой:

— Иди за мной. Скорее.

А это женщина — та самая. Вся с головы до ног в плащ закутана, только глаза блестят.

Взяла меня за рукав и тянет за собой.

— Пойдём, — шепчет. — Не то пропадёшь.

Куда деваться — пошёл за ней.

Провела она меня в дом. И не в основные двери, а сбоку, в дверцу неприметную.

Ведёт меня за руку, как телёнка на верёвочке, а мне деваться некуда, да и неохота. Куда уйти от такой женщины?

Прошли мы коридорчиком почти в полной темноте, потом свернули, по лестнице поднялись. Наверное, это чёрный ход был. Такие в господских домах делают для прислуги.

Наверху коридор уже богаче, одинаковые двери вдоль стены, по полу ковёр стелется, красный с каймой, лампы горят — неярко, в самый раз чтобы не заблудиться.

Она дверь в конце коридора толкнула, и в комнату меня завела.

Ух, богато как. Будуар в постельных тонах. Всё вокруг розовое, белое и кружевное. На столике цветы в вазе — живые. Это посреди зимы.

Она плащ сбросила, по будуару своему прошла, уселась на диванчик. Под плащом у неё платье оказалось белое, длинное, поясом по талии перетянутое. А талия такая тонкая, ладонями обхватить можно. Платье до самой шеи закрытое, но и так заметно — всё на месте. Никакого корсета, да и не нужен он — такая ладная.

А я стою, молчу. Неловко мне в таком виде. Пальтишко и без того старое, так сейчас и вовсе драным стало. Роба в сажу, волосы торчат, все от грязюки склеились. Сам же себя и разукрасил, ради маскировки. Теперь вот перед девушкой неудобно.

— Что же вы молчите? — говорит прекрасная эльфийка. — Может, вы немой?

Молчу.

— Ах, — она руками всплеснула. — Вы замёрзли, весь дрожите. Какая же я хозяйка!

Поднялась с дивана, взяла из шкафчика графин, два бокала, в один немножко плеснула, в другой — половину.

— Пейте, прошу вас, — и тот, где побольше, мне протягивает.

Взял я, понюхал. Коньяк вроде.

Она улыбнулась, из своего бокала отпила. Ладно, я тоже выпил. Хороший коньяк!

— Спасибо, — говорю. — Можно мне уйти?

Она голову набок склонила и с улыбкой меня рассматривает, как неведому зверушку.

А я понимаю, что несу что-то не то. Но от её взгляда в башке всё перепуталось.

Тут в дверь забарабанили.

— Кто там? — отвечает она, недовольно так.

— Госпожа, это охрана! У вас всё в порядке? — кричат. — Здесь чужой ходит. Мы выходы перекрыли, ловим! У вас всё хорошо?

Я замер.

Она глянула на меня, помолчала секунду (я за эту секунду аж взопрел весь), ответила:

— Не беспокойтесь. Я со служанкой.

Потопались охранники у двери, по коридору протопали и ушли.

— Видите? — говорит она. — Никак вы сейчас не уйдёте.

Взяла со столика колокольчик, позвонила. Вплыла тётка в три обхвата, в тёмном платье и белом передничке. Служанка.

— Дорогая, наполните ванну, — сказала эльфийка. — Ту, что в голубой комнате.

Служанка кивнула и выплыла обратно в дверь.

— Простите, — говорю, — за беспокойство. Я тут случайно очутился. Я не вор. Когда у

вас охрана бегать закончит, уйду. Не буду вас тревожить.

— Конечно, не вор, — отвечает. — Воры у нас давно перевелись. Разве что по глупости кто...

Ага. Это она про меня — намекает. Только дурак в зачарованный сад полезет. Но вот нашёлся один.

— Я из полиции, — говорю. — По служебному делу.

Смотрю, она глазами блеснула, на диване выпрямилась.

— Неужели? — и взглядом меня обвела. Типа — что-то ты на бомжа больше похож, а не на полицейского.

— Это маскировка. Для работы. Служебное расследование. Полиция тайного сыска.

Это я сериалов посмотрелся. Но уж врать так врать, чего уж там.

— Что-то не слышала про такой.

— Конечно, не слышали. Вам и не надо про это знать, — говорю.

Ух, как она оживилась! Глаза заблестели, на диване подскочила и ещё в бокалы подлила.

— Да вы интересный человек! Расскажите ещё что-нибудь.

— Простите, про службу не могу рассказывать. Подписку давал — о неразглашении.

— Ничего, — она отмахнулась, а сама с меня глаза не сводит. — Мне так скушно сегодня. Развлеките меня.

Возникла служанка.

— Госпожа, ванна готова.

— А, ванна, — эльфийка бокал поставила, и мне: — Раздевайтесь!

— Э?

— Ванна готова, — она мне, как непонятливому. — Идите помойтесь, господин полицейский. А то я по одному вашему запаху могу определить, в каком отделении вы служите.

Залез я в ванну. Служанка в три обхвата мне спинку потереть предложила, но отказался я. Сам помоюсь, без посторонней помощи. Тут как раз тебе и щёточки всякие лежат рядом на полочке, и мыло такое разноцветное, душистое.

Полотенца горкой, на выбор. Вода горячая, ванна вместительная, ух, хорошо!

Помылся, мне тут же халат служанка принесла, тёплый, длинный. Барский халат, я такой у господина Филинова видел, в его пафосном особняке.

— Ну вот, — эльфийка меня увидела, довольно закивала. — Другое дело.

Взяла меня за руку.

— Пойдёмте.

Провела меня вверх по лестнице на третий этаж. Толкнула дверь.

— Входите, не бойтесь.

Зашёл я, смотрю — комната большая, на три окна. Из окон сад видно, с фонариками и фигурными кустами. Но внутри вообще цветник оказался.

По всей комнате диваны и кушетки расставлены, меж ними — круглые столики. Вроде как гостиная. На диванах и кушетках девицы устроились, в халатиках шёлковых, разноцветных. Прямо райские птички. На столиках кувшины, бокалы, фрукты в вазах, печеньки всякие.

Девицы меня увидели, замолчали все, смотрят.

А я на них смотрю. Если бы я хотел увидеть рай, то это он. Все девчонки в комнате

оказались эльфийки. Ну, может, наполовину. Но мне и этой половины хватило. Стою, ни слова сказать не могу. Красотища.

А моя говорит:

— Девушки, сегодня у нас новое развлечение. Вот этот молодой человек — артист передвижного театра. Я забрала его на вечер, чтобы он развеял нашу скуку.

Девушки оживились, зашумели.

— А что он может?

— А он поёт, пляшет, кувыркается?

— Показывает фокусы?

Блин, вот я попал. Читал же, что эльфы — коварный народ. Но от такой красотищи не ожидал... Хотя что я говорю — как раз красотищи самые коварные и есть.

А она мне на ухо шепчет:

— Я вам жизнь спасла, так и вы мне оплатите. Если петь умеете — пойте. Или расскажите что-нибудь. Только не про полицию свою.

Подмигнула, и тоже на диван уселась.

Девчонки ладошками похлопали, кричат:

— Просим, просим!

Обернулся я по сторонам, бокал со столика схватил, даже не посмотрел, что там, и залпом выпил.

— Гитара у вас есть? — спросил.

— Есть, есть! — защебетала одна. — Помните, девочки, после того господина осталась?

Принесли гитару. Семиструнную, блин.

Ну ничего, где наша не пропадала. Сыграем и на этой.

— Что вам спеть? — спрашиваю. — Весёлую, длинную, короткую, печальную?

— Весёлую! — кричит одна.

— Грустную! — другая.

— Подлиннее! — голоса все.

— Давайте грустную, — сказала моя эльфийка, и все тут же закивали. — Такую, чтоб печально было, но не слишком.

Ага. Понятно. Хотят такую песню, чтобы душа у них свернулась, а потом обратно развернулась. Ладно. Правду она сказала: спасли тебя, так плати. И нечего кочевряжиться.

Покрутил мозгами и так и сяк, сходу не знаю, что придумать. А девушки ждут. Эх, была не была!

— О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная... Душа полна такой тоской, а ночь такая лунная... *

(*Аполлон Григорьев, "Подруга семиструнная")

Смотрю, девушки ладошками щёки подпёрли, грустят. Я сразу ещё одну:

— Ехали на тройке с бубенцами, а вдали мелькали огоньки...

Тут девушки не выдержали, подпевать стали:

— Дорогой длиною, да ночью лунною, да с песней той, что вдаль летит, звеня...

Сорвал аплодисменты. Раскланялся, чтобы из образа не выходить. Артист я, или где? Хотя, если бы я с Иришкой когда-то давно не познакомился, и она меня на курсы не затащила, за компанию, так бы не спел. Это не в подъезде на гитаре брэнчать. А там играть научился, и заодно песен разных выучил альбом. Тогда-то ругался, что за старьё. Вот ведь — не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Пригодилось!

— Ещё, ещё песню! — шумят девушки. — Трагическую, про любовь!

Схватил я ещё бокал со стола. Для храбрости. Что бы спеть? А, была не была...

— Есть в графском парке чёрный пруд... там лилии цвету-у-ут. Там лилии цветут, цветут... *

(* М. Дунаевский, М. Ряшенцев, "Есть в графском парке чёрный пруд")

Тут девчонки аж с диванов повскакивали. В ладоши хлопают, пищат от восторга. Двое ко мне подбежали, поцеловали в щёчку, и обратно на диван.

— Ещё, ещё!

Спел ещё, всяких печальных, про любовь — как просили.

Говорю:

— Вторая часть программы! Весёлые!

Ударил по струнам и заголосил:

— Однажды морем я плыла, был сильный урага-а-ан...

На ура пошло. Девчонки развеселились, подпевают:

— Ай-яй, в глазах туман, кружится голова-а-а... Едва стою я на ногах, а я ведь не пьяна!..

Ну, Димка, тебе можно и правда в артисты подаваться, провинциального театра. Вон успех какой, публика завелась, аплодирует ладошек не жалея.

Спел ещё, потом ещё, и чувствую — охрип я. Хотел новый стаканчик взять со стола, но моя эльфийка не дала. Взяла у меня гитару и говорит, строго так:

— Ну всё, довольно. Артистам нужно горло беречь. Повеселились и хватит. За работу, дамы!

Девушки завздохали, но ничего возражать не стали. Видно, моя здесь главная.

Взяла она меня опять за руку, и увела. А я иду и думаю: это ведь я в бордель попал. Тот самый, о котором толковал Альфريد. Где наши с ним сёстры по крови работают, не щадя сил. Это их хозяина мы ограбили. А я сюда вломился. В заколдованный сад. К загадочному Рыбаку прямо в зубы.

А эльфийка меня обратно в свою комнату провела, на кушетку указала:

— Сейчас ночь, господин артист-полицейский. Ложитесь, отдохните. Рано утром служанка вас разбудит, даст одеться и путь укажет — безопасный. Отпущу вас, как обещала. Вы хорошо пели, всем радость доставили. За это уйдёте спокойно, никто вас не тронет.

— А вы, — говорю. — Не будет неприятностей у вас?

Она улыбнулась, плечами пожала.

— Я слишком дорого стою, господин полицейский. Мне ничего не будет. А вот вам не поздоровится, если здесь поймают.

Так и вышло, как она сказала. Подремал я на кушетке, хотя какой там сон? Разве уснёшь после всего, что было.

Потом служанка меня растолкала (заснул-таки!), одежду дала, стакан молока с булкой, и к чёрному ходу проводила.

— Идите вон туда, — показала. — Там калитка. В карман вам амулет положен, пуговица. Калитку пройдёте незаметно. Там извозчика поймаете, они всегда бывают. На первого же садитесь, и езжайте. Спросит кто — скажите, в гостях были, а рассказывать недосуг. Ну, ступайте же.

Так я и ушёл. По пути глянул в ту сторону, где накануне с мужиком подрались насмерть. Никого не увидел. Клумба нетронутая стоит, снежком свежим запылена. Ни следа драки,

и будто не ходил здесь никто. То ли замели дворники, то ли сад такой заколдованный, что все следы как языком за ночь слизывает. В одной книжке такое читал, где за ночь всё подчищают монстры зубастые.

Подумал про монстров, аж вздрогнул, и до калитки вприпрыжку добежал. С амулетом-пуговицей в кармане.

Вышел, смотрю — и правда, извозчик стоит, дожидается. Понятно, почему. Это ж бордель, дорогих гостей надо утречком встретить, под белы руки усадить, до дому довезти. Как тот извозчик сказал, на котором я сюда добирался: "Не впервой!"

За кого он меня на самом деле принял, и гадать не хочется...

Сел в пролётку, шапку на глаза надвинул, велел ехать к почтамту. Оглядываться не стал. На всякий случай.

На подходе к дому меня поймал мальчишка-гоблин. Росточком метр с кепкой, в драном пальтишке, тощий, острые уши дрожат от холода. Сунул мне записочку и убежал.

Отошёл я в сторонку, записку развернул. От Альфрида бумажка. Ищет меня наш полуэльв по всему городу с фонарями. Судя по прыгающим буквам, кляксам и словам непечатным, ищет давно и не может найти.

Глянул я на часы — времени до назначенной встречи всего ничего осталось.

Часы я только что купил, новенькие. В том самом магазине ювелирном, где подарок для Верочки брал. Круглые, из серебра, и корпус позолоченный, на цепочке. "Настоящий брегет!" — с придыханием сообщила продавщица.

Брегет или нет, но самым ценным там было потайное отделение. Как часовых дел мастера умудрились его втиснуть в такую маленькую фиговину, для меня загадка. Но это неважно, зато туда можно засунуть амулет. Магическую штучку, пускай даже размером с горошину. Главное, чтобы с её помощью можно было колдовать. Кастовать заклинания. Котёнка Талисмана больше нет, а без него не получается.

Дело намечалось крупное.

Альфريد бегал туда-сюда, размахивал руками, втолковывал свой план. Мы сидели на завалинке у старого дома, где никто не жил. Вокруг только поломанные заборы, помёрзшие обломанные вишни — и тишина.

Полуэльф говорил, а мы слушали.

В город приехали важные чиновники из столицы, зверское убийство расследовать, а у нас карету с деньгами ограбили. И чтобы наше — местное, высокое начальство не подвести, шум не поднимают, но всем хвосты накрутили по самое немогу.

Полиция на ушах стоит, каждый день обыски и облавы. По всем заведениям, что ни день, бороздят мелкой сетью, ищут тех, кто большие деньги проигрывает. Чтобы тех, кто с деньгами, взять за шкуру и в полицию отволочь. А там уже поговорить с пристрастием, откуда этикие деньжищи. И не из кареты ли ограбленной они взялись.

— Если облавы и обыски, может подождать, — говорю. Едва сумел слово вставить, так Альфрид разошёлся. — Залечь на дно, пока всё не уляжется.

Полуэльф аж зашипел:

— Нет! Мы не жалкие червяки, чтобы прятаться! Глупцы прячутся, умные ищут выход!

Тут орк наш оживился, голос подал:

— Да, мы умные! Много денег хорошо!

И гоблин туда же:

— Волков бояться — в лес не ходить. Я согласен.

— Да вы чего, — говорю. — Поймают ведь — в землю закопают.

— А пускай закапывают! — горячится орк. — Мне без моей невесты жизнь не мила! Её отец сказал — мало денег. Мало принёс, неси ещё!

Ишь расхрабрился — что любовь с орками делает.

Гоблин тоже уши потёр, носом шмыгнул:

— Мне старик Шмайфер сказал... Цены нынче вверх полезли. Не хочет лавочку за старую цену отдавать. Хочет за новую. Так что я согласный на дело идти. Небось ничего, обойдётся.

— Раз все согласны, — говорит Альфрид, — слушайте меня. Мне наводку дали, ценную.

Мы уши наострили, а полуэльв прошёлся туда-сюда, прислушался, не идёт ли кто, и голос понизил:

— Все знают, что полиция облавы делает по заведениям, где на деньги играют. Но не все знают, что обыскивают только заведения для простых. Бедняцкие кварталы шерстят. А богатые клиенты тоже играть хотят, и кто им запретит? Слышали про заведение "Красный шар"? Там игра будет по-крупному. Но мы играть не будем.

Альфрид обвёл нас победным взором:

— Полиция будет искать игроков с большими деньгами. Даже в "Красном шаре" агенты будут — иначе нельзя. А мы играть не станем. Мы главный приз сорвём. У одного из гостей будет ценная вещь. Мы эту вещь отнимем.

— В смысле, играть не будем? — спрашиваю.

Нет, я конечно согласен не играть. Ненадёжное это дело. Но что тогда?

— Мой человечек донёс, что "Красный шар" — один из домов, где играть можно, — сказал Альфрид. — Всякие заведения закрыли, он остался. Говорю ещё раз — играть не будем.

Мы переглянулись. Орк посмотрел на гоблина, гоблин — на орка. Потом оба посмотрели на меня. Я пожал плечами. Мы все трое молча уставились на Альфрида.

— Наводка такая. В назначенный день особые гости придут в заведение. Знатные и богатые, кто от скуки себе в жизнь перцу добавить желает. У одного из гостей будет вещь большой ценности. Если её взять, никого больше грабить не надо, денег хватит на всё. Понятно?

Гоблин и орк заулыбались, закивали. А что, молодец Альфрид. Один раз рискнуть — и обеспечен до конца жизни. Хотя, если поймают, жизнь будет короткая. Но яркая.

— Что за вещь? — спрашиваю. — Большая, громоздкая? Карету нанимать или так унесём?

— Была бы большая, так бы и сказал! — зашипел Альфрид. Подколка моя ему не понравилась. — Мне сообщили — это кулон. Внутри камень, кошачий глаз называется. По камню оплётка золотой нитью. Сам кулон на цепочке, звенья из платины. Размером камень с крупную вишню.

— Сколько стоит камень? — с видом знатока спросил гоблин.

— Столько, сколько вам и не снилось, — бросил полуэльф. — Всем хватит.

— Да кто же его здесь купит? — гоблин нос наморщил, пальцами крутит — подсчитывает.

— Купят. Не здесь, так за границу пойдёт, — уверенно отвечает наш главарь. — У меня друзья есть, помогут.

— Когда пойдём? — спрашиваю.

— Когда скажу! — отрезал Альфрид.

— Мне знать надо, — говорю. — У меня свидание. Девушка обидится. Я ей подарок купил, дорогой, между прочим.

— И я, я тоже купил! — подскочил орк. — Мне тоже скажи!

— В ближайшую пятницу, — нехотя ответил полуэльф. — Время потом скажу. Но к ночи — наверняка.

Короче, поговорили мы ещё, и гоблин с орком ушли. Гоблин к своему старику Шмайферу подался — потолковать о цене за лавочку. Орк к невесте побежал, миловаться.

Я им вслед посмотрел, пока не ушли, и говорю Альфриду:

— Слушай, друг Альфрид, наши гоб с оргом мужики толковые, но мы-то с тобой братья по крови. Скажи по-честному, зачем тебе столько денег? Ведь головой рискуем.

Он набычился, ладони подмышки засунул, молчит. Видно, хочется ему послать меня лесом, только брата обидеть боится.

— Деньги всегда нужны, — буркнул.

Я лицо такое сделал, типа — уж мне-то не рассказывай. Он завёлся:

— А тебе деньги не нужны разве, друг Дмитрий? Скажу, если ты мне скажешь, что за принцип такой, из-за которого ты стараешься?

Уел. И не поспоришь.

— Ладно, — отвечаю. — Давай начистоту. Со мной жизнь круто обошлась, сам знаешь. Волчий билет мне всю судьбу поломал. Работы денежной нет и не будет, если по-честному жить. Что мне остаётся? Только воровать и грабить. А если уж воровать, так на мелочи не размениваться. Любить — так королеву, грабить — так миллион.

Смотрю — Альфрид закивал, глаза заблестели, проняло его.

— Да, верно говоришь, брат. Любить — так королеву.

А у самого губы задрожали, и глаза подозрительно блестят. Уж не плачет ли? Тут осенило меня. Уж очень наш главарь про несчастных эльфийских девушке распинался, что в борделях трудятся, не покладая рук. И сейчас, стоило про королеву упомянуть, расстроился чуть не до слёз.

— Ты, наверно, — говорю, — своим родичам доказать хочешь, что не хуже других. Они тебя за своего не считают, а ты разбогатеешь, и раз — всем носы утрёшь!

Альфрид на меня глазами сверкнул, недобро так. А я дальше подкальываю:

— Вон, оргу нашему без денег девушка не даёт. А ты богатый жених будешь, и какую-нибудь полукровку подцепишь...

— Нет! — рявкнул Альфрид. — Нет!

Ух, смотрю, сработала подначка моя. Кто думал, что эльфы добренькие и благостные, сейчас бы точно в штаны наделал. Мне даже не по себе стало.

Наш полуэльв глазами засверкал, как тигр на охоте, лицо у него побледнело и заострилось, а на зубы оскаленные и смотреть страшно. Если кто не видел, как эльфы скалятся, лучше и не надо.

— Ох, — говорю, — друг Альфрид, я что-то не так сказал? Прости, не хотел обидеть.

— Ты не понимаешь, — рычит Альфрид. — Не понимаешь!..

— Так объясни. Нам с тобой скоро на дело идти, головой рисковать. Хоть знать, из-за чего. Может, записочку кому надо передать, если с тобой что случится...

Он немного успокоился, отдышался. Глаза опустил, ногой по снегу чертит в задумчивости.

— Ты прав, друг Дмитрий. Я слишком много на себя взял.

Помялся немного, но видно — распирает его от желания рассказать, душу излить, хоть кому-то.

— Женщины... да, ты верно сказал, друг — женщин много, а королева одна. Скажи, разве бывает так — она тебя с грязью мешает, ногами топчет... Ненавидишь её... задушил бы своими руками.

Говорит, а сам всхлипывает, головой мотает — совсем прижало мужика. Я слушаю, и самому неловко, будто человек стриптиз устроил — душевный. А он всё говорит,

остановиться не может.

— Кто такое не пережил, тот не поймёт... Один взгляд, одно слово... только бы посмотрела, признала, позвала... Больше ничего не надо.

В общем, наговорил он много чего, весь в растрёпанных чувствах. Я только понял, что есть одна девушка, то ли эльфийка, то ли полукровка, но прекрасная, как звезда на небосклоне. И наш Альфрид втрескался в неё по уши. А она на него — ноль внимания, фунт презрения.

Особенно злобно наш главарь отзывался о своих сородичах, что состоят в местной общине. Есть такая — входят в неё потомки тех эльвов, что поселились по указу государя Петра Алексеевича на этих землях. Злобные, расчётливые твари, если верить Альфриду. Ради денег и собственной выгоды готовы родную кровь отправить в постель любому...

Тут он задохнулся и замолчал. Но я и так всё понял.

Вспомнил бордель, где был накануне. Где прекрасные девы эльвийских кровей слушали мой внезапный концерт под гитару. Может, одна из них и была зазной нашего Альфрида. Конечно, если сравнить роскошный особняк со всеми удобствами с бедной квартиркой... что говорить. Одной любовью сыт не будешь.

Наверное, поэтому наш полуэльв так жилы рвёт — хочет свою даму сердца из борделя выкупить. Или построить дворец из денег, чтобы подружку приманить. И готов для этой своей мечты на всё.

Выговорился Альфрид, я его выслушал. Постояли мы, помолчали. Потом он сух попросился, и мы ушли с места встречи — сначала я, после он.

* * *

Пришёл домой, поднялся по лестнице, весь в раздумьях. Смотрю — у двери пигалица, хозяйкина дочка сидит, голову на колени положила, лица не видно, но слышно — носом шмыгает. Да что такое, все вокруг в печали!

— Что случилось? — спрашиваю.

Она голову подняла, щёки мокрые, нос распухший, уши повесила, отвечает:

— Котика жалко-о-о...

И опять в слёзы.

Сел я рядом на пол, обнял её за плечики, говорю:

— Он теперь в кошачьем раю. Ему хорошо.

Она на меня посмотрела, глазёнки засветились:

— Правда?

— Конечно. Он был хороший котик.

Она щёки ладошкой утёрла, покивала, говорит:

— Спасибо. Мне тётка из общины сказала, что кошки не попадают в рай.

Обняла меня тощими ручонками, прошептала на ухо:

— А я знаю, кто котю прибил.

Я аж вздрогнул. Что?

— Откуда знаешь, — говорю, — ты разве видела?

Пигалица совсем тихо зашептала:

— Я к вам в комнату иногда залезаю, мама ругает, а я потихоньку. У вас интересно,

книжки красивые. Спасибо, что портфель с учебниками подарили!

Вот тебе раз. Это мой портфель был? И учебники мои, получается... были.

А она шепчет:

— Я тогда у вас сидела, когда они пришли. Люди. Полицейские. Они шумели, ногами стучали, мне страшно стало, я спряталась. Я хорошо прятаться умею.

Да уж, такая маленькая, зелёная — она может...

— Говори уже, что там было? — подталкиваю.

— Я слышала, они про вас спрашивали, ругались сильно. Один такой в мундире, весь блестящий, ругался. А другой котю нашёл, зеркальце уронил, разбил... котя зашипела, а он... он...

Девчонка всхлипнула.

— Кто он? Кто?

Тут из квартиры хозяйка крикнула:

— Доча! Дочь! Иди сюда быстрее!

Пигалица меня крепко обхватила ручонками, шепнула:

— Он не из наших... Да, мама, иду! — и убежала.

А я остался на лестнице. Что значит — не из наших? А кто тогда? И кто у нас — наши?

Я рвал уже третью бумажку. Одну исписал мелким почерком, смял и бросил. Вторую исчиркал, порвал в мелкие клочки. Потом прикрыл глаза, сосредоточился и принялся выводить: "Любезная Вера Афанасьевна, пишу вам в полуденный час, чтобы"... Фух-х.

Как было бы проще кинуть в чатик: "жду в четыре, твой Димон". И сердечко какое-нибудь добавить — для любимки.

Так нет, сиди, вымучивай реверансы.

Пришёл пораньше на почтамт, купил лучшей бумаги — голубой листок с золотым обрезом — уселся за стол и принялся кропать. Потное это дело оказалось. Ладно, хоть мышечная память в пальцах от бывшего владельца сохранилась — Дмитрий Найдёнов, студент с превосходным дипломом, умел в каллиграфию.

"Любезная Вера Афанасьевна, пишу Вам, чтобы сообщить, что наша встреча состоится как условлено. Жду с огромным нетерпением, желая увидеть Вас, чтобы поцеловать Ваши нежные руки и"... Фух-х...

"...нежные руки и прелестные глаза. Однако же вынужден с превеликой грустью сообщить, что возможно обстоятельства вынудят меня пропустить заветный час нашей встречи. Это наполняет моё сердце тоской, но"...

Я почесал в затылке, тяжело вздохнул. На экзамене было легче.

"...но вы знаете, каковы мои дела, и простите своего любезного друга. Отправляю вам это письмо на адрес кондитерской, где мы имели удовольствие видеть друг друга. Ежели по истечении назначенного часа меня не будет, знайте, что меня задержали непреодолимые обстоятельства. Я..."

Ох ты, ёлки зелёные. Как ей сказать, что мы пошли на дело?

"...Я приготовил Вам небольшой, но приятный подарок, любезная Вера Афанасьевна, который вы можете забрать в удобное для Вас время на почтамте до востребования. Если же я не появлюсь и в том памятном уголке, где мы с Вами вкушали счастье, то знайте — сердце моё рвалось к Вам, и только враждебные обстоятельства непреодолимой силы помешали вашему другу. Засим заканчиваю это письмо, надеясь на скорую встречу, и на всякий случай — прощайте!"

Заклеил конверт, подошёл к окошечку, где сидел почтовый чиновник.

— Отправьте письмо по этому адресу, — дал ему конверт с письмом для Верочки. — И мне нужно оставить здесь подарочную коробку до востребования. Сделаете?

Чиновник посмотрел на меня. Одет я был прилично, но небогато.

— Разумеется, ваше благородие. Что за предмет?

Я водрузил на стойку коробку из шикарного ювелирного магазина. Чиновник, пожилой дядька в мундире с блестящими пуговицами и седоватыми бакенбардами, посмотрел на коробку оценивающим взглядом. Мой рейтинг сразу возрос на сотню пунктов.

— Ценная вещь, ваша милость. С доплатой будет. На какой срок желаете оставить? Можно на час, на три, на день. Можно на неделю, но дорого выйдет.

— На неделю. И чтобы в сохранности был — я проверю!

Моя репутация подскочила в глазах чиновника ещё выше.

— Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие, исполним в лучшем виде. С вас рубль с полтиной. За ценность предмета.

Я вышел из почтамта, остановился и посмотрел на небо. Вытащил из кармана свой брегет, щёлкнул крышкой. До назначенного Альфридом часа ещё оставалось достаточно времени. Я надвинул кепи на глаза и зашагал по улице. Нужно было закончить ещё несколько дел.

* * *

— Вот она, — Альфрид указал глазами на рослую даму. За дамой семенил кривыми ногами маленький человечек в красной ливрее и с собачкой на руках. — Наша вещь у неё.

Я оглядел даму с головы до ног. Где-то на этом крупном теле болтается наш ценный приз — амулет размером с вишню, оплетённый золотыми нитями. На платиновой цепочке.

Игра в "Красном шаре" шла вовсю. Играли как в последний раз. Деньги текли рекой, переходили из рук в руки, монеты шуршали и звенели на столах, горками осыпались разноцветные бумажки.

Наверно, всем игрокам щекотала нервишки мысль, что — может быть! — рядом с тобой сидит грабитель и убийца. А кругом топчется и дышит в затылок полиция, что хочет этих грабителей и убийц поймать.

Располагалось заведение в двухэтажном особняке. Вокруг чугунная ограда, за оградой заметённые снегом кусты и деревья. Под стенами мотались несколько замёрзших фигур в тулупах, изображали случайных прохожих — полицейские. Ещё больше полиции сидело внутри особняка. Игра шла на втором этаже, и там вся полиция была безмундирная, во взятых напрокат смокингах. Чтобы не смущать дорогих гостей. И не спугнуть крупную рыбу раньше времени.

В салоне между столов вместе с праздной публикой болтались только я и Альфрид. Наши гоблин с орком сидели внизу, среди прислуги. Там пыхтел самовар, громоздились плюшки и баранки, слуги перемывали косточки господам. И заодно мерились, у кого господин больше. Знатнее, богаче, знаменитей или хотя бы удачливей в карты.

Гоблины охотно шли в услужение людям, имея свой денежный и прочий интерес. Орков в услужение брали не так охотно, но как сторожа, кучера и всякая тупая сила они ценились ничуть не меньше гобов.

Так что наши товарищи по банде радовались жизни за горячим чаем, поедали всякие булки с маком и ждали своего часа.

Нас с Альфридом было не узнать. Я изображал богатенького сынка любящих родителей, которым для дитятки ничего не жалко. А сынку тоже ничего не жалко — ни себя, ни денег — родительских, конечно.

Зато Альфрид был унижен. Он изображал моего личного слугу, и таскал за мной тросточку, несессер со всякими мелочами, табакерку и лорнет. Представляю, как он бесился, наш полуэльв — с его-то гонором! Наверно, только и думал, как бы треснуть дорогой табакеркой мне по затылку. Но пришлось терпеть. Зато я смотрелся солидно — иметь полуэльва в слугах здесь считается э-э, комильфо. Солидно, в общем. Да я и сам был ничего так — красавчик. В смокинге и белых перчатках.

Перед тем, как отправиться в "Красный шар", я зашёл в дорогую парикмахерскую. Придал себе парижского шику.

Я сидел среди роскошных антикварных кресел, пуфиков, зеркал и прочей мебели, в носу свербило от запаха всяких вежеталей и одеколонов. Парикмахер трудился и порхал возле меня, как пчела вокруг цветочка. Пожилой, потёртый, но с пышными усами и шустрый, как мальчишка. Говорил он на жуткой смеси парижского и нижегородского — мне смешно, а другим клиентам нравится. Будто во Франции побывали. Так что от клиентов в заведении мосье Эмбо отбою не было.

— Шудесни волос, мсье, — говорит, а сам ножницами вовсю щёлкает над ухом, того гляди — откромсает. — Шудесни! Ваш локон должен очень нравится дама... блонд локон — очень карашо!

— Хорошо? — говорю. Не из интереса, а чтоб разговор поддержать. — Почему?

— О, вам не надо делать шипси, мсье. Горяшьи шипси очень плох для волоса.

Это он про щипцы горячие — ими кудри здешние парикмахеры накручивают всем желающим.

В это время помощник мастера мне ногти полировал, с большим усердием. А как иначе — я же за столом сидеть буду (по легенде), картишки метать. Руки на виду, всё такое.

Пришлось сказать, что играть буду — в закрытом клубе. В солидном клубе для избранных.

Эти парикмахеры — хуже инквизиции. Так уболтать умеют, всё расскажешь, и не заметишь — как. Стал мосье расспрашивать, для какой цели мне причёска со стрижкой и прочими примочками понадобилась. Это важно, мсье! Важнее всего, что есть в нашей брэнной жизни. Для визита к пожилой родственнице, любимой тёте — одна причёска, для похода в банк — другая. Чтобы с друзьями потусить — третья.

Короче, уболтал он меня, и с прибылью. Раскрутил на стрижку-укладку — даром что "шипси не надо!", и на ароматы с одеколонами всякие. А заодно на массаж лица. Хорошо хоть, у меня денег было в достатке — вся моя доля. А то бы без штанов ушёл. Зато с причёской.

Штаны, кстати, вместе с остальными вещами я взял напрокат. Даже не так — это наш гоблин постарался. Притащил с собой ещё одного гоблина, старого хрыча, а тот принёс пачку костюмов — на выбор.

Я примерял все эти старомодные брюки и жилетки с пиджаками (здесь-то они были самые что ни на есть актуальные), а старик-гоблин крутился вокруг меня, стряхивал с ткани пылинки и приговаривал что-то вроде: "Ай, молодой господин, как вам идёт этот смокинг! Как по вам сшито! Лучше не бывает!" Как будто сам кроил... а может, и правда сам. Кто их знает, этих гоблинов, на кого и как они по подвалам работают.

В общем, показал мне Альфрид эту даму, на которой кулон, а кто ему наводку дал — неведомо.

Дама наша то за один стол сядет, то за другой, поиграет немного, и дальше идёт. Кривоногий слуга за ней семенит, собачку тащит. Собачонка мелкая, носик остренький, сама пушистая, как меховой шарик, и глаза-бусины. Сидит на руках, поскуливает — гулять хочется, а не дают.

А я-то раньше думал, что женщины в девятнадцатом веке по домам сидели, салфеточки вышивали — крестиком. Что по игорным заведениям только мужчины бегали. Но то ли здесь порядки другие, то ли я не знаю чего, но дамы здесь и в магазинчиках хозяйничают, и дела ведут за милую душу. Так что и тут дамы были — играли и прогуливались.

Мы с полуэльвом тоже прогуливаемся, как бы зрители, выбираем момент, когда наша

дама в нужную комнатку захочет выйти, нос попудрить. У нас уже всё расписано, как с добычей отступить без потерь. Знакомый слуга, который кое-что нашему главарю должен, план нацарапал. С выходами и входами.

А я всё смотрю на эту самую дамочку, и понять не могу — где она амулет свой прячет? Женщина рослая, не толстая, но такая... крупная. Не каждый обхватит. Хорошо, мода сейчас такая, что декольте не скрывает почти ничего. Я ей туда заглядывал всякий раз, как она мимо проходила. Все глаза поломал. Как маньяк какой, пялился на её пышные округлости. То есть между них — там с шеи что-то на цепочке свисало, и посередине пряталось — не понять, кулон или не он.

Долго мы так ходили, даже как-то страшновато стало — кругом все играют, а мы нет. Зрители, конечно, болеют, но только в промежутках между картишками и рулеткой. В бильярд дама не играла, но мы и там прошлись — для виду.

Альфريد уже бледнеть начал — это у него так злость выглядит.

Я в окно глянул — темнотища, по зимнему времени ночь глубокая, только фонарь одинокий еле мигает во мраке. Эдак до утра и проторчишь...

Тут меня в бок ткнули — больно так. Альфريد шипит, глаза бешеные: "Спиш-шь?! Быстро, за ней!"

А это наша дама в дамскую комнату пошла. Наконец-то!

Полуэльф тоже в толпу ввинтился — за ней следом.

Я выждал секунду, осмотрелся — никто не обращал на нас внимания — и стал пробираться к дамскому будуару. Времени терять было нельзя.

Дамочка рассекала толпу как хорошо нагруженный корабль под парусами. Неторопливо, но с достоинством.

По пути в заветную комнатку задержалась у столов с закусками всякими. Там фрукты лежали в трёхэтажных вазах, какие-то круглые пирожки, ещё что-то вкусное. Дамочка с аппетитом перекусила и дальше поплыла.

Мы затаились неподалёку, подождали, пока другие дамочки — числом две — не выйдут из заветной комнаты. Маленький слуга прошествовал за хозяйкой. Как видно, за мужчину этот слуга не считался. А может, он у ней вместо мебели...

Альфريد в сторонке делал вид, что протирает лорнет — возился с белой тряпичкой, дышал на стёклышко и тихонько бормотал: "чтоб до блеска... до блеска..."

Я непослушными пальцами — но очень старательно — поправлял нашейный платок и пошатывался, будто выпил лишнего.

Две дамочки прошли мимо, треща как сороки. Мы едва дождались, пока они скроются, и проскользнули в комнату, даже не скрипнув дверью. Перед тем, как войти, полуэльф посвистел в кулак простенькую мелодию — сигнал нашим. Я уже знал, что уши у гобов чуткие, и слышат они как кошки. Но всё равно удивлялся.

Мы вошли. Дамочка поправляла юбки. Слуга держал ей подол, помогал, как видно. Собачонка крутилась рядом.

Альфريد дверь за собой прикрыл, ладонь положил на неё, пробормотал что-то и звуки снаружи стихли — как отрезало. Это чтобы нас не слышал никто, как грабить будем.

Дамочка такая:

— Вы кто? Кто пустил?..

Полуэльв обернулся, прошипел заклинание — и дама обмякла, как тряпичная кукла. Осела на пол, ткнулась головой в кушетку.

Я слуге приказал:

— Молчать! Это ограбление! Пикнешь — плохо будет!

Мужичок глаза вытаращил, закивал молча.

Альфريد меж тем даму принялся обшаривать. Полуэльф не стеснялся, крутил беднягу и так и эдак, как свиную тушу. Первым делом запустил руку в декольте. Вытянул цепочку, на цепочке — крохотные часики в виде луковицы.

Да, зря я туда тарасился, глаза ломал. Никакой это не кулон бесценный оказался.

Альфريد выругался, цепочку оборвал, часики на пол бросил. Дрынькнула и отскочила крохотная крышка.

— Ку-ку! — бриллиантовая птичка внутри блеснула рубиновыми глазками. — Ку-ку!

У меня по коже пробежали мурашки — это сработало спрятанное заклинание в дамских часиках.

В тот же миг дама глубоко вздохнула, встрепенулась и открыла глаза. Повертела головой, увидела нас с Альфридом и заорала. Криком это назвать было нельзя — ревела дама как парходная сирена.

— А-а-а!!! Помогите!!! А-а-а!!! Пожар!!! — и так без передышки.

Альфريد выругался по эльфийски, и бац даме тростью по голове. Та за трость ухватилась, и на себя дёрнула. Мощная тётенька оказалась. Полуэльф хоть и жилистый

мужик, но против массы не удержался — прямо в объятия дамы и влетел. Она его ручищами обхватила, и давай давить со всей мочи.

Захрипел полуэльф, задёргался.

Собачонка мелкая ещё вдобавок разгавкалась как сумасшедшая, визгливо так. Забегала кругами и всё норовит за ноги тяпнуть.

Я её поймать пытаюсь, она уворачивается и зубами щёлкает.

Тут в комнатку наш гоблин влетел — по сигналу. Увидел полуэльфа в руках дамских, аж поперхнулся. Но времени терять не стал, подскочил к сладкой парочке, ладони на женскую причёску положил, колдует. Память стирает.

Тут я протупил малость. За собачкой погнался, о слуге забыл. На секунду только отвернулся. А слуга как увидел, что его хозяйку гоблин лапает, метнулся молнией, у дамы из причёски шпильку вынул и гоблина нашего в бок пырнул.

Шпилька та была как стилет — узкая, длинная, с бриллиантовой бусиной на конце. И очень острая.

Потом ко мне повернулся, ливрею красную распахнул. А на груди у него тоже часы болтаются — не брегет, попроще, но зуб даю — с талисманом. Потому что слуга этот руки вытянул, пальцы скрючил, глаза выпучил — и колдовать начал. Выкрикнул что-то по-эльфийски, совсем как Альфрид.

Между нами аж воздух задрожал. Как будто огромный механизм заработал и гудит низко. Не слышно, но всё вибрирует до самых печёнок.

Все в этой комнате получили свою порцию колдовства: Альфрид с дамой обмякли друг на дружке, гоблин на спину завалился, а собачка на задницу села и башкой трясёт. Даже лаять перестала.

Не знаю, чего мелкий слуга тянул так долго, может сигнала ждал хозяйкиного, может, амулет у него одноразовый — на самый крайний случай.

А я чувствую, меня словно в кипяток макнули, и тут же в прорубь бросили — по макушку. В спину, в самую печать воткнули ледяной кол и провернули разок-другой.

Если б в первый раз меня так припекло, не знаю, как бы выжил. Но человек ко всему привыкает, даже к такому. Кипяток обернулся ледяной волной, меня отпустило, и вовремя.

Чего слуга точно не ожидал, что кто-нибудь после колдовского удара очнётся. Расслабился, руки опустил, к хозяйке повернулся.

Тут я к нему скакнул, мужичка этого мелкого за ноги кривые ухватил, да об стенку башкой брякнул. Несильно, чтобы оглушить. А то мало ли — вдруг снова колдовать начнёт, на этот раз посильнее.

Но мужичок крепкий оказался — вывернулся, меня обхватил и зубами вцепился. Больно так. При этом паричок кудрявый на нём скособочился, и ухо показалось — заострённое, эльфийское. Надо же, не знал, что среди эльфов недомерки бывают.

Ткнул я его в печень, отшвырнул на пол. Тот упал, скорчился.

Я к гоблину на помощь бросился. Альфрид тем временем кое-как очнулся и даме в ухо дал. Она руки разжала, так он добавил, и давай молотить, озверел, никак не остановится.

Стал я его оттаскивать, он рычит, не даёт. Тут наш орк в дверь заколотил условным стуком: "Тревога! Идут!"

Это значит, идут сюда, бежать надо.

Гоблин тоже опомнился, поднялся на ноги кое-как, ладони на даму положил — а у ней кровь из разбитого носа так и брызжет — заклинание пробормотал. Та обмякла, глаза

закрыла, сидит на полу сонная.

Я мужичка мелкого подтащил за ворот — тоже на лишение памяти. Гоблин на пол рухнул рядом с ним, заклинание прохрипел еле слышно, а сам качается и глаза закатывает.

Смотрю — у него кровь на боку расплывается пятном большим, багровым.

Ох ты чёрт...

А орк наш что есть мочи в дверь колотит.

Альфريد на ноги вскочил, озирается, вид бешеный:

— Амулет! Где вещь?!!

Не нашёл до сих пор, а без неё всё пропало — зря старались.

Собачонка тявкнула, я глянул — сверкнуло что-то на ошейнике. Цапнул её за шкуру, смотрю — на ошейнике блестящее, круглое, золотое... он! Амулет драгоценный, цены немеряной. На собаку повесили, для красоты или сохранности.

Собачонка визжит, извивается, я цепочку дёргаю — никак не рвётся. Даже странно. Наверное, какое-то заклятье наложили на обрыв — чтоб не потерялось.

— Рви с башкой ей! — рывкнул Альфريد. Совсем с катушек слетел.

— Бежим! — ору на него. — Ходу! Идут сюда!

Собачку подмышку подхватил, гоблина с пола поднял, прижал как следует, чтоб увести. Тот лёгкий, килограмм сорок — не больше.

— Брось его! — шипит Альфريد. Шпильку подобрал, и хочет нашего гоба ткнуть — насмерть. — Не унесём!

Я ему с ноги пробил, шпильку вышиб.

— Бежим, мать твою!

Зыркнул он на меня по-волчьи, понял, что не сладит, и бегом в дверь бросился. Там из дамской комнатки чёрный ход был — в каморку, где ночные горшки и вёдра для отходов стояли.

Из каморки можно было выбраться к наружной лестнице. Должно быть, её здесь устроили, чтобы за дамами горшки выносить спокойно, без лишних ароматов. А может, здесь игроки от кредиторов сбегали. Или любовники — от рогоносцев.

Короче проскользнули мы в потайную дверцу (не обманул тот слуга) — и наружу выбрались. Орг наш последним шёл — я ему гоблина в руки сунул, а сам собачку держу. Пасть ей ладонью зажал, чтоб не тявкала.

Вылезли мы, и вовремя: сзади уже голоса раздались, кричат что-то. Видно, зашли в комнатку, а там дамочка лежит вся в кровище — одежда порвана, лицо всмятку, часы разбиты, сама без памяти. Слуга побитый, рядом шпилька металлическая, тоже в крови замаранная. Картина маслом.

Мы давай по лестнице вниз, а она хлипкая, ступеньки — деревянные плашки, редко поставлены да ещё шатаются. А снаружи ветер, снег в лицо лупит, ноги скользят, того гляди — свалишься.

Но кое-как слезли. Я собачонку подмышку подхватил, вид важный сделал — типа, идёт барин по своей барской надобности. Хочется благородному дону прогуляться, имеет право.

Орк наш гоблина за талию держит, будто пьяного, уговаривает: "Что ж ты наакался, дружище, не умеешь пить, так не пей лошадьё!". Ведёт за мной, вроде как — слуги за хозяином.

Альфريد за нами не пошёл, чтоб толпу не создавать и не палить контору. Уж очень вид у него помятый, впереди весь в кровище забрызганный. Скользнул наш полуэльф в сторонку,

где кусты, и в темноте растворился.

А мы в калитку заднюю — там выход в переулок и можно к улице пройти, где извозчики клиентов караулят.

Иду, сам дрожу — а если крики уже снаружи услышали, и полиция, что дежурит вокруг дома, всех грести начнёт без разбора?

Смотрю — возле калитки человек стоит, крупный, в тёплом тулупе. Спокойно так по снегу валенками подшитыми притопывает, но не от холода — от скуки.

Меня увидел, застыл. Встретились мы глазами, и я понял, что узнал он меня. Я тоже его узнал — это один из пожилых приставов оказался, что на совещании у зам полицмейстера сидели. Меня тогда ещё выгнали с позором.

Замерли мы на секунду оба. Потом он глаза отвёл, отвернулся эдак неторопливо, спиной ко мне и к калитке, на звёзды уставился. Стоит, посвистывает.

Я собачонку покрепче перехватил — и в калитку. Слуги мои за мной — оба.

Вышли, шаг прибавили — так, чтобы не совсем бежать, и в переулок проскочили. Там нас извозчик ждал — заранее нанятый и оплаченный щедро. Заскочили в коляску, лошадка рванула, и умчались мы.

Только там я выдохнул — всё это время не дышал вроде.

— Господин! — сказал орк. — Господин Дмитрий! Плохо нашему гобу. Совсем помирает.

Обернулся я — наш гоблин на сиденье пластом лежит, а орк мне свои руки показывает — все в кровище.

Вот чёрт! И правда, того гляди гоблин наш помрёт.

— Скорей, родной! — крикнул извозчику. — Поспешай!

Подкатили мы к нужному переулку, я извозчику добавил за скорость.

Орк гоблина нашего опять на руки подхватил, и мы побежали. Комнатушка у нас была снята заранее — там нищие гобы ночевали, и никто документы не спрашивал, в лицо не смотрел. Знай деньги плати.

Но не повезло нам — смотрим издали, а там над воротами полотенце белое болтается — будто стираное. Это знак, что нельзя туда. У кого горшок с розами на окне, а у нас такое. Бельишко вывешивают.

— Куда теперь? — орк спрашивает. Обречённо так.

А, была не была, выбирать некогда.

— За мной. Я хороший дом знаю, недалеко, там безопасно.

Извозчик уже отъехал, а нового по ночному времени не поймать. Хорошо хоть, что орки бегают, как кони. Ну и я за ним припустил галопом.

Побежали.

Привёл я их на квартиру Верочки. Она мне ключ передала, чтоб я не стеснялся.

Взбежали на этаж — орк старался не топтать ножищами — я открыл дверь, и мы вошли.

Гоблина бережно, как ребёнка, уложили на кровать. Я опустил собачонку на пол и полез в комод. Вытащил простыню и велел орку рвать на полосы.

Сам вытащил из верхнего ящика ножницы и разрезал на гоблине одежду. Смотрю — рана колотая, ох нехорошо как.

Скомкал тряпицу, к ране прижал. Орк мне полосы разорванной простыни протянул, я ими гоба обмотал как следует.

Что ещё сделать, не знаю. Ему бы в больницу, да нельзя. С такими ранами сразу в полицию донесут. И друга не спасём, и сами погибнем.

Орк тоже пригорюнился, глаза трёт кулаком, башкой мотает.

— Жалко его, — причитает, — такой гоб хороший был!

Тут осенило меня.

— Погоди плакать, — говорю. — Я знаю, что делать.

Схватил бумажку со столика — кажется, счёт за дрова, — и написал пару строк.

— На. Бегом по адресу! — назвал адрес, бумажку орку в кулак сунул и к двери подтолкнул. — Да живее — одна нога там, другая здесь!

А сам сбегал на кухню, пошарил на полочках, нашёл бутылку запечатанной водки, хорошей, магазинной, и графин с вишнёвой настойкой. Крепкая штука, сам проверял.

Притащил это всё в спальную, потом ещё сбегал, принёс таз, кувшин, блюдца всякие — всё, что мог.

Надо бы воды погреть, да я до сих пор не узнал, как здесь плиты разжигают. Не было нужды. Знать бы где упасть — соломки бы постелил...

Пока ждал, извёлся весь. Всё бегал от двери до кухни, да на гоблина поглядывал — дышит или нет?

Вечность прошла, пока в дверь постучали условным стуком. Открыл я, ввалился орк, за ним девушка вошла — та самая молоденькая гоблинша, что врачом хочет стать.

Ей, видно, орк наш по дороге что-то наговорил, она вошла осторожно так, у двери стала и озирается. Не то чтобы в ужасе, но с опаской.

Меня увидела, вздрогнула.

— Здравствуйте, — говорю, а сам волосы приглаживаю — от волнения. — Не бойтесь, мы вас не обидим. Беда у нас...

— Здравствуйте, Дмитрий Александрович, — отвечает. — Мне ваш слуга сказал, больной у вас? Тяжёлый.

— Да, тяжёлый, — говорю. — Проходите пожалуйста скорее, прошу!

Вошла она в комнату, на гоблина посмотрела и сразу за дело принялась. Рукава засучила, саквояж свой открыла, и давай распорядиться. Мы с орком забежали, распорядения её выполняем. Это дай, то принеси, воды погрей, чайник вскипяти... Узнала, что вода не погрета, так глянула, орк аж посинел от испуга.

— Кто повязку накладывал? — спрашивает.

— Я, — говорю.

— Ладно. Только много крови потерял ваш товарищ, трудно будет. Жизненно важные органы не задеты, это хорошо. Раньше надо было меня позвать, не тянуть так долго.

Я молчу — а что сказать? Не говорить же, что мы с места преступления сбежали. Но она, видно, и сама с понятием. Расспрашивать не стала, возится с нашим гобом, аж губу закусила — старается.

Сколько времени прошло — не знаю. Мы с орком даже уморились, я к стене привалился, рядом с абажуром, орк на пол уселся, рядом с собачкой. Та лаять не стала, легла рядом с ним, язык вывалила, на нас смотрит, пыхтит. Только глазки-бусины поблескивают.

Потом девушка поднялась, отошла в сторонку:

— Дмитрий Александрович!

Я к ней. Она говорит:

— Уже утро. Идти мне надо. Боюсь только друга вашего оставить в таком состоянии. Вы в больницу не хотите отправить его? Я знаю место, где с вас денег не возьмут. Если хотите, похлопочу за вас.

— Спасибо огромное, — отвечаю. — Вы просто чудо. Правду сказали — тому повезёт, кто женится на вас.

Она засмушалась, глазки опустила:

— Кто это вам сказал?

— Неважно, — говорю. — Это ведь правда.

Она отвернулась, тихо так сказала:

— Я замуж не хочу. Хочу врачом стать.

Хотел я ей сказать: в чём проблема? У тебя дружок богатый, он оплатит, разве нет? Но вовремя вспомнил — здесь не там. В чужой монастырь со своим уставом не лезут...

— Дело хорошее, — говорю.

— Да, хорошее! — она с горечью так. — Да вот не дают нам учиться, девушкам. Замуж идите, детей рожайте, что вам ещё надо?

Смотрю, разволновалась, видно накипело.

— Кто не разрешает?

— Да кто угодно! — бросила в сердцах. — Отец, брат, муж, опекун, мужчина!

Помялся я, но сказал всё-таки:

— Так у вас друг есть, я сам видел. Пожилой, при деньгах. Если такая девушка красивая

как вы, попросит, неужто откажет?

Тут она покраснела вся до ушей. До самых кончиков остреньких ушек — симпатичных, кстати.

— Почему сразу — друг?

— А кто?

— Неважно, — отвечает. А сама отвернулась, шапочку поправила — стесняется. — Хотите, я ещё останусь, посижу?

— Да, останьтесь! — не стал я дальше про дружка её говорить, чтобы не смущать девушку. — А то боязно за него.

Она повернулась к кровати, где наш гоблин лежал, еле живой. Помолчала, сама губу кусает. Сказала тихонько:

— Если бы можно было... я бы помогла, хоть немного. Но нельзя же...

— Что нельзя?

— Колдовать нельзя. У нас в семье заклинание хранится, от матери к дочери передают. Но с тех пор, как запретили, мы его только для своих творим. Больше ни для кого.

Глянул я на нашего гоблина. Рисковый мужик наш гоб, если подумать. Колдует направо и налево. А ведь таких, кто старинное Соглашение, ещё при Петре Алексеевиче заключённое, нарушает, казнят жестоко. Меня уже просветили, как это происходит. Даже вспоминать не хочется, такая жесть.

— Понимаю, — говорю. — Что ж, надежда умирает последней.

— Даже если бы я захотела, — девушка вздохнула, — вряд ли выйдет. У него рана не простая. Клинок, которым его ударили, зачарован был. На нём заклятие. Не знаю точно, какое, но тому, кого им ранили, не жить. Я вам сразу не сказала, не уверена была. Но теперь вижу — не выживет ваш слуга.

— Да он не слуга мне, — говорю. — Мы с ним друзья.

Она глянула на меня — странно так, помолчала и говорит:

— Есть средство от такого заклятья. Но чтобы наверняка помогло, амулет нужен, сильный. Или пара.

Вот как! А я уже гоблина нашего похоронил мысленно.

— Что за пара? Два амулета?

— Нет. Нужен кто-то с магическим даром. Ваш орг, к примеру, не подходит. Он в магии не силён, и дар у него от рождения не развивался.

— А у меня печать! — брякнул я вдруг. Сам от себя не ожидал, что скажу.

— Я чувствую, — прошептала она. Повернулась, в глаза посмотрела: — У вас бы получилось.

— Нет. Я гаситель.

Ойкнула она, кулачок ко рту прижала, глядит во все глаза на меня.

— Тогда только одно поможет — врач с дипломом. Но вы ведь к нему не пойдёте?

Я головой помотал — нет.

— Разве что попробовать, — шепчет. — Всё равно уже...

А я смотрю — гоб наш совсем побледнел и дышит через раз. Того гляди, скончается.

— Давайте! — буркнул. — Колдуйте вашу магию. Я никому не скажу. Если что — валите всё на меня. Скажете — Дмитрий Найдёнов заставил — с ножом у горла.

Охнула она, глазищи распахнула. Потом кивнула резко и говорит:

— Давайте! Семь бед — один ответ!

Шагнули мы к постели, где наш гоб лежал. Девушка взяла меня за руку. Другую протянула и над раной ладонью вниз опустила.

Рана к тому времени совсем страшной стала — сама ранка узкая, небольшая — зато вокруг синева чернильная разливается, и не простая, а узором в виде щупалец. Будто чёрный осьминог на теле распластался, в кожу впился и лежит. Сразу видно — магия.

Тут собачонка мелкая как давай гавкать. До этого смирно лежала, а тут как с ума сошла, крутится, лает, на кровать норовит заскочить.

— Пардон, — говорю, — один момент!

Собачонку подхватил под мохнатое пузо, к себе прижал и рявкнул:

— Цыц! Сожру, кости выплюну!!

Она аж задрожала мелко. Притихла, глазёнки выпучила, трясётся. Вот так-то лучше.

А девушка глаза прикрыла, сосредоточилась и стала говорить что-то. Сначала тихо, нараспев, потом погромче и побыстрее. Ладонью водит над ранкой, пальцами пошевеливает и говорит без остановки. Уже скороговоркой пошла, слова в одно сливаются, а голос по всей комнате раздаётся и в ушах у меня будто барабаном стучит.

Я вдруг понял, что руку свою не чувствую — за которую девушка меня держит. То есть отдельно не чувствую, как свою. До плеча левой руки — я, Димка Найдёнов, а ниже — что-то общее, не моё и не её. Одно целое.

И расцепиться нет никакой возможности. Как разделить то, что едино?

Тут девушка выкрикнула одно заковыристое слово — как только сумела произнести. В ушах у меня зазвенело, голова закружилась, а печать на спине отозвалась вспышкой ледяного огня. Вспыхнула, и лавиной прокатилась по руке — вниз от плеча к локтю и дальше к пальцам, что сцепились с пальцами девушки. Туда, где мы стали одно.

Смотрю — по ладони девушки-гоблина, что она над раной держит, мелкие искры пробегают, а сами пальцы прозрачными сделались, и сквозь них постель видно. Гоблина нашего видно, что на постели лежит. И в самом центре ладони — как в прицеле — ранка.

Сквозь руку ранка кажется чёрной, как разрез в темноту. И в темноте этой что-то шевелится и булькает чернильной жижей. Жижа эта из раны выходит горячей волной — на вид как чернильная лава — и кверху поднимается. Так потихоньку вся поднялась, собралась в чёрный шар и под ладонью повисла.

А девушка-гоблин ладонь резко опустила — и как муху поймала этот шар. Сказала слово и сжала пальцы.

Чернота исчезла. Сразу, вдруг — была и нет её. А моя ладонь стала моей ладонью, и руку сразу отпустило.

Девушка пальцы разжала, покачалась немного, за голову схватилась и села прямо на пол.

Я к ней бросился, по щекам её похлопал, приподнял — а она бледная как стенка.

Схватил я с комода графин с вишнёвой настойкой и девчонку напоил прямо из горлышка.

Она закашлялась, заморгала, посмотрела на меня и спрашивает:

— Как он? Живой?

Я приподнялся, посмотрел.

Вижу, гоблин наш лежит в той же позе, но дышит ровно, кожа позеленела — а до того синюшная была — и рана совсем другая стала. Разрез посветлел, сморщился, края у него стянуло, и опухоль спала. А чернота с завитушками исчезла совсем. Будто не было её.

— Живой, — говорю. — Дышит.

Девушка вздохнула, говорит еле слышно:

— Получилось...

Взяла у меня из рук графин и давай хлебать. В три глотка ополовинила.

Дух перевела, губы отёрла и меня спрашивает:

— Как вы? Не плохо вам?

— Нет, — отвечаю. — Всё в порядке.

А мне и правда хорошо. Так хорошо, будто не лечили мы, а в постели кувыркались — до изнеможения. Хочется петь, кричать и делать глупости. А ещё жрать хочется — сил нет.

Собачонка на кровать к нашему больному вскочила и давай рану обнюхивать. Нюхает и рычит.

Тут девушка на себя взглянула, ойкнула — платье на ней всё помялось, шапочка и вовсе на одном ухе висит — и на кухню бросилась. Себя в порядок приводить.

Наш орг встrepенулся, голос подал. Он до этого всё время, пока мы больным занимались, в уголке сидел. Прикинулся ещё одним креслом и даже не дышал, похоже.

— Господин Дмитрий, живой наш гоб? Али помер?

— Живой, — отвечаю, а сам подскочил к орку, за плечи схватил — ничего себе плечищи! — и смеюсь, как дурак: — Живой наш гоб! Радуйся!

Орк обрадовался. Вскочил, на гоблина посмотрел и на коленки бухнулся. Ноги мне обнял, и давай голосить:

— Спасибо, спасибо, господин! Вы не то, что господин Альфريد! Он гоба убить хотел, а вы не дали! Я с вами теперь!

Разошёлся, на коленках стоит и вставать отказывается.

— Ну хватит, — говорю, — хва...

За моей спиной щёлкнул дверной замок. Вскрикнула Верочка.

Я обернулся. Смотрю — дверь открыта, у порога моя девушка стоит, и глаза у ней как блюдца. Стоит, молча рот разевает, а сказать не может ничего.

В это время из кухни девушка-гоблин выскочила, шапочку эдак кокетливо на себе поправляет и говорит:

— Я тут умылась у вас, Дмитрий Александрович. Ну, пора мне, утро давно...

Увидела Верочку мою, ойкнула и замолчала. Стоят, смотрят друг на дружку, молчат. А я и дёрнуться боюсь — как бы с двух сторон не прилетело.

Потом гоблинша сказала:

— Ну, я пойду. Всего доброго.

Саквояж подхватила свой — и за дверь.

Орк мои коленки отпустил, в уголок метнулся и снова креслом прикинулся.

— Вера Афанасьевна, — говорю. — Это не то, что вы подумали...

Тут Верочка моя в себя пришла:

— Дмитрий Александрович... Я знала, что вы интересный... Но не настолько же!

— Я всё объясню...

— Да уж пожалуйста. Кто эта девушка? Она у вас ночевала?

Ёлки зелёные! Конечно, ночевала. Всю ночь провела, у постели — со мной вместе. За

руку держались, даже слияние произвели... магическое. И что сказать теперь?

Выручила меня собачка. Вот уж от кого не ожидал — от мелочи пушистой. Подскочила собачонка к Верочке, в ноги ей носом уткнулась, повизгивает жалобно. В смысле: забери меня отсюда, от этих злых людей, памагитя!

— Ой, что это? — девушка псину на руки подхватила, давай наглаживать. — Откуда такая прелесть?

— Да вот, — отвечаю, — потерялась. Я к вам шёл, прибилась по дороге. Давайте на кухню пройдем, я всё расскажу в подробностях.

А сам вход в спальню загораживаю, чтобы она гоба на постели не увидела.

Но не сумел. Повернулась Верочка, чтоб на кухню идти, я посторонился неловко, и... Еле подхватить успел. Раз, и в обморок.

Отнёс я подружку свою на кухню, притащил остатки вишнёвой наливки в графинчике — во как пригодилась! — и налил ей немножко. Только губы смочил, но помогло.

Отдыхалась Верочка, посмотрела на меня, руку на грудь положила, спрашивает:

— Скажите, Дмитрий Александрович, а под кроватью у вас никого не спрятано?

— Нет, — говорю. — Это всё. Больше никого нет.

И давай ей плести, что нашёл себе слуг — для личной надобности и респекту, а когда поздно домой возвращался, нарвался на местных гопников. Слуга мой под нож подставился вместо меня — и вот...

Но Верочка этот бред слушать не стала. Перебила меня, говорит:

— Ох, а я вам дурные вести принесла.

Покопалась она в ридикюле (это дамская сумочка такая, крохотная), достала оттуда свёрнутый газетный лист, мне протянула.

Разворачиваю, а он свежий, аж краской типографской пачкается. Сразу фотография в глаза бросилась, чёрно-белая, нечёткая, но на ней хорошо видно знакомый особняк, где мы только вчера вечером дело провернули. И заголовок крупными буквами: "КРОВАВАЯ ТАЙНА!"

Ниже шрифтом помельче: "Ужасное происшествие в особняке купца Пафнутьева! Кровавое злодейство!"

Читаю, а там расписано, что найдена окровавленная дама на полу гостиной (это они наврали, не гостиная то была), вся раздетая (тоже наврали, Альфريد её раздеть не успел). Что у дамы пропали ценные украшения, помяты одежда и честь, а также задеты нежные чувства. Имя дамы не называют, но намекают, что весьма достойная женщина, не из последних жителей нашего города.

При даме обнаружен слуга, тоже побитый. Здесь корреспондент упомянул, что слуга тот непростой, а специально обученный инород, для защиты хозяйкиной чести приставленный. Что слуга тот ничего не помнит, кто нападал, не знает, а знает только, что сделал для спасения хозяйки всё возможное, и жизни своей не щадил. Но полиция ему не очень-то верит.

И ещё написали, что была у пострадавшей дамы собачка мелкой породы, пушистая, цвета белого. Кто эту собачку найдёт, тому будет вознаграждение и всяческая благодарность...

Опустил я газетный лист. Это ж надо, какая скорость. Они там небось в типографии не спали, не ели — газету пекли, а журналист так по бумаге строчил, что аж дымилась.

И когда только успели? Вот пресса работает...

А Верочка говорит:

— Мне эту газету ваш знакомый дал. На улице меня встретил, сказал, чтобы вы домой к себе не ходили.

— Какой знакомый? — спрашиваю.

— Сказал, друг ваш. Говорит, ждут вас на квартире, не ходите туда. Езжайте, говорит, лучше на рыбалку. Сказал, вы поймёте. Странный такой...

— Как он выглядел? — говорю, а сам снова газету разглядываю.

Это который час уже? Сколько мы с девушкой-гоблином магией занимались? Не заметил, как время прошло.

— Не разобрала я. Он быстро так подошёл, листок сунул мне в руки, а сам в шапке надвинутой и воротник поднят. Но кажется мне, видела я его где-то. Не вспомню только, где.

А я подумал, что Альрфида она один раз точно видела, хотя и в темноте. Тогда, на квартире. Он у двери стоял, но разглядеть можно было.

Сижу, газету в руках кручу, думаю.

— Куда вы пойдёте теперь? — Верочка на руки собачку взяла опять, гладит. — Что делать будете?

Смотрю я на собачку и думаю. В голове пустота, только одна мысль бьётся: "езжай на рыбалку... на рыбалку"... Нет, домой точно нельзя. Если люди Рыбака нас вычислили, туда лучше не соваться.

— Не знаю, что за беда у вас, — вдруг сказала Верочка. Ладонку мне на руку положила, в глаза посмотрела и говорит: — Знаю, что человек вы хороший. Моему хозяину работник нужен. Деньги неплохие, и жильё за городом. Хотите, я про вас скажу?

— А он возьмёт?

— Господин Филинов сами давеча говорили — охрана ему нужна крепкая. Говорит, под окнами убийцы бродят, того гляди жизни лишат. Хочу, говорит, чтобы работник дело своё знал — чтоб отставной полицейский или военный, да в доме жил постоянно. Вы же в полиции служили. И домой вам сейчас нельзя...

Подумал я ещё. Ничего себе идея. Очень даже ничего.

— Чего же тянуть-то, — говорю. — Поехали. Только слуг своих поудобней устройю, и поедем. Если хозяину охрана нужна — будет ему охрана.

— Мне доложили, ты просишь работы.

Богатенький господин Филинов подышал на перстень, потёр о халат. Полюбовался камнем и изволил взглянуть на меня.

В этом кабинете не так давно мы с Бургачёвым опрашивали свидетелей. Этого же господина и опрашивали, вместе с его женой, слугами и служанками. И нам отвечали. Потому что были мы представители законной власти.

Сейчас и кабинет, и кресло были те же самые, и даже халат похожий. Только смотрел господин Филинов на меня теперь совсем по-другому. Не так, совсем не так смотрел.

Развалился в кресле, а я стою перед ним, как школьник в кабинете у директора.

— Не прошу, — говорю. — Интересуюсь конъюнктурой рабочего рынка.

Он аж рот приоткрыл. Ну а что, Димка Воронков не с дерева слез. Тоже может пальцы гнуть не хуже прочих.

Лицо у Филинова сразу попроще стало. Побарабанил он пальцами по столу, спрашивает:

— Конъюнктурой, значит, интересуется, господин бывший сыскарь? С какой целью, позвольте узнать? Уж не места ли ищите?

— Место бы мне не помешало, — отвечаю. — Скрывать нечего. Будущему боссу — как врачу, всю правду.

Смотрю, заинтересовался господин Филинов, в кресле поёрзал, кулаком щёку подпёр, на меня смотрит.

— Кто тебе сказал, что я ищу работников?

— Какой же это секрет, — я плечами пожал. — Если бы не знал, не стоял бы здесь.

Пожевал он губами, возражать не стал. Ясное дело, знает он всё — и про то, что Верочка моя подружка, и что уволили меня с треском. По лицу не скажешь, но тут и так понятно — к гадалке не ходи.

— Так ты вслед за своей девкой сюда пришёл? — говорит, а сам улыбку включил, как бы с намёком: "Давай, не стесняйся, все свои. Уж мне-то можно рассказать!"

Я в ловушку не попался, ответил с достоинством:

— Я информацию получил — полезную. А за женщиной что ходить, пусть она за мной бегаёт.

Притих он в своём кресле, и видно, как шестерёнки у него в голове крутятся — размышляет.

— А почему ко мне? Или не берёт больше никто?

— Берут, отчего же. Вон какие дела в нашем городе творятся, слышали наверное. Охрана нынче всем нужна. Но к вам первому пошёл, потому что вы самый умный здесь.

Это я рисковал, конечно. Вдруг толстая лесть ему поперёк организма встанет. Но кто не рискует, тому шампанского не видать.

Смотрю — слушает внимательно, не возражает. Я дальше несу:

— Может, есть здесь люди и побогаче. Но слухи ходят, что у вас всё по уму да по науке. Что вы фабрику хотите построить, дать людям работу. Чтоб не в земле ковырялись за копейки, а за станком стояли. Что хотите грамоте учить работников своих...

Я даже договорить не успел — подскочил в кресле господин Филинов, глаза у него

загорелись. Хлопнул рукой по столу, аж чернильница подпрыгнула:

— Да! Фабрика! Станки! Правильно говоришь, как тебя там! Я за прогресс, чтоб подлые людишки к делу были приставлены. Чтоб пользу приносили. А мне палки в колёса...

Надулся он при этих словах, замолчал. Лицо сморщил, сидит, за щеку схватился, будто зубы заныли — все разом.

Ага. Заглотил крючок господин меценат, до самых кишок достало.

Махнул он рукой — брильянты в перстне сверкнули, и сказал:

— Ладно. Донесли мне, что выперли тебя со службы. За драку с поножовщиной, за потерю чести мундирной. Мне на это плевать. С каждым случиться может. Все по молодости чудили.

Ухмыльнулся он чему-то своему, поскрёб пальцем бровь.

— Ты мне понравился. Вижу, мозги есть у тебя, не дурак, как другие. Опять же, в университете обучался, образование имеешь.

Взял он со стола колокольчик, позвонил. Сам в бумаги уткнулся — вроде как закончил со мной.

— Сейчас пойдёшь с управляющим, он тебя на место определит. Об оплате с ним тоже договоришься. Главный по охране у меня капитан Корякин. В подчинении у него будешь. Если понравишься ему — жалованье прибавлю. Ну, иди, иди.

— Пойду, конечно, — отвечаю. — Но жалованье надо обсудить сейчас.

Он голову поднял от бумаг, глаза выкатил. Не ожидал такого.

Я ему слова не дал сказать, а то он уже рот открыл, и не для того, чтобы мне зарплату прибавить.

— Согласие, — говорю, — есть продукт непротивления сторон. А я своего согласия пока не давал. Сколько управляющий ваш положит того жалованья, не знаю. Зато знаю, что всегда сперва надо цену билета узнать, а потом на карусель влезать.

Смотрю, господин Филинов багроветь начал, хочет сказать что-то, но пока не получается.

— Мне десять рублей в неделю с жильём, столом и одеждой предлагали. Догадываетесь, у кого. Но я сказал — подумаю. Ежели у вас столько же будет, лучше здесь. Почему, я сказал уже. Вы дела с умом ведёте, с понятием. У вас и работать в радость и... и честь.

Засунул он палец за воротник рубашки, выдохнул раз, другой, успокоился, не такой красный стал.

Повертел головой, говорит:

— Тебя бы в шуты брать, а не в охрану, ваше бывшее благородие. Но я от своего слова не отказываюсь. Будет тебе десять рублей со столом и прочим. Но и ты смотри — не зарывайся. Если что — жалеть не стану. Всё — пошёл.

Вижу, теперь уже точно всё. Шутки кончились. У дверей уже управляющий переминается, покашливает.

— Звали, ваша милость? — спрашивает.

— Звал. Бери вот этого... господина и на место поставь. Прими, пригляди, устрой. Чтоб всё честь по чести.

А сам усмехается — легонько так.

Не понравился мне его смех, но поздняк метаться — пришёл, увидел, место получил.

Вышел я, дверь притворил со всем почтением — нельзя босса до крайности доводить, надо меру знать — и пошёл с управляющим. Вступать в новую должность.

Управляющий — солидный мужчина с бакенбардами вразлёт — спросил:

— Как называть вас, юноша? Какого роду-племени будете? Документики ещё желательны ваши получить, для порядку-с.

— Дмитрий Александрович меня зовут, — отвечаю с достоинством. — Фамилия Найдёнов. Документы пожалуйста, вот.

Подавал ему бумаги, он взял — всё чинно, прилично. Если бы знал этот солидный дяденька, как мне извернуться пришлось, чтобы добыть свои бумаги из квартиры, за которой следят лихие ребята, он бы прослезился. Или нет.

Целый час дяденька с бакенбардами водил меня по особняку, как по музею — экскурсовод.

Пояснял про технику безопасности. Это можно, то нельзя, так ходи, сюда не ходи — прямо ходячая инструкция. Его послушать — так ничего нельзя. Только ходи с почтением, и внимай указаниям господина и управляющего его — вот этого.

Через час времени, что я провёл, слушая почтенного управляющего, дошли мы до непосредственного моего начальника.

Есть такая комната, в ней все слуги собираются. Людская — или как её там — называется. Сидят, общаются, баклуши бьют со всем усердием.

Вошли мы, все сразу замолчали. Смотрят на меня. Девушки сидят, одна женщина под сорок — полная, румяная, парень — сразу видно, что из лакеев. И мужик — хорошо за тридцатник, росту небольшого, но крепкий, плечи широкие, волосы сединой побиты неравномерно. Бывает так, что седина лезет клочками, будто над человеком малярной кистью махнули. Вот и он такой.

Мужик этот при виде нас встал, шагнул вперёд, в руках трубка курительная дымится, рукава белой рубашки засучены.

— Вот, привёл вам нового работника, — говорит управляющий. — Под ваше начальство, Матвей Прокофьевич. Прошу любить и жаловать.

Развернулся и ушёл, неторопливо так.

А я с ними остался.

Все на меня смотрят, молчат. Даже девушки притихли, как будто ждут чего. А мужик седоватый, которого Матвеем Прокофьевичем назвали, дождался пока управляющий ушёл, и сказал мне:

— Новичок? Раздевайся!

Это что у них — всех новеньких так принимают? Ладно, хотите пошутить — получите.

Я спорить не стал, штаны принялся снимать. Девушки покраснели, захихикали, ладошками рты прикрыли, а сами давятся от смеха.

Парнишка-лакей рот разинул, глаза распахнул — ждёт потехи. А Матвей Прокофьевич так черенок от трубки прикусил, что аж захрустело. Не ждал, как видно, такого поворота.

Стянул я штаны, за подштанники взялся. Едва приспустил — самую чуточку, как начальник мой новый трубку изо рта выдернул, гавкнул:

— Срам заголять команды не было!

— Так вы сами сказали — раздевайся, — говорю. Спокойно так, и тоже глаза выкатываю — от усердия.

Тут женщина голос подала. Сама сидит, вяжет, быстро-быстро, спицы так и мелькают.

— Да что же вы, Матвей Прокопич, юношу защемляете? Хочется ему портки снять, так пускай снимает...

Тут девчонки совсем друг на дружку повалились, икают от смеха, ногами дрыгают.

Начальник мой побледнел слегка, вокруг рта складки посинели, — точно как Альфрид, когда злится.

— Я сказал: рубаху долой! Впервой, что ли?

— А-а, — говорю. — Теперь ясно.

Штаны натянул, разделся до пояса.

Девчонки, смотрю, хихикать перестали, стали меня разглядывать, аж глазки заблестели от любопытства.

Женщина тоже вязанье своё опустила и ко мне повернулась. Оглядела внимательно, кивнула и говорит:

— Ладненький какой. Так бы и съела.

Начальник мой скомандовал, как злобный сержант в кино:

— Кру-угом!

Повернулся я — как положено, на каблуке, ногой притопнул.

Парнишка-лакей за моей спиной ахнул. Девчонки засопели, зашептались. Женщина вздохнула.

Это они печать увидели у меня на левой лопатке. Синюю круглую печать, поставленную самим старшим эльвом. Знак — осторожно, чувак может кусаться и колдовать. Или не может, но всё равно в сильнейшем подозрении.

Матвей опять гаркнул:

— Кру-угом!

Сунул трубку в рот, поскрипел зубами, сказал:

— Одевайся.

Дождался, пока я оденусь, подхватил с лавки полушубок, скомандовал:

— За мной.

И в дверь. Я за ним.

Вышли мы во двор. Подышал начальник сквозь зубы, сказал:

— Что, эльвийская морда, человеком прикинулся? Думал, не узнаю?

— Сам ты морда, — говорю. — Я человек. Спроси у своего хозяина. Бумаги у него.

Повернулся он — так быстро, я едва заметил. Хрясь мне в зубы с разворота.

То есть хотел хряснуть. Мне уже одного синяка на всё лицо хватило, еле сойти успел.

Увернулся я, отскочил. Матвей за мной. Раз-два, апперкот. Мимо. Я уворачиваюсь, говорю:

— Слышь, капитан, остынь, а? Ты ошибся, я погорячился, чего нам делить-то? Давай мириться!

Матвей после слов моих ещё злее стал, зарычал, подпрыгнул и ногой мне двинул. Не вышло — только хуже себе сделал.

Я его за ногу поймал, крутанул легонько и уложил капитана возле крыльца.

Шлёпнулся он, головой повертел в обалдении, меня увидел — подскочил.

Я ему:

— Начальник, не доводи до греха! Остынь!

Ох, думаю, добром не кончится это дело. Решил — пусть только сунется, уложу. Если сам не нарвусь — Матвей мужик резкий.

Тут сверху в ладоши захлопали. И голос хозяйский:

— Ну будет, Матвей Прокофьевич, будет! Молодцы, повеселили.

А это хозяин, господин Филинов, на балкон выйти изволил. Стоит в халате, видом любит. В ладоши похлопал, лениво так, кивнул капитану и назад — в кабинет к себе ушёл.

Матвей сплюнул на снег, сказал:

— Напугался, салажонок? Не бойся, это шутка была. Проверить тебя хотел.

Я улыбнулся, кивнул — типа, понял, не в обиде. А сам смотрю — глаза у начальника моего злющие до крайности. Не смешно ему вообще ни разу. Волком смотрит капитан.

То ли он эльвов ненавидит со страшной силой, то ли ещё что. Но я понял — добра от нового начальника не жди.

* * *

"Тысяча двести двадцать четыре... Тысяча двести двадцать пять... Тысяча двести двадцать шесть... Каретный сарай. Тысяча двести сорок, поворот... Тысяча..."

Сколько я накрутил шагов вокруг особняка нового хозяина, пока считать не начал, трудно сказать.

Дом только с фасада кажется пафосной штучкой, позади него всё как положено: и конюшня, и каретный сарай, и домик для прислуги. Всё небольшое, аккуратное, но оно есть — куда без этого. Подземных гаражей тут пока не придумали, а лошадь держать в подвале или, скажем, на верхнем этаже — такое себе занятие.

Новый начальник — Матвей Прокофьевич, помахавшись со мной, маленько успокоился и дал указание обойти территорию. Всё осмотреть, проверить, изучить. Чтоб потом с закрытыми глазами, даже в самой полной темноте и на ощупь не перепутать.

Как он сказал: "Глаза повыбьют, а чтоб всё одно видел!" И до темноты велел не

возвращаться.

Ладно. Он начальник — я дурак. Буду я начальник — он станет дурак. Но до этого дожить надо.

Совсем стемнело. Ткнулся я лбом в угол конюшни (двадцать пять шагов на север, поворот на девяносто градусов, ещё тридцать семь шагов), постоял немного. Хватит. Пора на боковую. Мне эти сараи и нужники теперь в кошмарах будут сниться.

Место для ночёвки мне отвели в господском доме. Управляющий во время экскурсии растолковал, что обычная шелупонь в домике отдельном живёт. Есть ещё домишко для орков и гобов — они тоже здесь имеются, на конюшне и для тяжёлых работ. Живут отдельно от людей, совсем с краю. Ну а те слуги, что рангом повыше — те к хозяевам поближе. Личный слуга, доверенная служанка и личный охранник.

До личного охранника я пока не дотянул, нет мне ещё полного доверия. Но с простым народом надо дистанцию держать, ибо охранник — лицо особо доверенное и к хозяйским делам допуск имеет.

Короче, опять я стажёром стал. Только теперь у частного лица.

Добрался до своей каморки — она на первом этаже оказалась, под лестницей — и спать завалился.

Проснулся резко — шум какой-то. Совсем рядом. А мне муть снилась всякая, про мою Верочку — что она, вся такая красивая в передничке горничной, пыль с рояля сметает. А господин Филинов её ухватил и лапает... по всякому. Подскочил я на лавке, со сна так и подумал, что Верочка кричит.

Выскочил из каморки своей — мама дорогая!

Нет, это не Верочка с хозяином. Большое, мохнатое, страшное. Прёт на меня, ревёт так, что стены дрожат.

Честно, я едва в подштанники не наложил от испуга. Медведь. Здоровый такой, косматый, глаза горят, рычит страшно. А у его ног женщина съёжилась, руками голову закрыла и визжит так, что медвежий рык заглушает.

Если бы я до этого не видел, как наш гоб в собаку перекидывается, точно бы обосрался. Но если другой человек от испуга столбом стоит, мама выговорить не может, то я только злее делаюсь.

Вот и сейчас — смотрю, а медведь-то не настоящий! По шерсти искры синие прыгают, вроде блох, но не блохи, а вроде тех, когда мы с гоблиншей колдовали. Лечили друга моего. У неё тогда ладонь прозрачная стала, и синие искорки так же прыгали.

Магия! Не зверь это, а мираж, иллюзия. Обман.

Пригляделся, вижу — медведь немножко просвечивает, и сквозь шкуру мохнатую виден силуэт вроде человеческого. Только плечи очень уж широкие, шея короткая, и голова как чугунок. Орг, вот кто это!

А медведь поддельный меня увидел, на дыбы поднялся, лапы растопырил, пасть разинул — вот-вот сожрёт. Пасть огромная, глаза как фары, жуть жуткая. Хоть и мираж, а страшно до дрожи.

Ну, я портки подтянул, шагнул к нему. Он ревёт, ко мне лапы тянет, когтищи растопырил, а я руку в пасть разинутую сунул и за язык его ухватил.

Это со стороны кажется, что за язык. Пальцы схватили нос орочий, что внутри прозрачной головы медвежьей прятался. Ухватил я орка за нос и давай крутить. "Сделать

сливу" — называется.

Попытался он вырваться, а я держу крепко. Ещё для верности шагнул вплотную и за ухо другой рукой цапнул.

Ну орг не стерпел, обхватил меня и давай дубасить, по спине и по плечам. Со стороны, наверно, зрелище что надо: чувак в одних подштанниках медведю голыми руками пасть рвёт. А я прижал орга к стенке и шепчу, тихо, чтобы только он слышал:

— Ты на кого хвост пружинишь, желтопузый? Старшую кровь не признал?

Это я наудачу бросил: вспомнил, как наши гоб с оргом Альфрида боялись и уважали. Да ещё в учебнике, что я пигалице подарил, об этом намекали. Что прибыли орги и гобы вслед за эльвами, и были они их ниже — как слуги или вассалы.

Сработало. Орг как услышал, что я сказал, затрясся весь, колотить меня перестал. А иллюзия пропала.

Косматая шкура на клочки распалась, в воздухе растаяла, как дым. Лапы, когти, морда огромная с горящими глазами — всё исчезло, только орг остался. Один из слуг, что живут в отдельном домике во дворе, сразу видно.

Отпустил я его.

Женщина, что на полу у лап фальшивого медведя дурью кричала, руки от лица отвела, улыбается. А это одна из девушек-служанок оказалась. В одной ночнушке, ноги голые, коса растрёпана, рот до ушей. Смешно ей.

Смотрю — а за медведем вся компания собралась. Тут и лакеи, и служанки, и даже господин Филинов. Но тот на лестнице стоит, за перилами, вроде нет его. Но тоже ржёт как конь.

Отряхнул я руки, говорю:

— Весело тут у вас. В следующий раз двух медведей приводите. Или трёх.

Фыркнул господин Филинов, развернулся и вверх по лестнице ушёл — досыпать.

Девчонки хихикают, друг дружке шепчут что-то и на меня зыркают.

Матвей Прокофьевич стоит в сторонке, и взгляд у него хуже чем у недавнего медведя. Потому что медведь тот ненастоящий. А в глазах у начальника смерть моя — самая реальная.

Мы ехали бодрым шагом. Хорошие лошадки у моего нового босса, резвые, ладные, одинаковой масти — как близнецы. Идут ходко, пофыркивают, радуются прогулке.

Босс на сиденье экипажа с удобством устроился, меховым пледом ноги прикрыл, важный такой. Сидит, окрестности озирает с хозяйским видом.

Рядом с ним Матвей Прокофьевич, глава охраны. Я с кучером, впереди. На запятках орг давешний, тылы прикрывает.

Поднялись утром рано, и покатили.

Мне Матвей оружия не дал, хоть я и охранник. А сам револьвер взял, я видел у него на поясе, под тулупчиком.

Едем по важному делу. У босса здесь заводик небольшой, рядом с заводом — посёлок. Там рабочие живут. Вот и едем — с проверкой.

Вокруг лес весь повырублен, а деревья на постройку этого самого заводика и пошши. Был лес — стал прогресс.

Да ещё подвозят, из соседнего лесочка, откуда звук топоров раздаётся. Пока мы с проверкой ходили, телеги со стволами свежими подкатывали одна за другой. Понятно — здесь доски делают, и прочий материал для строительства.

Заводик работает исправно, рабочие — почти все поголовно — гобы и орки, носятся как угорелые, стараются. Тощие, оборванные, но работают, словно черти.

Я спросил потихоньку, сколько получают, мне сказали. Услышал я, аж поперхнулся. Эх, думаю, обнаглел Димка Найдёнов, когда десять рублей в неделю требовал. Люди, то есть нелюди, за копейки работают и рады. Вон как надрываются. А что делать — в городе работы нелюдям мало, в деревне и того меньше. Не всем же грабить — кошелек чужих на всех не напасёшься.

Босс доволен остался, старшего похвалил, и поехали мы дальше. Но не к себе домой, а по дороге вдоль лесочка.

Едем, господин Филинов озирается, зубом цыкает — как на конфетку.

— Эх, — говорит, — какое место хорошее! Вот этот бы участок, да другой, что по соседству, купить! Я бы развернулся.

— Позвольте спросить, — тут я не выдержал, — что бы вы сделали — ещё одну лесопилку?

— Нет, лесопилка у меня уже есть. Одной достаточно, — буркнул Филинов. — Настоящий завод построить хочу. Станки поставить, корпуса каменные, к ним бараки для рабочих. Чтоб из города не возить.

Оживился босс, меховой плед откинул, руками размахивать стал.

— Зачем в городе нищету разводить? Гобам и оргам запрет дан лишнего плодиться — так они тайно. Наплодят детишек, те на улицу — воровать, милостыню просить. А кто и грабить. У меня же все при деле будут.

— Правильно, — говорю.

— Вот, ты понимаешь, не зря в университете штаны протирал! — горячится Филинов. — А наши власти не желают понимать. Что им — именице фамильное есть, пшеница растёт, скот плодится — и ладно. Раз в год по весне эльвы прикатят, над земличкой поколдуют — на урожай, и все довольны. А что земля родит всё хуже, так что — на наш век

хватит!

— Так если хватает... — засомневался я.

— Сегодня хватает, завтра нет! — отрезал босс. — Сегодня мы на коне — всему миру пшеницу продаём, в золоте купаемся. А они там, у себя, пока мы спим сладко, машин понаделали, без всякой магии. У нас в городе кто на авто ездит? А? Вот то-то и оно. А у них скоро каждый сможет. Вейлки, сеялки, того гляди, пахать будут не лошадью, а железом! Тут нам и конец придёт.

— Почему это — конец? — спрашиваю.

— А потому. Не нужны мы им станем, с зерном своим. А не нужны, так и деньги — всё. Сядем мы на жопу, будем лапу сосать. Бери нас голыми руками...

— Так что же вы там, наверху, не скажете, — говорю. — Это же ясно, как дважды — два.

Засмеялся Филинов, аж затрясся весь.

— Молод ты ещё, хотя и с дипломом! Думаешь, всё по уму да по науке в мире делается? У каждого свой интерес. Мне вот участок нужен, чтоб земля, да возле реки, да с лесом. Кто мне её даст? Эльвы здесь право имеют, самый лакомый кусок под себя взяли, травинку сорвать не могли. Им волю дай — лес будет расти от края до края, и ничего в нём не будет, кроме волков и медведей с лосями.

Тут я даже и возразить не смог. Послушать босса, так он везде прав, а другие дурачье, как на подбор. А Филинов разошёлся, так и сыпет:

— Наши эльвы, конечно, самые лучшие. За границей таких не сыщешь. У них там, за границей, всё больше орги и гобы мелкие, самой вредной породы. Наша община инородов самая большая и для власти много делает. Тут не поспоришь! Никто им не указ, кроме государя. Захочет старший эльв, благородный господин Домикус, чтобы лес стоял вечно — он будет стоять. И государь одобрит, потому что старший эльв для него — первый советник и лучший друг.

— Так что же, — говорю, — выходит, эльвы там, в столице, не желают прогресса?

Филинов плечами пожал. Меховым пледом прикрылся, сказал сухо:

— Что для нас прогресс — для них хрен собачий.

И замолчал. То ли запал иссяк, то ли пожалел, что с простым охранником разболтался.

Сделали мы круг по полям, по лесам, и назад погнали. С ветерком. Лошадки обрадовались, кучер — пожилой гоб — им насвистывает, как разбойник. Копыта стучат, рессоры поскрипывают, деревья по сторонам так и мелькают. Эх, хорошо!

Ближе к дому дорога глаже стала, мы ещё припустили.

Подкатали лихо, а там у ворот уже карета, запряжённая вороными, тоже подкатывает — со стороны города. Хозяйка приехала.

Воронье — во двор, карета встала у крыльца. К ней тут же слуги подскочили, ступеньку откинули, дверцу распахнули. Лакей с запяток соскочил, руку подал хозяйке.

Хозяйку, жену босса, я первый раз видел ещё когда мы с Бургачёвым обход делали. Ничуть не изменилась — такая же бесцветная, одежда тёмная, сухарь-сухарём дамочка.

За ней из кареты служанки попрыгали, им-то руки никто не подал. Все с коробками, свёртками, сумками всякими. Конечно, в городе были, по магазинам прошлись, не иначе.

Смотрю — Верочка моя тоже с ними. И на руках у ней собачка мелкая. Глазками блестит, язык высунула, сопит довольная.

У меня камень с души свалился — с грохотом.

Как мы эту собаку из пушистого шарика в стриженую жучку превратили, словами не передать.

Тогда, на Верочкиной квартире, я газету прочитал, а там чёрным по белому написано: ищут собачку пушистую, белой масти. Кто найдёт, тому награда и благодарность.

Ещё бы! На собачке кулон висит — миллион денег стоит. И что делать теперь? У нас эту собачку с руками оторвут, как только увидят.

Подумал я, мозгами пораскинул, послал орка нашего в лавочку за краской. Растолковал ему, что купить надо, он кивнул и побежал.

Прибежал обратно, принёс свёрток. Верочка мне помогать стала. Она поначалу собачку отдать хотела обратно хозяевам.

Говорит:

— Жалко пёсика, такая милашка!

Я ей:

— Собачка свидетель преступления. Она с места кровавого сбежала. Того, кто её принесёт, первым и повяжут. В подвал полицейский отведут и допрашивать станут, с пристрастием. Я в полиции служил, знаю.

— Что же делать? — Верочка спрашивает, а у самой уже слёзы на глазах — всех жалко, и меня, и псину пушистую.

— Думаю парикмахера позвать, — отвечаю. — Который меня стриг.

Тут Верочка меня обломала:

— Что вы, Дмитрий Александрович! Нельзя к парикмахеру, они там все великие болтуны! Мигом по объявлению побежит, и собачку за награду отдаст, и вам худо будет.

Опа, думаю, а подружка моя понимает, что к чему.

— Ладно, — говорю. — На дому красить будем.

Короче, стали мы псину красить. В радикальный чёрный цвет.

Возились, возились, сами перемазались, смотрим: не чёрная у нас собака получилась, а какая-то рыжая с зелёными подпалинами. Срам смотреть.

Что делать? Взяла моя подружка ножницы и давай собачонке шерсть выстригать. Под пуделя. Через час не узнать стало псину. Был шарик пушистый, стала колбаска на ножках. На хвосте клочок болтается, на груди, ногах — и на голове немного. А спина и пузо все голые. Креативненько вышло.

— Ой, а что это у неё на ошейнике красивое такое? — Верочка спрашивает.

Блин блинский, думаю, куда ж кулон спрятать? После стрижки его даже лучше видно стало.

— Это для красоты, — отвечаю. — А что же собачка у нас такая лысая получилась? Холодно ей будет!

Это я на жалость девушке давлю.

Она:

— Ой, сейчас сделаем!

Вытащила откуда-то муфту меховую (девушки в них ладошки зимой прячут, чтоб не мёрзли), дырки для лап ножницами вырезала, подогнула, подвернула, подшила кое-где. И на собачонку стриженую натянула. Смотрю — совсем другая собака стала. И кулон под муфтой почти не видно.

Тут наш орк внезапно помог. Послушал он нас, как мы секретность обсуждаем, взял с комода пучок ниток, краски зачерпнул — она загустела на холоде, ещё что-то до кучи прихватил. В ладонях помял, подошёл, присел над собачкой, кулон в лапищи свои взял.

Потискал кулон, а сам глаза прикрыл, бормочет что-то.

Руки отвёл, мы смотрим — вместо кулона брелочек болтается, в виде сердца. Красный, цветными нитками перемотанный, но с виду красиво.

— Вот, — говорит, а сам улыбается во всю пасть. — Подарок. Девушке. На память. Я такой дарил. Могу делать, дарю. Вот.

Да это же он свою магию применил. Как там молоденькая гоблинша сказала: у него дар слабый?

Слабый, зато полезный.

— Молодец, — говорю. — Ты хороший орг.

Он обрадовался.

— Спасибо, господин Дмитрий! Рад стараться!

Сочинили мы историю для хозяйки, жалостную, про собачку. Верочка сказала, что жена босса хотя и злая и к людям недобрая, но животных любит. Побольше людей. И если собачонку увидит, не устоит — возьмёт.

Так оно и вышло.

Выбралась хозяйка из кареты, в дом направилась. Все слуги и служанки за ней поскакали, покупки тащат.

Мы тоже выгрузились из экипажа, а господин Филинов повернулся к своему начальнику охраны и говорит:

— Слышь, Матвей Прокофьевич. Я нотариуса из города вызвал, со всеми бумагами. Будем новенького твоего заклинать. Подготовь.

Развернулся и на крыльцо — вслед за женой.

Матвей его выслушал со всем почтением:

— Слушаюсь! — говорит.

Ко мне повернулся, всё почтение пропало. Волком смотрит.

— Заклинать? — спрашиваю. — Зачем?

Оскалился он, ответил:

— По твою эльвийскую душу нотариус. С ним маг придёт, поколдует над тобой. Был ты инород поганый, а станешь наш — со всеми потрохами.

А сам ухмыляется — мерзко так.

У меня мурашки по коже побежали, с кулак размером. Как это — со всеми потрохами?

С утра дурдом в доме Филиновых. Все бегают туда-сюда, суета страшная. Лакеи с ног сбились, служанки носятся, блеск наводят на паркет. Перила полируют, стёкла натирают — аж скрипит.

Во дворе тоже беготня, орги с гобами карету вытащили, возятся вокруг, лазят под ней и на ней — техосмотр проводят.

Лошадок обихаживают, хвосты им чешут, гривы чуть не как в парикмахерской на щипцы завивают. Шум, гам, суета сует.

Толстая тётя-служанка с пачками белья бегают, раскалённым утюгом размахивает, лицо зверское — не подходи, убьёт. Хозяйкины вещички готовит, бельишко всякое, юбки нижние, панталончики, корсеты, что там ещё у них. Молоденькие служанки — и моя Верочка в том числе — с платьями наперевес носятся, примеряют на хозяйку. Хозяйка перед зеркалом вертится, то ей не так, и это не эдак.

Прикатила коляска из города, с разными людьми, все в деловых сюртуках.

Коляска перед крыльцом остановилась, из неё мужики в сюртуках выбрались. Лакей здоровенный, который на шкаф похож, их встретил, в дом пригласил — всё как положено.

Матвей наш, ещё не рассвело, уже весь периметр obeжал, везде заглянул, и теперь с боссом отирается. Меня послал вместо себя бегать. Вид такой при этом — "глаза бы на тебя не глядели, морда эльвийская, иди делом займись, что ли".

Я тоже побегал, куда деваться. Он начальник, я... ну ясно, кто.

А что делать, уже весь дом знает: нынче благородное собрание принимает высоких гостей. Все большие люди нашего города и окрестностей собираются в здании дворянского собрания, где будет дан небольшой, но пафосный банкет. Перед банкетом будут речи говорить, всё про процветание.

Прибудут в собрание высокие гости во главе с важным чиновником из столицы. Он здесь уже неделю как гостит. И вот наконец решили ему банкет с деловыми речами устроить. Чиновник этот — его сиятельство граф Бобруйский. Апри нёмособый гость — высший эльв из дома Домикуса.

Благородный эльв зовётся Элефор ан Альбикус, и он при графе Бобруйском значится как правая рука. Хотя, если по правде (и по огромному секрету) сказать, это не эльв при графе, а граф — при нём.

Господин Филинов обязательно на собрание пойдёт — в числе видных деловых людей нашей губернии. Поэтому в доме суета такая. Чтобы перед благородными гостями лицом в грязь не упасть.

Дамы в собрании тоже будут. Хотя его сиятельство граф Бобруйский по делу приехал, супругу всё же с собой прихватил. Потому что женское дело суть благотворительность, и жена графская этой благотворительностью всю занимается.

Ну и наши местные дамы туда же — не отстают.

Поэтому жена нашего босса накануне по магазинам поехала, всего накупила, и теперь наряжается. Чтобы тоже в грязь лицом не ударить — перед подругами.

Но пока что суется в основном слуги — так, что пыль столбом.

Я в дом только заглянул и сразу выскочил. Хожу, шаги машинально считаю, вдоль и поперёк.

Возле конюшни и каретного сарая орки с гобами всюду суетятся. Смотрю, кучер давешний, пожилой гоб, стоит. Тоже запарился весь. Перед ним мелкий зелёный мальчонка-гоб лошадку водит туда-сюда, а пожилой глядит зорким глазом, проверяет.

Подошёл я, поздоровался.

Кучер голову наклонил в ответ:

— И вам утро доброе, господин.

— Хороши лошадки, — говорю.

Это для заправки разговора. Не спрашивать же, какой нынче опорос в курятнике и хорошо ли свёкла заколосилась.

— Хороши, — отвечает гоб.

— Славно вчера в упряжке бежали, — я ему с одобрением. — С ветерком, и не устали нисколько.

Гоблин оживился, закивал:

— Наши лошадки лучшие в округе! Что серые, что вороные!

— Вороные — это хозяйки?

— Да, госпожи. Госпожа редко по округе ездит. Всё в город, по делам.

— Жаль, что редко. Красивые.

Гоблин ушами помотал:

— Нет, не жаль. Вороная лошадь с норовом. В лесу зверь всякий, как выскочит — лошадку испугает. Лучше в город.

— Что, были случаи? — спрашиваю.

— Всяко бывает, — гоб плечами пожал, нос сморщил. — Серые вон как брыкались давеча думал, не сдержу.

— Это когда же?

— А когда хозяин в общину ездил, с ельвами разговоры говорить. Он им деньги мешками возит, всё на благотворительное. Взамен леса просит, чтоб рубить. А они ни в какую.

Гоблин фыркнул, ушами потрянул. Я спрашиваю:

— Что, не вышло у него?

— Да как сказать, не вышло... Лес рубить не дали, а девку красивую подсунули. Чтоб не обидеть.

— Красивую?

— Они все красивые у них. Да за бесплатно ещё — как не взять?

— А как же хозяйка? — спрашиваю. — Она не обиделась на девку-то?

Гоблин нос почесал, плечами пожимает:

— Может, и обиделась. Дело женское.

— А лошадки что брыкались, серые? Не хотели в общину бежать?

— Так то потом было. Девку вскоре на вороных в хозяйкиной карете домой отправили. А потом едем — лошадки как задрожат! Да как дёрнут — будто волка увидели. Не, не волка — медведя.

— Так в лесу их много, — говорю.

— Здесь, возле дороги, не бродят они. У дороги парк для господ сделан, для гуляния. Какой там медведь? Разве что задрали кого, да тушу подтащили. Лошадки-то кровь чувствуют... Или недобрый человек бродил. Недобрая душа — она всегда животину пугает...

Тут гоблин встрепенулся, руками замахал:

— Как лошадку ведёшь, безрукий сын своей матери, не зевай, поворачивай!

Это он мальцу гоблинскому кричит.

Гоблин к лошадям ринулся, а я дальше пошёл, по периметру.

Сколько шагов насчитал, самыми разными путями, можно с закрытыми глазами идти — не заблудишься.

Все входы-выходы осмотрел, везде нос сунул. А что — я охрана, мне по службе положено.

Потом из дома лакей выскочил — тот самый молоденький парнишка, и замахал мне.

— Пожалуйте в дом, сударь охранник, вас господин зайти просят!

Вошёл я в дом, там вроде потише стало. На лестнице запахом горячего утюга тянет, но уже не так. Горничные притомились, по углам попрятались.

Я в кабинет хозяина поднялся, а там уже не только Филинов сидит, с ним гости, что недавно прикатили.

Я вошёл, они обернулись.

Все солидные мужчины, в сюртуках. Сюртуки чёрные, не то что в заведении, где мы не так давно с Альфридом играли — там народ в какие только цвета не рядился. Здесь же строго всё, по делу.

Один — пожилой солидный дядя в круглых очках, сидит за столом напротив моего босса, перед ним бумаги в аккуратной папке.

Обернулся, на меня посмотрел поверх очков, спрашивает:

— Это и есть ваш работник, коего оформить надобно?

— Он, — отвечает Филинов.

— Хорошо. Тогда приступим.

Пожилой знак сделал, один из мужчин, что в кабинете стояли, ближе подошёл. Тоже весь в чёрном, рубашка белая, на шее галстук подбородок подпирает. А я смотрю — лицо у него чем-то на Альфрида похожее, узкое такое, глаза раскосые слегка, светлые. Волосы тоже светлые, только подстрижены коротко, и уши видно хорошо. Хрящеватые такие, не то чтобы острые, но видно, что не совсем человеческие.

Полуэльв руку себе за лацкан запустил, вытащил брелок на цепочке. Брелок вроде монеты, блестит, покачивается.

Поднёс брелок к столу, а там пожилой в очках коробочку металлическую раскрыл, похожую напортсигар. Но там не сигареты с папиросами лежали, а блестящие штучки вроде заострённых палочек, которыми кровь из пальца берут.

Мой босс руку подал, пожилой дядька ему палец уколол, капельку крови выдавил и на монетку капнул.

Полуэльв тут же над капелькой пошептал, и она зашипела, растворилась — будто не было. А монетка цвет поменяла.

Пожилой ко мне обернулся.

— Дайте вашу руку, — говорит. — Не бойтесь, больно не будет.

— Что это? — спрашиваю господина Филинова.

— Как что, — отвечает мой босс. Сам за столом сидит, важный такой. — Вступление в должность. Всё же заранее обговорено — или забыл?

А, вон оно что. Конечно. Как там Матвей сказал: был инород, а станешь нашим, со всеми потрохами?

Ладно, деваться некуда. Взятся за гуж — не говори, что не муж.

Протянул я руку.

Этот ушастый мою руку кверху ладонью повернул, брелок блестящий в неё вложил и своей ладонью накрыл. Сам мне в глаза смотрит пристально, аж неприятно стало. Посмотрел, посмотрел на меня, прижмурился и бормотать стал непонятное что-то.

Сначала ничего не было, потом по руке мурашки побежали, всё сильнее.

Чувствую — жарко, а руку вообще как над костром держат, вроде шашлыка.

Хотел ладонь отдернуть, но не стал. Вдруг, если руку вырвешь, плохо будет. Как в одной книжке написано — если вырвешь руку, то ты не человек. Животное, которое и прикончить не жалко.

Держусь, терплю. А жара всё сильнее, и чувак этот бормочет не переставая, раздражает.

Такая злость во мне поднялась, даже сам удивился. Вообще я парень мирный, понапрасну на людей не кидаюсь. А сейчас так и прибил бы. Особенно вот этого, с мордой полуэльфа.

Разозлился так, что аж пар из ушей вот-вот пойдёт. И сразу легче мне стало — жар стал утихать, рука уже не шашлык, а так — терпимо. Выдохнул я с облегчением, а мой босс голос подал:

— Ну что, закончили вы? Мне ехать пора.

Ушастый кивнул, а сам на меня смотрит странно, будто бы с испугом. И пальцы у него, что мою ладонь сжимают, подрагивают. Со стороны не видно, но я-то знаю.

— Всё в порядке? — это пожилой в очках спрашивает.

— Да, — ушастый ответил.

Руку разжал, ладонь мою отпустил. Брелок взял и обратно в карман засунул.

— Ну, раз всё в порядке, давайте закончим процедуру, — сказал пожилой в очках.

Бумагу в своей папочке разгладил, перо в чернильницу окунул — я такие только на картинках видел — и мне протягивает:

— Распишитесь, милостивый государь. Вот здесь и здесь.

Расписался я, ладно хоть не кровью заставили. Обычными чернилами. А перо, наверное, для внушительности. Типа — традиция.

Забрали они бумаги свои, раскланялись.

А я стою, ничего не понимаю — и где эффект? Что я должен чувствовать-то?

Господин мой в колокольчик позвонил, сказал лакею:

— Лошадей подавай. Едем.

Глянул на меня, ухмыльнулся во весь рот:

— Что, ваше благородие, обмочил портки? Напугался, вижу, вижу. Да ты не смущайся. Был полицейский, стал нашенский. Заклятие это крепкое, проверенное. Зато теперь ты мне никакого худа не сделаешь. Тебе же лучше!

Засмеялся и пошёл из кабинета.

— За мной, Тузик!

Постоял я, посмотрел ему в спину и пошёл следом.

Прикатили мы в собрание. Особняк этот я в городе раньше видел, только внимания особого не обращал. А сейчас вокруг не протолкнуться. Кареты с гербами на дверцах туда-сюда одна за другой подкатывают, кучера бранятся, лакеи так и бегают. Из карет важные господа выходят, дамы за ними — все разнаряженные, как куклы из коробки.

Господа Филиновы на вороных подкатили. Наш босс с хозяйкой, все из себя важные, и мы с ними. Мы — это Матвей, я и всякая обслуга: кучер, лакей, ещё лакей — размером со шкаф.

Лакеи с кучером возле кареты остались, а мы с Матвеем за хозяином пошли. Оба мы одеты слугами, но по-разному. Матвей в ливрее, вроде как доверенный слуга со всякой мелочью в несессере, что хозяину может пригодиться. А я в сюртучке тёмном и галстук, приглаженный, аккуратный и серьёзный до невозможности. С папочкой бумаг в руках — личный секретарь.

Это хозяин придумал. "Ты же, — говорит, — в университетах обучался. Вот и будешь за мной бумажки носить". Сказал, а сам смеётся. Ну и ладно. Зато я теперь личный охранник на полном доверии.

Как только меня тот эльвийский хмырь обработал, а я бумагу подписал, все смотреть по-другому стали. Раньше чужой был, который в дом по знакомству втёрся, а теперь своим сделался. Можно при мне что хочешь творить, всякое болтать, сплетничать и вообще не стесняться.

Я, пока в город ехали, спросил у своего начальника — что будет, если заклеть на верность нарушить.

Филинов только усмехнулся. "Тебе капитан расскажет". На Матвея глянул, тот поморщился, но сказал, нехотя так: "Даже не пробуй. Рыбу ловил когда-нибудь? Видел, как щука крючок заглатывает, до самой жопы? Его к себе тянешь, он наружу лезет, щуку наизнанку выворачивает... Вот и с тобой то же будет".

Сказал, к окошку отвернулся, рот сжал — как чугунный ящик захлопнул.

Так и не добился я больше ничего. Но и этого хватило. Всю оставшуюся до города дорогу представлял, как щуку через задницу выворачивают.

Внутри особняка уже народу полно, все нарядные, важные, кучкуются по интересам. Наш босс, как вошёл, сразу принялся руки пожимать, кому сильнее, а кому не очень. Матвей за ним вышагивает, мрачный как туча. Не нравится ливрея бывшему капитану.

А мне что, я тут как в музее, даже лучше — ещё и деньги платят.

Хозяйка, жена босса, с подружками скучковалась, там такие дамы — в три объёма. Наша ещё ничего, скромно так. Стоит прямо, будто кол проглотила, улыбается — но видно, что по обязанности. И правда, недобрая дамочка.

Шумели недолго. Высокое начальство подкатило, и сразу по залу разговоры как выключили.

Я аж на носочки привстал и шею вытянул — так хотелось настоящего столичного графа увидеть, а главное — высшего эльфа. Пускай он даже эльвом здесь называется.

Граф оказался обыкновенным человеком. Росту небольшого, на вид лет сорок — сорок

пять. Пузико сытое выпирает, лицо помятое, но строгое. Усы пышные, бородка коротко подстрижена. На шее лента орденская, цветная, на ней блестящая штукавина болтается. И чего все так перепугались? Не страшный совсем.

За блестящим орденами графом шёл человек — выше его на голову, худой, в серой мантии, ну прямо кардинал Ришелье.

Повернул он голову, глянул на собрание, тут я и замер. Вот он, высший эльф.

То, что я принял за мантию, оказалось чем-то вроде плаща. Плащ серый, сколот серебряной фибулой на груди. Под плащом простой белый балахон до пола, вроде платья. Балахон перетянут поясом, простым, кожаным. По коже пояса рисунок — не то выжжен, не то выдавлен — какие-то загогулины.

Ну, одеться в плащ с балахоном любой может. Эльфийские уши тоже прицепить можно. А вот выражение лица не подделаешь. Оглядел высший эльф всех, кто в зале, как тараканов каких, и отвернулся.

А я смотрю, и такое ощущение у меня, как тогда — на поляне. Когда казалось, что все вокруг артисты, реконструкторы, косплейщики. Что нереальное, ненастоящее всё.

Разве что артист, что эльфа играет, должен быть Артистом — с большой буквы А. Нельзя такое просто сыграть, кишка тонка.

Он как почувствовал, что я смотрю на него — обернулся. Пробежал глазами по головам и со мной взглядом встретился.

Кто говорил — обмочился, ваше благородие? Кто говорил — шуку через жопу? Всё это ерунда. По сравнению с одним высшим эльвом, если он захочет поиграть в гляделки. С тобой.

Чувствую — ткнулось в меня невидимое копьё и держит, не отпускает. Стою, дёрнуться не могу, ни вздохнуть ни охнуть. Как бабочку пришили иголкой и рассматривают — годная тварь для коллекции или нет.

Долго он меня так рассматривал, не знаю. Как в обмороке был — ничего не помню, не дышу, вижу только глаза — светлые, прозрачные, как вода. Неудивительно, что гобы и орги так боятся. Даже полукровок, тех, у кого кровь разбавлена.

Отпустило резко, как кол из груди вынули. Эльф отвёл глаза, к его сиятельству графу повернулся. Только тут я воздуха плотнул. Оглянулся — а времени всего секунда прошла. Ничего не изменилось.

Постоял я немного, подышал и стал пробираться через толпу.

Все видные люди возле графа собрались, представляются. Выстроились, те кто поважнее — вперёд. Мой босс где-то в серединке болтается, затёрли его. Это дома он важный до невозможности, а здесь один из многих.

Матвей, смотрю, возле него отирается, охраняет. Ну и что в таком месте случиться может? Разве что один из этих богатых старикашек пырнёт босса лорнетом. Или на ногу наступит.

Воспользовался я суевой и бочком проскользнул в коридор. Вроде как нужник поискать.

Нашёл. Не зря изучил план здания. Мне его Матвей дал накануне. Капитан хотя и гад, и меня видеть ему поперёк организма, а дело своё знает.

Так что найти нужное место просто оказалось.

Зашёл, там никого. Конечно, все в зале собрались. Кто такое пропустит? Только тот, у кого дела поважнее.

Через полминуты услышал я шаги по коридору. Потом дверь прошелестела, открылась.

Вошёл кто-то. Я глянул — да. Это он, его высокородие заместитель полицмейстера собственной персоной. Весь блестящий, в мундире, орденах и аксельбантах.

— Здравствуйте, — говорю, — Викентий Васильевич.

Он зыркнул на меня — узнал, подошёл ближе, буркнул:

— И тебе не хворать, стажёр. Давай, докладывай, времени у нас пять минут.

Набрал я воздуха побольше, начал рассказывать: как с Альфридом познакомился, как карету грабили, как в карты играли на деньги.

Он послушал, покивал, рукой махнул:

— Знаю, знаю. Развернулся ты, стажёр. Во вкус вошёл, студентишко столичный, книжная твоя душа. Весь околоток на уши поставили. Смотри, допрыгаешься до каторги. Знаешь, сколько ко мне на стол донесений легло? Всё про ваши художества. Кто только не доносит про вас. Недавно месье парикмахер лично прибежал, с доносом, еле выгнал — со всем почтением. Не могу я вечно тебя прикрывать, с шайкой твоей.

— Ваше высокородие, — говорю, — вы же сами велели не стесняться...

Он вздохнул тяжело, кивнул — чего уж там.

— Давай, давай, не тяни. Мой гоб у двери стоит, амулет запустил, время, время! Пока амулет работает, никто нас не найдёт.

— Докладываю. По общинам инородов есть зацепка — небольшая. Община эльвов магию применяет, но закон, по слухам, не нарушен. Боятся. Единственная ниточка — есть сведения, что женщину-полукровку отправили в постель к Филинову. У него мотив против эльвов — они ему бизнес на корню рубят. Мотив есть у его жены — ревность. К тому же у неё характер подходящий — людей не любит, а уж нелюдей — тем более.

— Продолжай, — зам полицмейстера нахмурился, лоб почесал.

— Эти ниточки я сейчас разматываю. Стараюсь быстрее, но я только начал.

— Что по эльву твоему, как его — Альфрид?

— Он подозреваемый номер один. Очень уж типаж подходящий. Злобен, нелюдим, в гневе способен к насилию.

— Но? — бросил начальник. — Чего тянешь тогда?

— Сомневаюсь я. Никаких доказательств нет, и мотив неточный.

— Что значит — неточный? Он же из эльвов, магические штучки — это по их части.

— Это да. Мотив у него — преступление на почве страсти. Но — на почве страсти убивают сгоряча, чем попало. Кто же свою зазнобу в лес поведёт, станет круги вырисовывать?

— Кто знает, — буркнул Викентий Васильевич. — Эти эльвы со странностями все. Давай, возьмём его, и в подвальчике уже спокойно раскрутим.

— Нет, нельзя его сейчас брать. Он много знает, а если возьмёте, все ниточки оборвутся.

— Ладно, — нехотя сказал шеф. — Что ещё?

— Ещё мотив есть у самих эльвов. Настоящих. Одна версия у меня есть, но слабая — может, они не стерпели, что Филинов с их полукровкой дурно обошёлся? Или, может, не стерпели, что она к нему в постель легла? Да он ещё лес здешний вырубает со всем удовольствием. Вот и убили девушку своим способом — магией. Кто ещё так может? Заодно и Филинову нагадили — прямо под окнами.

Заместитель полицмейстера глаза выпучил, поглядел на меня не мигая секунд десять. А потом захохотал, аж затрясся весь.

— Да ты что, стажёр, с луны свалился?! Шутник, едрить твою в коромысло! Надо же такое удумать!

— А что такое, — говорю, — чем не версия?

Отсмеялся он, слёзы вытер, а сам покраснел весь — так развеселился.

— Фух-х, стажёр. С тобой не соскучишься. Если сказать больше нечего, так не выдумывай.

— Что ж так сразу — не выдумывай? — я даже обиделся чуток.

— А то, — веско произнёс шеф. — Эльвы не убивают. Никого, никогда. Это каждому ребёнку известно.

Я аж рот раскрыл. Ничего сказать не могу. Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу... Каждый ребёнок знает — здесь. А Димка Воронков не в теме. Ой, блин...

— Виноват, — говорю, — пошутил неудачно. Тогда вот ещё что: есть одна зацепка, но не чёткая.

— Это какая? — спрашивает шеф, а сам на часы смотрит. — Говори, не тяни.

— Узнал я, что в городе есть авторитет... важный человек среди криминальных элементов. Прозвище — Рыбак. Никто не знает, кто он, где живёт, но все его боятся. И ниточка у меня протянулась к нему до борделя, где "невинные лилии" работают. Проститутки эльвийских кровей то есть.

— И что? — мрачно бросил шеф. Веселье его как рукой сняло.

— А то, что девки эти под ним ходят. Если бы одна из них пропала, а её убийц искали из мести, я бы услышал. Но никто ничего не говорит и о мести за девку мёртвую не поминает. А ведь Рыбак этот очень мстительный тип. Нас в фонарями по всему городу ищут за то, что мы его карету подломили.

— Погоди, погоди, как — его карету? — впился в меня шеф. Смотрю, а он аж вспотел весь, лоб бисеринами пота покрылся. — С чего ты взял, что его? У этого борделя владелец имеется.

— Может и есть владелец — такой же, как в лавочке купца Алтуфьева, — говорю. — Подставной. А я своими ушами слышал, что все девки нашего города под Рыбаком ходят. И денежки эти наверняка его, Рыбака.

Посверлил он меня глазами, подумал. Лоб ладонью утёр.

— Ладно. Крути своего Филинова. Да не задерживай. Времени всё меньше. Египетство граф здесь надолго не задержится, а нам до его отъезда убийцу поймать — дело чести. Хоть в лепёшку разбейся, а найди доказательства. Хотя бы непрямые. А что с Рыбаком...

Шеф помолчал, вздохнул тяжело, бровями прикрылся.

— Этого в работу возьми, но смотри — не зарывайся! Если он такой резвый, как ты говоришь, оглянуться не успеешь, как перо в бок получишь, и концы в воду. Лучше полукровку своего трясни, да посильнее. Где он, кстати?

— Прячется. Но ничего, вещь-то у меня. Придёт.

— Хорошо. Молодец, стажёр. Работай. Я пошёл, а ты погоди.

Взглянул он ещё раз на часы, крышкой щёлкнул, кивнул мне и вышел.

Я постоял немного, выглянул — очень осторожно. Увидел спину шефа — тот уходил по коридору. За ним семенил гоблин — как видно тот самый, что с амулетом.

Гоблин обернулся — слух у них чуткий — глянул на меня и подмигнул. Я сунулся обратно и прикрыл дверь. Прислонился к стене, досчитал до двадцати и вышел вслед за

заместителем полицмейстера. Времени терять нельзя.

Выбрался я из нужника, обратно прошмыгнул. Мой настоящий шеф — Викентий Васильевич — уже с толпой смешался, среди блестящих мундиров и дамских платьев его и не видно. А господин Филинов, вижу — среди дворян местных стоит, и Матвей с ним.

Пожимание рук закончили, стали речи говорить. Много чего было сказано, и такими словесами мудрёными, не понять ничего.

Я больше на высшего эльва смотреть не стал, только так, краешком глаза. Страшно. На графа смотрел. Его сиятельство на трибуну поднялся, бумажку перед собой разложил, откашлялся. Все притихли, каждое слово ловят.

Честно говоря, я больше публику разглядывал, чем речи слушал. Такой маскарад не каждый день бывает. Сюда бы друга моего, Егора Жучкова с истфака. Вот кому радость была бы. Он бы всё обежал, всех пощупал на предмет аутентичности.

Эх, не того человека в прошлое занесло! Уж Егор бы знал, что делать. Он бы уже до государя добрался, со своими знаниями. Первым министром стал, орденами обвешался, как ёлка новогодняя. Зря, что ли, каждый год наряжается в свои старинные шмотки и по полям бегают с такими же ботаниками. А я что — только глаза таращу...

Смотрю — а мой босс, который Филинов, мрачный весь, губы кусает. Видно, речь графская ему не по нраву. Прислушался я — точно.

Его сиятельство всё про пшеницу да опорос топит — соловьём разливается. Как хорошо у нас в губернии с этим делом. Молодцы, говорит, хорошо ваше — то есть наше — зерно растёт. Лучшего качества, по цене немалой, давайте ещё! Наши деды, говорит, растили, и мы будем. А про механизацию или заводы какие — ни слова.

Мой босс как оплёванный стоит. Досадно ему. Даже мне досадно стало — за прогресс.

Потом был банкет, с шампанским и всякими закусками. Нам с Матвеем ничего не досталось, только слюнки глотали. А я вспомнил вдруг, что лакеям в эти времена давали после обеда господского с тарелки хозяйской подъедать — считай, вылизывать — и сразу аппетит пропал. Ну его, с шампанским, ананасами и рябчиками ихними. Обойдёмся.

После банкета наш босс ещё попробовал к графу пробиться — со своими прогрессивными идеями. Что-то толковал ему, бумажки в руки совал.

Но его сиятельство в бумажки не глядел, с боссом обошёлся как с мухой надоедливой. Короче, одно расстройство.

Так что, когда всё закончилось, поехали мы домой, как с похорон.

Филинов из собрания вышел мрачнее тучи, бумажки свои в руках комкает. Жена его молча за ним семенит, слово сказать боится.

Вышли на крыльцо, смотрю — среди карет машина стоит, антикварная. Ух ты, думаю — это какая же из двух? Та, в которой полицмейстер ездит, или той прекрасной эльфийки?

Но конечно, это полицмейстер оказался. Мы в карету садимся, а они вышли — сам полицмейстер Иван Витальевич и его зам.

Шофёр — тот, мордатый с усами — за руль усаживается, а начальники между собой что-то говорят. За ними ещё пара служаек тянутся — мой знакомый Бургачёв, тоже весь при параде, и один полицейский в штатском. Вроде я его где-то уже видел...

Пригляделся я, и чуть не ахнул. Это же мой знакомый гоблин! Тот, что одевается как человек.

Как я его раньше не узнал, сам не понимаю. Я же его видел давно, ещё в первый раз, на поляне. Тогда я как пришибленный был, не запомнил его. И потом, в магазине ювелирном, ведь это он был. Под руку с красивой гоблинкой, что на медика учится. Вот блин! Он это. И это он только что под дверью с амулетом стоял, пока мы с Викентием Васильевичем секретные дела обсуждали. Много ли гоблинов в полиции? Да один и есть, на все руки мастер. Пожилой, опытный, доверенный человек... то есть гоб.

Пошёл я за Филиновыми, машинально ноги переставляю, а сам мысли разные в голове кручу. Но Матвей мою задумчивость сразу пресёк — ткнул в ребро, мол, чего ворон ловишь, морда?

Залезли мы в карету, кучер вороных подбодрил, покатали домой.

Босс сидит, отвернулся от всех, в окошко смотрит. Хозяйка тоже не весёлая, но себя в руках держит. Она вообще дама с характером, и что у неё на уме, понять нельзя.

Так что, пока ехали, за всю дорогу никто ни слова не сказал.

Домой приехали — так же молча.

Филинов по лестнице поднимается к себе, по перилам ладонью постукивает со злостью. Ох, думаю, сейчас начнётся. И точно.

Поднялись немного наверх, слышу, он к жене цепляться стал. Начал с ерунды, а потом пошло-поехало.

Слышу, говорит: "Что это вы, супруга моя дражайшая, на благотворительность нынче столько денег положили? Или не знаете, как я, супруг ваш, за каждую копейку убиваюсь на производстве?"

Она что-то ответила, не слышно. Он ей: "Знаю, что за дела у вас! Кому это надо... финтифлюшки ваши!"

Она опять — бу-бу-бу, не разобрать. Он — ехидно так: "Да, деньги ваши. Вашего братца покойного денежки. Ваш братец наследство батюшкино прокутил на скачках да на бабах! Если бы я вовремя братцу вашему, мир его праху, по рукам не дал, где бы сейчас наследственные денежки оказались? А? На дне бутылки!"

Слышу, жена ему отвечает, голос повысила: "Не трогайте моего покойного брата! Он был благородный человек!"

Он ей: "Как же, благородный! Рюмка да бутылка — вот и весь герб!"

Она: "Не хуже прочих!" Он: "Мой герб хоть и простой, зато честный. Я его кровью и потом выслужил. Жизни не щадил. А вы что? За деньги купили, за презренный металл!" Она: "То-то вы этим презренным металлом так дорожите!"

Он: "Кто-то же должен. Не всё на ваших сироток да благородных девиц расходовать!"

Тут она как закричит: "На девиц?! На девиц, говорите, Антон Порфирьевич? На девиц?! Да как вы смеете мне, в этом доме, говорить такое!"

Ух, думаю, пошла жара. Как бы не подрались да не поубивали друг друга. Вот дело будет...

Застрял я на лестнице, прислушиваюсь. Уж очень разговор интересный у них намечается. Ну и на всякий случай — а вдруг правда подерутся? Кого ловить, если кувырком по ступенькам вниз покатится? Я бы на босса поставил, но кто знает.

Но драки не получилось. Слышу, покричали, покричали, да и разошлись в разные стороны. Он к себе пошёл, она — к себе. Спальни у них разные, так у богатых людей принято. Но это и понятно — кто захочет после такого скандала друг с дружкой обниматься?

Спустился я вниз, вижу — тень промелькнула. А это моя Верочка куда-то торопится.

Я за ней:

— Пойдите, Вера Афанасьевна, куда спешите? Не хотите отдохнуть, посидеть вдвоём?

У меня комната есть — отдельная.

Остановилась она, на меня смотрит, как на заградительный знак. Вот вроде ехать надо, а этот стоит, мешает.

— Простите, — говорит, — Дмитрий Александрович. Не могу задерживаться.

— Да пойдите, — я ей. — Неужели минуточки нет? Что за дела такие важные?

Хотел её за руку взять, она руку вырвала:

— Не могу, Дмитрий Александрович. Простите...

И убежала.

Остался я под лестницей в недоумении. Что значит — не могу? Наверное, у неё сегодня день неподходящий. У девушек бывает.

Что говорить, расстроился немножко.

— Что, — женский голос за спиной, — не везёт нынче, господин охранник?

Обернулся — а это тётенька-служанка, которой сороковник. Стоит, на меня смотрит — жалостливо так.

— Всё в порядке, — отвечаю. Ещё я тётенькам не жаловался. — Бывает.

— Вы не обижайтесь на неё, — она мне по плечу ладонью поглаживает, пылинки стряхивает. — Мы, слуги, люди подневольные. Судьба такая у нас, что поделаться. А если хотите...

Она придвинулась ко мне поближе, прошептала:

— Если что, вы ко мне приходите. Уж я вам помогу печаль унять. Не пожалеете.

Чего? Это то, о чём я подумал?

А она прижалась ко мне, вся такая пышная, тёплая, как булка из печки. Смотрит ласково и рукой всё поглаживает.

— А муж у вас что, — я еле выдавил из себя, так растерялся, — не будет против?

Она вздохнула:

— Муж у меня на заработки в столицу укатил, давненько уже. Считаю, я вдова при живом муже. Уж он там, небось, не скучает без меня... Да вы не стесняйтесь. Ко мне разные друзья приходят, кто с чем. У кого с женой разлад, у кого печаль душевная, а кому поговорить не с кем. Так и вы приходите. Я вам чаю налью, пирожков наделаю. У меня вкусные они — пирожки.

Откашлялся я, кивнул:

— Это... подумаю. Насчёт пирожков.

Она закивала, огладила меня как барашка какого, улыбнулась и ушла. Я ей вслед смотрю — а ничего тётка. Не старая вовсе и сдобная такая, упругая. Это я почувствовал, когда она меня к стенке прижала. Фух-х. Не успел на работу устроиться, а уже. Зажимают по углам, пирожками соблазняют. Куда бедному охраннику податься?

Чтобы остыть маленько, пошёл по дому шататься. Шаги считать, как во дворе. Кто знает, когда нужда придёт с закрытыми глазами в темноте кого-нибудь найти. А я не готовый.

Пока ходил, дом затих постепенно. Из кухни потянуло ароматом выпечки. Это наверняка пирожки, с начинками всякими. Эх, сейчас бы заточить парочку...

Пойти, что ли, правда к женщине этой? Не, Димон, нехорошо как-то. Верочка не

виновата, что у неё эти... как их — критические дни.

Обошёл дом внизу, выглянул на крыльцо — всё в порядке. Лошадки уставшие в конюшне отдыхают, карету загнали в сарай — до следующего раза. Над парком, что виднеется выше по склону, загораются звёзды. Тучи разогнало, небо такое высокое, и луна блестит.

Матвей неизвестно где ходит, может по двору — периметр осматривает. Или пошёл вместо меня пирожки лопать с чаем. Женщине-почти-вдове всё равно, с кем чай гонять.

Пошёл я наверх, чтобы о вкусном не думать. Сейчас пройду ещё маленько, и в кладовку загляну — там для тех, кто на ужин припозднился, всегда чего-нибудь вкусное оставляют. Меня уже просветили на этот счёт.

Поднялся по лестнице, иду тихонько. Я уже тихий шаг освоил — не слышно меня. Крадусь как привидение. Может, Дмитрий Найдёнов, бывший студент и выпускник школы полиции, так и до меня умел.

Прошёл мимо кабинета босса. Вспомнил, как недавно меня там заклинанием обрабатывали, аж вздрогнул. А вдруг подействовало? И я теперь к Филинову привязан, как собачонка на поводок?

Не заметил, как прошёл дальше, где спальня хозяйская. Пока представлял, как меня наизнанку будет выворачивать, если я заклятье нарушу, прошёл по коридору, сам не заметил, сколько. Остановился. Что это я встал? Вроде что-то услышал.

А это я до спальни хозяйской дошёл. Она недалеко от кабинета располагается. Стою, прислушиваюсь. Как-то странно хозяин храпит. Может, кошмар какой снится?

Нет, странное что-то... Ёлки, а если пробрался кто-то к нему, и душит? Что со мной будет — меня как щуку через жопу вывернет?

Короче, перепугался я. Как дурак, в спальню ломанулся. Вбегаю — картина маслом: господин Филинов в постели, весь в неглиже. Простыни скомканы, подушки повсюду валяются. На полу халат, под ногами — ночнушка. А с Филиновым, вся как русалка, с распущенными волосами, Верочка моя. Тоже в неглиже.

Ворвался я в спальню и застыл, как статуя. Стою, ничего сказать не могу, как заморозили.

А Филинов посмотрел на меня, да как гаркнет:

— Вон пошёл!

Постоял я секунду, потом развернулся и вышел.

Не помню, как по лестнице спустился. Смотрю — а я уже внизу. И запах пирожков такой соблазнительный.

Пожамкал я лицо ладонями, головой помотал. В голове — пустота. Боюсь лишнее движение сделать, чтобы чего не натворить. Пирожки. Да. Пошёл я на запах.

Захожу на кухню — там на столе уже миска стоит, пирожков полная. Самовар горячий, и запах выпечки с ног сшибает. А навстречу мне женщина эта, смотрит мне в глаза так ласково, и по плечу гладит. Говорит что-то, успокаивает.

Я что-то сказал, она ответила, доброе такое. Обняла, и всё говорит, говорит. Обнял я её в ответ, сам не знаю, что несу. Перед глазами Верочка стоит с Филиновым. А женщина меня обхватила и повела куда-то. Бормочет что-то ласковое. Пошёл я за ней, как лунатик. Верочке назло. Вкусные пирожки оказались. Что да — то да.

Господин Филинов вскрыл конверт. Нож для разрезания бумаг — дорогая штука из слоновой кости — шмякнулся на стопку уже открытых писем.

— Ага! — босс хлопнул ладонью по столу. — Так, так. Ничего, мы ещё покажем его сиятельству, почём фунт изюма... Ещё не вечер!

Поднял голову от бумажек и посмотрел на меня.

— Чего стоишь?

Вот змей. Сам вызвал, и сам спрашивает. Я уже минут десять маринуюсь у него в кабинете.

— Вы звали, я пришёл, — отвечаю.

— Ах, да, — говорит, — я и забыл.

Как подменили человека. Вчера злой был, как чёрт, на людей бросался. Сейчас сидит свежий как огурчик, весёлый, довольный, только глаза припухшие. Видать, ночь с моей Верочкой так подействовала.

Прибил бы гада. Да нельзя — кто же подозреваемого убивать будет? Подозреваемых любить надо, окружать вниманием, слушать каждое слово. Чтобы потом на скамью подсудимых посадить под белые руки — и вперёд, на каторгу. А то и к палачу в лапы.

Так что я вида не подал, что у меня всё внутри чешется придушить его. Встал у двери, ноги попрочнее поставил, руки сложил, лицо каменное — прямо как в фильме каком-то, про телохранителя.

— Ладно, — говорит босс. Нож для бумаг в руке повертел — ловко так, аж мелькает. — Рассказывай, с кем ночью спал?

Ничего себе. Наглость — второе счастье.

— С женщиной.

— Понятно, что не с женщиной, — фыркнул босс. — С кем?

— Вы меня для этого вызвали, господин Филинов? — отвечаю. — Желаете узнать, с кем ваши люди ночевать изволят? Тогда подождите, я списочек составлю и в лучшем виде принесу. У меня почерк хороший, залюбуетесь...

Покраснел он, хотел гавкнуть на меня, но не стал. Пальцами по бумажкам побарабанил, говорит:

— Туше. Мне нужно, чтобы люди мои работали как положено. Чтоб работу свою исполняли. Довольный работник — хороший работник.

— Золотые слова, — говорю.

— Вот именно! Ты пойми — я никого не принуждаю. Последнее дело — принуждать. Особенно девок.

Смотрю — не шутит, даже не улыбается. Вот гнида. Не принуждает он...

А босс дальше говорит:

— У меня лучше, сытнее. Вон, у других, хоть у Фаддейкина на фабрике — народишко за гроши убивается на работе, света белого не видит, и в долгах все. Я плачу больше, и рабочий день у меня меньше. Зато я требую! Качество требую, работы! А не нравится — дверь вон там. Никто не держит.

Перевёл он дух, сказал уже спокойно:

— Так что ты, ваше благородие, на меня зла не держи. Мне охранник нужен, чтобы с

душой работал, а не по обязанности. Знаешь, что мы с Матвеем раньше в одном полку служили? Да, вот так-то! Мне повезло, ему — нет. Я в люди вышел, а он ко мне в работники отправился. Как он злился поначалу! Но видишь — притерпелся, теперь золотой человек, незаменимый. И ты привыкнешь.

— Понятно, — говорю. — Можно идти?

Посмотрел он на меня внимательно. Потом сухо сказал:

— Подожди. Постой в сторонке пока.

Явился управляющий, весь запыхался, новые письма тащит. И бумажку, вроде телеграммы.

Филинов письма в карман сунул, телеграмму пробежал глазами, скомкал:

— Лошадей! Зови капитана, да Прохора, едем!

Всё добродушие как рукой сняло. Лакей молоденький вбежал, босс на него рывкнул:

— Одеваться!

Забегали мы. Вышли из дома, там уже коляску заложили, лошадки фыркают в нетерпении.

Матвей в коляску запрыгнул, за ним босс, хмурый такой. Прохор — лакей размером со шкаф, рядом с кучером пристроился. Меня тоже в коляску усадили.

Покатили. Босс мрачный сидит, зубами прищёлкивает. Матвей наоборот, весёлый. На меня глянул, руку в полушубок свой запустил, протянул мне револьвер:

— На. Умеешь хоть?

Я оружие осмотрел.

— Умею. Зачем?

— На всякий случай, — капитан лыбится. — В город едем. Беспорядки там.

— Болтаешь, Матвей, — это Филинов сквозь зубы. — Диверсия не беспорядок.

— Кто знает, — отвечает Матвей. — Я думаю, Антон Порфирьевич, это конкуренты шалят. С чего бы нашим свой же заводичко громить?

Босс не ответил, сидит хмурый, в шубу кутается. Прокатили мы мимо парка, лошадки опять зафыркали. Вывернули на дорогу к городу, помчались с ветерком.

— Что-то лошадки беспокоятся, — говорю. — Как мимо леса, так сразу.

Филинов на меня глянул, отвернулся. Матвей молчит, ухмыляется.

Я опять:

— Говорят, зверь дикий поблизости бродит. Может, собак завести во дворе? Всё понадежнее будет.

Лакей Прохор обернулся, пробасил:

— Были собачки. Да все вышли.

— Помолчи, Прохор! — бросил Филинов, резко так.

Лакей лицо скривил, отвернулся. Матвей сказал:

— Хозяйка псину не выносит. Разве что мелкую — шпица там или мопса.

— А что так? — спрашиваю.

Тут кучер ответил. Перед этим на хозяина глянул — босс молчит, думу думает — и говорит:

— У нас кошка давеча окотилась на конюшне. Хорошая, пушистая. Так псы дворовые котятков тех поели. Хозяйка расстроилась сильно. Вот и нет собачек — всех продали.

— Давно, — говорю, — кошка-то окотилась?

— Да месяца два как, — отозвался кучер.

Филинов злобно фыркнул, и мы замолчали окончательно.

Лошадки бодро стучали копытами по дороге, я сидел, ощупывал револьвер, что мне дал Матвей, и думал. Два месяца назад. Примерно столько было моему котёнку Талисману, когда я его нашёл. И к чему я это вспомнил?

Молча до города докатили, свернули к заводу — он на окраине стоял, у склона, где холмы к реке спускаются. На заводе этом вино и водку делают, по лицензии.

Заводишко боссу от жены достался, с приданым. Деньги приносит хорошие, вот и засуетился хозяин, стрелой прилетел.

Управляющий заводом вокруг босса пчелой вьётся, руками размахивает. Филинов мрачный идёт, слушает.

Прошли мы внутрь, смотрим — часть здания погорела, стены обуглены. Если бы босс в своё время деньги в защитную магию не вложил, погорел бы заводик сверху донизу синим пламенем.

Прошли мы по цеху, там вонь стоит, под ногами стекло хрустит разбитое.

Матвей озирается, по сторонам зыркает, рука за пазухой — у револьвера. Рабочих отсюда выгнали, так они с другой стороны толпятся. Пожарные были, но уехали. Всё водой залито, чёрные ручьи текут, с пеплом и золой перемешанные.

Управляющий всё бубнит чего-то, Филинов морщится, как от зубной боли. Конечно, убытки такие.

Тут же и полицейские бродят, всё осматривают. На меня глянут — и отворачиваются. Не желают знаться. Вот кто-то застылу дальней стенки, крикнул, рукой замахал.

Подожли мы. Управляющий ахнул, Матвей выругался. Филинов стоит, смотрит, и мрачнеет на глазах.

Я тоже посмотрел.

На стене, где копоти почти нет, круг нарисован, где-то метр в диаметре. Внутри круга — звезда, вверх ногами. А в самом центре круга — крыса. Здоровая такая, дохлая, штырём железным к стене прищиплена, кровь полосой стекает.

И как вишенка на торте — надпись. Этой самой кровью, что из крысы взята. Одно слово — "убийца".

Подошёл я к перевёрнутой звезде, крысу дохлую рассмотрел — хорошо пришилиена, удар точный, сильный. Присмотрелся получше, поцарапал запёкшуюся кровь, поскрёб краску.

Полицейские мне мешать не стали, стоят, смотрят, что делаю.

Я нагнулся, под стеной посмотрел внимательно. Здесь огонь тоже прошёлся, но защитная магия помешала.

Приложился ладонью, а печать на моей спине вдруг ожила. Лопатку закололо, где печать поставлена. Ощущение такое, как пчелу придавил: она кольнула — и подохла.

— Кто знал, — спрашиваю, — что в стенах магия была — против пожара?

— Все знали, — проблеял управляющий. Он рядом с боссом стоял, весь в саже, потный и бледный. — Разве что из работников кто не знал, ежели новенький...

А я думаю: если знали, что завод под магической защитой, зачем поджог устраивать? Полностью заводшко не сгорит, стены вон едва тёплые. Стоят себе. Только копоть оттереть, и как новые.

— Кто разрешил? — а это пристав подоспел, он в глубине цеха ковырялся. — Па-ачему штатский не по месту?

— Я разрешил, — отрезал Филинов. — Мой завод, мой человек. Я ещё спрошу Ивана Витальевича, почему до сих пор виновных не повязали!

— А, это вы, господин заводчик, — говорит пристав. — Не заметил вас.

Лицо кислое сделал, усы подкрутил, отступил на шаг. С такими, как Филинов, бодаться — себе дороже.

— Кто стену изгадил? — Филинов злой как чёрт, на рисунок смотрит и тросточку свою вертит, того гляди грызть начнёт. — Кто допустил?

— Это гобы! — уверенно сказал Матвей. — Кто ещё так может?

— Нет, орги, — возразил пристав с видом знатока. — Видите, крыса посередке? Если бы гоб, тогда бы кошку пришилили. Они это дело любят — кошку на штырь насадить. Так что орг это.

Хотел я сказать, что знак-то эльвийский. Что рисунок этот похож на мою печать, а печать высший эльв поставил. Но не стал. Ляпнул один раз уже — при шефе. Ладно, он за шутку принял, повезло. Но лучше языком лишний раз не трепать. Того гляди спросят — ты не засланный ли к нам?

— С чего бы оргам такое делать? — говорю. — Работа есть, денежки платят, пусть малые...

— Как с чего? — ответил пристав. Сам на меня не смотрит, будто со стенкой разговаривает. — Давеча у господина заводчика в цеху покойника нашли, как раз желтопузого. Мы же и приходили, смотрели того покойничка.

— Тот желтопузый сам виноват! — управляющий так и взвился, как укушенный. — Он же травист был, травку свою жевал день и ночь! Весь маслом пропах розовым! Я его гнать — а он в ноги кидается, просит — не гони сироту, без денежек погибну совсем! Пожалел его, а он возьми, да и помри на рабочем месте... За мою доброту мне же и награда...

— Болтали, что не от травы он помер, а от работы, — влез Матвей.

— Не то важно, от чего, — веско сказал пристав. — Важно, что скончался орг здесь, где

вы хозяева. Для желтопузых только это значение имеет. У вас помер — вы и виновны. Глава общины господину полицмейстеру всю плешь проел — жалобой на вас.

Тут Филинов тростью об пол стукнул — аж копоть полетела. Сказал резко:

— Вы, господа полиция, своим делом займитесь. А мы своим. Работники все здесь?

— Все, господин Филинов, — залебезил управляющий. — Собрались, вас ждут. Вы только осторожно, близко не подходите к ним. Как бы камнем не кинули. Давеча, как того трависта желтопузого мёртвым нашли, два стекла у нас побили. Мне в лоб булыжником запустили, едва увернулся...

И правда — у него шишка на голове красуется, с орех размером, грецкий. Синевой наливается.

Отвернулся босс от кровавой надписи, к выходу пошёл. Мы с Матвеем и Прохором за ним двинулись.

Во дворе уже народ волнуется, заводские работники. В основном гоблины и орки, людей и нет почти. Нас увидели, зашумели.

Сначала управляющий заговорил. Пожар, говорит, ребяташки, страшное дело! Убытки заводу, хозяину убыток и всем нам, грешным. Как теперь дела вести, что добрым людям в лавки да рестораны поставлять? Чем душеньку утешить после трудового дня?

В общем, попричитал как следует, стал ругаться — что ежели кто со злого умысла или от дурости пьяной учинил такое, гореть ему в аду. Будут тех преступников мерзопакостных черти на сковородках жарить в кипящем масле во веки веков. А кто в почтенных людей камнями всякими кидается, для тех особая сковорода приготовлена!

Выдохся управляющий, пот утёр со лба, отступил в сторонку. Филинов вперёд вышел, толпу оглядел, говорит:

— Преступника, что поджог учинил, полиция ищет, и скоро найдёт. Я же скажу, что тот, кто это сделал, сам себе враг. Половину работников теперь придётся выгнать — до лучших времён. Там, куда пожар не добрался, работаем по-прежнему. В остальных цехах будет ремонт. И пока не починим, работники мне без надобности.

Народ зашумел ещё больше, заволновался. Как услышали, что половину выгнать придётся, закричали, руками стали махать.

Кто рубаху на себе рвёт, кто шапку бросил под ноги и в грудь себе колотит — типа, настое за что?

Управляющий снова заговорил, сказать пытается: мол, после ремонта назад приходите, — но его уже не слушали. Шум всё громче подымается, орги в раж вошли, орут так — никакого усилителя не надо. Кто кричит, что они не виноватые, другие — так вам и надо, кровопийцам!

С краю толпы кто-то вспомнил про страховку, которая хозяину при пожаре положена. Как только вспомнили, так закричали — прежний шум музыкой показался.

Один гoblin влез на ящик и давай голосить, что господин Филинов теперь огромные тыщи получит от страховой компании. Что за евонные денежки бедные гобы на рабочем месте помирают — от жары, холода, голода и полного изнеможения.

Тут гоба орги перебили, стали орать, что им ещё хуже — их вообще вместо лошадей используют...

Смотрю — народ всё ближе подвигается. Опасно близко, того гляди рукой уже ухватят.

Только мы с Матвеем собрались босса взять под локти, да увести от греха, и пускай потом хоть обругается — в толпе рёв раздался. А это орг здоровенный через толпу пробежал,

растолкал всех и к нам кинулся.

На ходу ручищами размахивает, рычит, клыки скалит. Несётся как бык на красную тряпку. А вокруг него прямо на бегу растёт иллюзия — будто шуба на плечах развевается по ветру. Орг в ширину и высоту вырос, сам весь в шерсти косматой, но не медведь, а бизон какой-то. По шерсти искры скачут, как на разъярённом коте в мультике. И это всё на нас прёт со страшной силой.

Три секунды — и он уже перед нами. А я понимаю, что даже пулей такую тушу не остановить.

Лакей наш, Прохор, здоровый как шкаф, вперёд выступил, обхватил орга — думал задержать его. Куда там. Этот орг его отбросил, как грузовик легковушку. Отлетел Прохор и упал навзничь. Как тот шкаф — только дверцы захлопали.

Оттолкнул я Филинова — тот на Матвея повалился — выхватил револьвер и оргу рукояткой залепил с маху прямо в нос. У них это болевая точка — давно заметил.

Ударил, развернулся и подцепил орга за ногу. Тот ручищами взмахнул, перед собой не видит ничего — там я ему вмазал — споткнулся и на землю обрушился. Прямо Филинову под ноги.

Я подскочил, на спину ему уселся — руки выкрутить. Занёс револьвер, чтобы для верности по башке дать, оглушить орга. Вдруг что-то кольнуло меня в печать — сильно, как ледяной штырь вонзили. Дёрнулся я. И сразу — бах! бах! Револьверный выстрел над ухом.

Мне обожгло кожу. Чувство такое — смерть рядом пролетела, косой задела — самым кончиком лезвия. Опустил глаза, смотрю — по спине орга из двух дырок кровь расплывается. Тёмная такая, не как у людей.

Орг задёргался в конвульсиях, я вскочил. Оглянулся — рядом Матвей стоит с револьвером в руке, сам скалится, а из дульного отверстия дымок идёт.

— Ты что? — кричу, сам себя не слышу. — Ты что творишь, сволочь?!

— Отойди, салага, — говорит Матвей, спокойно так. И бац — третий выстрел оргу в затылок.

Тот дёрнулся в последний раз и обмяк.

Толпа ахнула. Откачнулась в первый момент. А потом все на нас попёрли с диким криком.

Тут полицейские подоспели. Пристав выскочил вперёд, как гаркнет страшным голосом:

— Всем стоять! Ни с места! Стрелять буду!!

И дал два выстрела в воздух. Обернулся к нам, лицо зверское, крикнул:

— Штафирки, пошли к!..

И послал — далеко.

Матвей остаться хотел, револьвером замахал, но его послали ещё дальше.

Подхватили мы господина Филинова с двух сторон, и свалили быстро. Управляющий и лакей Прохор за нами понеслись.

Мерзкое это чувство — оставлять за собой такое. Но служба есть служба, а моя такая — держаться возле босса.

Запрыгнули мы в коляску, кучер засвистел лихо, и рванули — со всех конских ног.

Филинов на сиденье повалился, ртом воздух хватает, сам трость свою сжимает, аж пальцы побелели. Прохор рядом с кучером сжался, переживает, что уронили его.

А Матвей ничего — сидит, зубы скалит, ухмыляется.

Я щёку потёр, вроде ни царапины, но жжётся. Ещё бы немного, и мне пол-лица снесло

револьверной пулей.

Говорю:

— Слышь, капитан. Ты зачем орга убил?

Он ко мне повернулся, и с усмешкой:

— Убил? Ты про что, штафирка?

Вижу — глаза у него ненормальные. Как обкурился чем. Но спуску ему давать нельзя. Сейчас он тебя штафиркой назовёт, а завтра об Димку Найдёнова все ноги вытрут дружно. Ладно, если не плюнут.

— Я, — отвечаю, — школу полиции с отличием закончил. Если б инороды мне перо не сунули в бок, сейчас бы в погонах ходил. И тебя, слугу хозяйского, за ворот хватал — по надобности.

Вижу краем глаза, кучер дёрнулся у себя на козлах, а Прохор обернулся и на меня разинув рот уставился.

Матвей аж побледнел весь. Привстал на сиденье, глаза сузил щёлками, шипит сквозь зубы:

— Ах ты щенок... Да я таких как ты, пачками валил, когда тебя ещё не заделали!

— Видел я, как ты резать умеешь, — говорю. — Я орга уложил, хотел по закону взять. А ты ему в спину пальнул. Эдак каждый сумеет — в спину-то.

Не стерпел он, вскочил, на меня револьвер наставил, глаза бешеные.

— На колени, мразь эльвийская! Молись своему богу! Мозги вышибу!

Тут Филинов на сиденье пошевелился и говорит, спокойно так:

— Сядь, капитан. Сядь, я сказал.

Из Матвея будто воздух выпустили. Лицо посерело, обмякло. Медленно-медленно опустил руку, револьвер убрал. Сел ровно, и перед собой уставился.

А Филинов на сиденье поёрзал, шубу запахнул, вздохнул глубоко:

— Тяжёлый день. Какой день сегодня поганый.

Помолчал и добавил:

— А ты, ваше благородие, по краю ходишь. В последний раз говорю — больше не буду.

— Да я по закону хотел...

Он оборвал меня:

— По закону? Закон на моей стороне. Тому оргу повезло, что Матвей его прикончил. За магию ему по закону плаха. Ты этого хотел, господин полицейский?

Я аж похолодел. Ведь правда — орг иллюзию применил. Считаю, магию запрещённую пустил в дело. Что за это бывает, всем известно. Смерть жуткая. А ты его арестовать хотел, Димка. Гореть тебе в аду на сковородке тефлоновой.

— Понял, — говорю. — Вы правы, господин Филинов.

— Вот так-то! — буркнул босс. — Всё, кончен вопрос. Пожали друг другу руки, живо!

Поглядели мы с Матвеем друг на дружку. Потом он руку протянул, и я её пожал.

Всю дорогу я думал, мозги ломал — что делать? Время бежит, не остановишь. Его сиятельство граф скоро отбудет в столицу. До этого срока полицмейстер должен преступника предъявить. Викентий Васильевич на меня рассчитывает. А у меня никаких доказательств — одни подозрения.

Хоть сам стряпай.

Если ничего не выдам к сроку, зам полицмейстера даст отмашку, и все кинутся ловить нашего полуэльфа Альфрида.

Альфрид конечно тот ещё фрукт, и всяких дел на его счету висит — мама не горюй. Грабитель, жулик, вымогатель и просто злобная тварь.

Но одно дело — в карты жульничать и собачек похищать, а совсем другое — убийство с отягчающими.

Викентию Васильевичу я не сказал, но после рассказа Альфрида о егонеземной любви очень засомневался. До этого на него думал, а теперь: если любимка его мертва, зачем ему столько денег? Зачем жилы рвать, вверх по головам карабкаться?

Но полиции всё равно, им такие тонкости ни к чему. Повяжут болезного, в подвальчик отведут, а там уже до признания недалеко.

Но других кандидатов в убийцы у нас нет. Полиция все общины нелюдей перетрясла, на предмет алиби. И оргов проверили, и гоблинов. Эльвов, конечно, слишком трясти не стали, а нанесли вежливый визит. Но с чем пришли, с тем и ушли.

Короче, всех подозрительных, что в буйных или слишком умных значатся, проверили — ничего.

Филинова прижать нечем, одни подозрения. Хотя чует моё сердце, рыльце у него в пушку. Как и у жены его.

Или вон Матвей — бывший сослуживец босса. Поглядел я на него сегодня. Если Филинов себя в руках держит и нервы у него крепкие, Матвей совсем даже наоборот. Крыша у него слетает — только в путь. Оружием владеет и применить на задумается.

Вспомнил я, как он три пули в орга всадил, чисто киллер. Два в спину, контрольный в голову. Да ещё инородов не любит, а при виде эльвов теряет остатки воли. За что он их так ненавидит, не знаю, но кандидат в убийцы из него отличный.

И как быть? Времени нет совсем. Сами они не признаются, а долго ждать мне никто не позволит.

Поломал я голову, поразмыслил и придумал. Классический способ — спровоцировать клиента. Сделать так, чтобы он вылез из своей норки. Выбить нагретый стул из-под задницы.

Так что, пока мы по городу колесили, у меня созрел план. Может, дурацкий, может, владелец этого тела, отличник полицейской школы Дмитрий Найдёнов обсмеялся бы с него. Животик надорвал над тёзкой.

Ну а что делать — кинули в речку, выплывай как хочешь.

Но у Филинова сегодня планы были не только на заводик заскочить. Он, гад расчётливый, времени терять не любит, и за один раз несколько дел успевает проворачивать. Прямо как Юлий Цезарь.

Подкатали мы к почтамту.

Босс там уселся за стол и давай письма строчить — срочные. Сидит, пишет, аж бумага дымится.

Я по залу пошлялся, вроде как от скуки, и к окошку подошёл. Смотрю — там тот пожилой чиновник сидит, что в прошлый раз был. Он ещё подарок для Верочки принимал.

— Здравствуйте, — говорю.

Он меня узнал — память, как видно, профессиональная.

— Здравствуйте, ваше благородие. Никак, посылочку свою проверить пришли? Не забирал никто. Желаете продлить или сами заберёте?

— Нет, — отвечаю, — пусть полежит пока. Мне вот что нужно...

Сделал я лицо, как у полицмейстера — времени нет, служба горит, и надоели все как собаки.

— Надо бы мне узнать, когда проходили через вас письма от эльвийской общины. В столицу или из неё. Срочные особо интересны.

Заморгал чиновник, выпрямился на своей табуретке.

— Что вы, ваше благородие, никак проверить нас хотите? Знаете ведь, нам не положено такие вещи рассказывать...

— Никакой проверки. В интересах государства и лично господина полицмейстера.

Чиновник головой качает. Вижу, сомневается. Говорю ему, а сам весь такой измученный служебным долгом:

— Но, конечно, ежели вы не хотите оказать содействие государевой службе...

— Что вы, ваша милость. Мы всегда готовы, по первому запросу. Только вот расписочку дайте, что не своей волею, а по распоряжению господина полицмейстера и вас лично...

Ну и жук. Бумажку ему дай. Но и мне деваться некуда.

— Ладно, будет вам записка.

Закопался чиновник в бумажки, вскочил, побежал куда-то, а на своё место молоденького парнишку посадил. Тоже стажёр, небось.

Я листок со стойки взял, стал расписку писать. Вот, блин, бюрократия. Так и спалиться недолго — а всё из-за дурацкой бумажки. Хорошо, Филинов всё ещё письма строчит, аж упарился весь. Главное, чтобы раньше меня не закончил. А то неловко получится.

Тут чиновник вернулся, в руке листочек держит.

— Вот, ваше благородие, списочек вам начертил. Всё как есть. С вас тоже пожалуйста.

— Вот, — говорю, — возьмите. И предупреждаю — дело конфиденциальное. Никому ни слова!

— Обижаете, ваше благородие. Разве ж мы без понятия!

Обменялись мы бумажками.

И вовремя.

Босс пачку писем на стойку бросил, велел отправить срочно.

А Матвей на меня глянул и сказал с усмешечкой:

— Что, записки любовные? Дамочкам поцелуйчики шлём?

— Завидуй молча, — отвечаю. — Подарок даме, до востребования.

Чиновник закивал, точно, мол — подарок.

Скривился капитан, промолчал. Ох, думаю, не оставит он меня в покое. Свербит его что-то изнутри. Что, не знаю, но свербит и покоя не даёт.

Отъехали от почтамта, босс приказал кучеру:

— К лилейному дому, да поживее!

Кучер понял его, лошадам причмокнул, и помчались мы.

Через весь город прокатили, свернули к окраине. Смотрю, а дорога-то знакомая. Это что же, то, о чём я подумал?

Когда впереди показался знакомый особняк, понял я, что да — не ошибся. Прямо к борделю эльвийскому едем. Ну ничего себе — ни стыда ни совести у босса.

Подъехали мы к главному входу, представились как положено, всё чинно-пристойно.

Открыли нам ворота, да ещё и с поклоном.

Да, Димка, это тебе не через забор сигать. Вот как надо к дорогим проституткам подкатывать.

Лакей нас в дом проводил, через парадное крыльцо. Мы с Матвеем следом вошли.

Внутри красиво, но без лишнего пафоса. Всё в белых тонах, вазы стоят мраморные, на стенах картины висят.

А по лестнице к нам спускается прекрасная эльфийка — та самая. Идёт неторопливо, красуется, белым пальчиком по перилам ведёт кокетливо. Виду не подала, что меня узнала.

Филинов ей руку поцеловал, она улыбнулась.

Босс говорит:

— Простите, дорогая госпожа, за неурочный визит. Дела не ждут. Погорел мой заводик винный, нынче подожгли. Обсудить бы надо — безотлагательно. Уж не обессудьте.

— Ах, жизнь так непредсказуема, — отвечает красавица. — Пройдёмте, Антон Порфирьевич, в мой кабинет. Там и поговорим спокойно.

Пошли они вдвоём, а я смотрю им вслед, аж челюсть отвисла. Это что же, получается, у босса дела с ней? А она что же — хозяйка здесь? Раз он её госпожой назвал?

И правда — что за день сегодня такой...

Смотрю, а Матвей тоже эльфийке вслед смотрит, пристально так. Не понять, то ли со злостью, то ли с жадностью.

Я спросил:

— Что, у хозяина дела здесь? Или так, побаловаться пришёл?

Скривился Матвей, отвечает:

— Кто их знает. Я свечку не держал. Хозяин вино сюда поставляет, по сходной цене. А чем они расплачиваются, не спрашивал.

Тут у меня в голове мысль вспыхнула. Всё вдруг вспомнил: как зам полицмейстера говорил, что у борделя свой хозяин есть, а я ему — что хозяин-то подставной. И недавний разговор про рыбалку... как там Матвей сказал: если изменишь хозяину, тебя как щуку наизнанку вывернут... Что есть такая птица — рыбный филин. И что боссу проститутку пригнали, и не искал её потом никто...

Погоди, Димка, погоди... Если считать, что Филинов и есть тот самый таинственный Рыбак, то всё сходится. Эльвийка эта здесь хозяйничает, но сама же мне сказала, что она слишком дорого стоит... значит, не она главная. А кто? Тот, у кого с ней дела. Кто девок бесплатно получает, и наказывает как хочет. Зачем девку искать, если сам и прикончил... Вот и не искал никто. А труп распотрошили и так разложили другим в назидание... Вот мол, что с вами будет, ежели чего.

Фух-х... Я аж вспотел весь от таких мыслей.

А Матвей ко мне придвинулся, в бок пальцем ткнул и сказал:

— Ну что, ваше благородие? Вот мы и одни с тобой — только ты да я.
И руку за пазуху засунул.

Матвей потряс стаканчик, перевернул. Кости раскатились по столу.

— А, чёрт, тройка!

Я подобрал кости, сложил в стаканчик. Потряс, бросил.

— Одиннадцать.

— Твоя взяла. Ещё!

На стол легла медная монетка. Капитан взял стаканчик, потряс.

— Один и шесть! Ага!

Мы играли уже полчаса. Играли по-маленькой. Босс всё ещё сидел наверху в кабинете с эльвийской красоткой. Наверное, обсуждал цены на вино.

Когда Матвей сунул руку за пазуху, я уже подумал — конец мне пришёл. Но капитан достал стаканчик с костями и предложил сыграть на интерес.

Нет, это несерьёзно — сказал я. Давай хоть на медяки — для азарта.

Сидим, играем. Матвея будто подменили — спокойный такой, на меня не бросается, знай стаканчик трясёт. Чудеса.

Большие напольные часы бренькнули и принялись бить. Бум-м-м... Бум-м-м...

— Эх, — говорю, — хорошо! Почаще бы сюда наведываться. Тепло, светло, и девушка красивая такая.

— Чего ж хорошего, — буркнул Матвей. — Ага, семь!

Ещё медная монета легла на стол.

— А что? — спрашиваю. — Ого, двенадцать!

— Ха! Везёт нынче... Что, что... Лучше обычная девка, чем ихняя — раскрасавица. Это же чёртова эльвийка, мать её за ногу.

— Что плохого в красивой женщине? — говорю. — Пускай хоть эфиопка будет.

— Эка ты загнул, эфиопка. То человек, а то — эльв поганый. О, семь!

Я потряс стаканчик. Загремели кости.

— И что?

— Тебе не понять, молод ещё. Для меня все они — поганая порода, хоть мужик, хоть баба — самая распрекрасная.

Он сильно потряс стаканчиком. Кости загремели о стол.

— Эх, двойка! Я тебе так скажу — хоть эльвы сейчас смирно сидят и друзьями прикидываются, всё обман! Мне дед рассказывал, как его отец, прадед мой, с ними в походы ходил... Кровь в жилах стынет от такого. Что они творили, эти красавчики, на ночь лучше не вспоминать. Ни чужих не щадили, ни своих. Уж на что орги да гобы злыдни, и в бою бешеные — а с эльвами не сравнить их. Вот где нелюдь нелюдская... не приведи господь.

— Но сейчас-то они не опасные? — я ему так, с сомнением. — Всё тихо, мирно, вон, торговлишка у них...

— Хорошо, государь их в узде держит. И то — из милости. Другой бы загнал туда, где солнце не светит, — хмуро сказал Матвей. — Не в обиду тебе сказано, но с ними дружить — как на груди змею пригреть.

— Но хозяин-то наш не боится...

— То хозяин, не нам чета! — отрезал Матвей.

Стрём кости в стаканчик и поднялся. Господин Филинов вышел, по лестнице идёт,

отдувается, но вид довольный:

— Поехали!

Пошли мы к выходу. Я обернулся — прекрасная эльвийка на лестнице стоит, нам вслед смотрит. И взгляд у неё, как у старшего эльва на давешнем собрании. Как на тараканов смотрит, что по углам разбегаются — а тапкой кинуть лень.

Вздогнул я и за Филиновым в дверь выскочил.

* * *

Дома, в суете общей, кинулся я вокруг дома бегать — вроде как периметр проверять, чтобы не словили меня и к делу не приставили. Потом высунулся — затихло всё. Из кухни ароматы плывут — тут тебе и булочки сдобные, и кровавый бифштекс, и птица жареная всякая. Аж живот свело. Но дело прежде всего.

Подкараулил под лестницей Верочку, выскочил перед ней, как чёрт из коробки.

— Ой, — говорит она, и руку к груди приложила, — это вы, Дмитрий Александрович? Напугали меня.

— Неужто вы меня теперь боитесь, Вера Афанасьевна? — спрашиваю.

Она глазки опустила, отвечает:

— Ну как же... Стыдно мне. Вы же меня в пикантном виде застали. Теперь, небось, и знать меня не хотите больше...

Тут я лицо скорбное сделал, как Гамлет при виде призрака, и говорю:

— Что же мне теперь делать-то, Вера Афанасьевна? Я же с нежными чувствами к вам, и вот такое... Душа моя в смятении, Вера Афанасьевна.

Смотрю — она порозовела, даже ушки запылали.

Взяла меня за руку и нежно так говорит:

— Ах, Дмитрий Александрович! Мы, девушки, над чувствами своими власти не имеем. Всем нам счастья хочется, хоть чуточку. Вы такой добрый, вы поймёте...

Эх, думаю, знала бы ты, какой я добрый! Но виду не подал.

— Хоть и больно мне это слышать, Вера Афанасьевна, но я желаю вам счастья. Только вот не дождётесь вы его...

— Как это — не дождусь?

— А так. Хозяин ночью вас любит, а днём с женой своей по театрам да собраниям всяким ездит. Потом, глядишь, другую горничную найдёт, для разнообразия. И что останется у вас?

— Но что же делать, Дмитрий Александрович? Этого не изменить...

— Ну, можно счастьем своему немножечко помочь...

— Это как? — она спрашивает, а сама оживилась, ушки наострила.

— Можно так сделать, чтобы он жене своей отставку дал. Или отправил куда подальше. А вы бы здесь были — как хозяйка. Он же вам это небось каждый раз обещает, когда в постель зовёт?

Я рисковал, конечно, но здесь в точку угодил. Смотрю, глазки у Верочки заблестели, щёки разгорелись, фартучек свой мнёт руками в нетерпении.

— Да... Как вы угадали?

Если бы она только сказала, что хозяин её заставил, руки выкручивал... Если бы

сказала, что меня одного любит, и от Филинова её тошнит каждый раз... Я бы передумал, и план Б в дело пустил. Но раз так... Ладно.

Я важный вид сделал, отвечаю:

— Так я же в полиции работал, Вера Афанасьевна. Понимаю, что к чему. Я таких людей насквозь вижу.

Тут у неё глаза сверкнули, фартучек смялся, как будто придушить кого хочет.

— О, как вы правы, Дмитрий Александрович! Говорите, что нужно делать?

Я ей объяснил. Она слушает, кивает. Вижу — нравится ей мой план.

— Хорошо, хорошо, — говорит. — Я даже лучше знаю, как сделать...

— Погодите, Вера Афанасьевна. Вы только лишнего чего не придумайте!

— Ничего, Дмитрий Александрович, я только чуточку. Всё прекрасно выйдет...

А сама хихикает и глаза блестят от предвкушения. Ну и ладно, тем лучше. Думал, уговаривать придётся, а тут клиент сам в руки идёт — аж прыгает от радости.

Оставил я её, сам опять во двор пошёл. До конюшни прогулялся, потом в домик для слуг заглянул, где гобы и орги проживали — отдельно от других. Там задержался подольше.

Вызвал того орка, что недавно медвежьим видом меня пугал. Поболтал с ним немножко.

Он сначала отнекивался, типа знать ничего не знаю, ведать не ведаю, и с медведем тогда случайно вышло. Пришлось надавить чуток.

Говорю:

— Знаешь, что сегодня Матвей Прокофьевич учудил? Увидел орка, что как ты магией своей в зверя превратился, и пристрелил его без жалости. Из револьвера. Так три пули и всадил. В спину да в голову. А ты что сотворил, прямо в доме?

Он аж затрясся весь. Говорит:

— Нет, нет, господин, я не колдовал! Мне господин капитан сказали сделать магию. Для шутки. Шутка такая!

— Кто знает, — говорю ему. — Видели медведя все, а как просили тебя — никто не видел.

Орк совсем испугался.

— Пожалейте, господин! Я отслужу, я что хочешь!..

— Не бойся, я тебя не выдам. Ты меня держись, не пропадёшь. Капитан таких, как ты, не любит, а я к вам всей душой.

Закивал он, обрадовался. Про печать мою эльвийскую здесь все слуги уже знают, так что слова мои прямо в точку попали.

— Если хочешь мне послужить, — говорю, — слушай, что скажу. Надо тебе сделать вот что...

Выслушал он меня, закивал.

— Сделаю как вы сказали, господин. Это тоже шутка, да?

— Конечно, шутка. Капитан пошутил, теперь моя очередь. Только не забудь, сделай всё в точности.

— Да, господин!

— Молодец. Хороший орг.

Пошли дела кое-как! Вернулся я бегом со двора домой, заглянул во все уголки.

Наверху тихо, хозяин в своём кабинете портвейн дегустирует. Графинчики перед собой поставил и расслабляется. Лакей ему халат подал, стаканчики-рюмочки принёс, закусочки положил — и к себе в каморку убрался, до востребования.

Хозяйка к себе поднялась, сидит, вышивает крестиком — тоже нервишки в порядок приводит. У всех свои методы.

Внизу слуги шуршат, как мыши. Лакей-шкаф Прохор уединился с горничной Ульянкой. У них шуры-муры, и дело к свадьбе идёт. Небось Ульянка ему сейчас примочку ставит на затылок. Синяк заживляет, что после драки с орком пристреленным образовался. Заодно чувство собственного достоинства Прохору поднимает, тоже уроненное.

В общем, все при деле.

Обозрел я диспозицию, кивнул сам себе. Что бы ещё сделать, чтоб наверняка?

Калитка! Маленький, но важный кусочек моего хитрого плана.

За домом, со стороны конюшни, есть калиточка небольшая. Она всегда должна быть заперта, но должна и как на самом деле — вопрос.

Прошёл я чёрным ходом, выбрался к забору. Вот и калиточка.

Осмотрелся — никого нет. Тишина, покой, только ветер посвистывает.

Взял в руку замок, ключ достал — он мне, как охраннику, положен. Только открывать — пальцы закололо. Будто иголками.

Блин, это же магия охранная, вроде сигнализации. Я думал, она только на саму дверцу наложена, а вот поди же — и замок заговорённый! И деваться мне некуда, хоть волком вой. Времени нет совсем.

Сжал я замок в руке. Вот тварь железная! Досада!

Вдруг чувствую — по руке мурашки пробежали, ладонь судорогой свело. А замок раскалённым сделался. Задрожал, как мышь испуганная, и всё — пусто. Был магический предмет, а теперь простая железка стала. Замок навесной, обыкновенный. Цена рупь двадцать.

Ух ты... Не веря сам себе, сунул я ключ, повернул — и пожалуйста бриться. Открылся замочек, ничего не зазвенело. Я-то знаю, как сигнал работает, мне показали. Звон должен пойти, чтобы все слышали. Ничего себе — это я заклятье снял, что ли?

Но радоваться некогда. Приоткрыл я калитку, высунулся наружу. Так, отлично. Теперь прикрыть тихонько, чтоб незаметно было, замочек пристроить, и обратно...

— Здравствуй, друг Дмитрий, — сказал Альфрид. — Вот и свиделись.

— Где тебя черти носят, друг Альфрид? — спрашиваю от неожиданности. Напугал он меня, как я только что Верочку. — Думал, поймали тебя.

Полуэльв зубы оскалил, отвечает:

— А ты хотел, чтобы меня поймали, друг?

Ну, я на провокационные вопросы не отвечаю. Говорю:

— Ты осторожней, тут охрана.

Он будто не слышит. Говорит:

— Добыча где? Учти, я всё знаю. Где шавка с камнем?

— В порядке шавка. В доме, камень на ней.

— Неси её сюда.

— Э, погоди, — говорю, — как это — неси? Мы так не договаривались.

— Неси камень! — рычит Альфрид. — Хватит болтать, сын человека!

Это он меня обозвал так — изысканно.

— Не рычи, — отвечаю. — Сам сбежал, когда мы добычу несли, а теперь права качаешь.

Он аж взвился от злости, рот разевает, сказать ничего не может.

А я ему:

— Собачка сейчас у хозяйки дома, под присмотром. Надёжней не бывает. Башку я ей откручивать не буду. Мне работу дали денежную, дураком буду, если в нужник её спущу. Лучше способ найди, как камень снять. Ты же у нас потомок эльвов. Короче — с меня собачка, с тебя — колдовство.

Отдышался он, зашипел:

— Так и знал, что ты предатель! Крыса!

— Сам ты крыса. Кто гоба нашего кончить хотел?

— Гобы — никто! — рычит Альфрид. — Орги — никто! Грязь под ногами, подтереть и бросить! Любой эльв это знает!

— Слушай, — говорю ему — мирно так, сам себе удивляюсь. Чем больше он злится, тем я холодней становлюсь. — У меня знакомая эльвийка есть. Попрошу её, она придумает, как снять заклятье. Если все эльвы такие умные, как ты говоришь, она сможет.

Застыл он, на меня смотрит, глаза пустые сделались — прямо статуя.

— Хорошо, — сказал наконец, — друг Дмитрий. Я тебя понял. Я скоро приду — снимать заклятье.

Кивнул он мне на прощанье, отступил на шаг.

Я ножик в рукав обратно поглубже задвинул, выдохнул. В следующую секунду у меня свет выключили.

Открываю глаза — лежу лицом вниз, на мне Альфрид сидит, меня за ворот держит. Увидел, что я очухался, наклонился и шипит, как змей:

— Тихо... дёрнешься — убью.

Чувствую, кольнуло меня в почку. Что там у него — шило?

— Ты спятил... — хриплю.

Он ворот мне потуже скрутил, а сам покашливает — смеётся так:

— Ты дурак, Дмитрий... я умнее всех вас, вместе взятых, вместе с твоими любимыми гобами... органами... Сейчас я тебя отпущу, ты встанешь. Не вздумай дёргаться, кричать.

Жалеть не стану, крыса. Нож в печень — и конец! Кивни, если понял.

А я и кивнуть-то не могу — так он мне горло пережал.

Засмеялся он опять тихонько, ворот мой отпустил.

Поднялись мы — как любовнички, в обнимку.

Он меня покрепче обнял, эдак по дружески, говорит:

— Сейчас веди меня к дому, да смотри — если что, тебе первому смерть.

Чувствую, нож его кожу мне проколол, ещё немного, и кровь польётся.

— Ты не уйдёшь, — говорю. — Давай по-хорошему разойдёмся...

— Уйду, — он ухмыляется. — Шевели ногами!

Пошли. Думаю — если кто сейчас навстречу попадётся, конец. Альфрид запаникует, ножиком чикнет — и привет. Как говорится: он уважать себя заставил, и лучше выдумать не мог...

Смотрю — блин блинский! Орг бежит, торопится. Тот, с которым мы поболтали недавно по душам. Увидел меня, остановился, спрашивает:

— Господин, это шутка у вас?

Я кивнул.

Орг закивал мне тоже, говорит:

— Пора шутить, да?

— Да, — говорю. — Точно. Хороший орг.

Он улыбнулся во всю пасть и рванул через двор.

Мы дальше пошли. Альфрид шипит:

— Что за шутка такая?

— Ерунда, — отвечаю, а сам еле дышу — так мне ножик в бок впился. — Этот орг совсем тупой. Ему палец покажи — смеяться будет.

Больше нам никто не встретился. Зашли мы с чёрного хода, Альфрид мне:

— Зови свою девку. Пускай собаку вынесет.

— Как я её позову?

— Как хочешь.

И ножиком давит в печёнку.

Постучал я тихонько. Таким стуком слуги своих девчонок вызывают. Чтоб не заметил никто.

Высунулась моя пухлая тётенька. На самом деле не тётенька вовсе, а Анна Тимофеевна. Аннушка. Горячий пирожок, булочка сдобная.

Увидела меня, спрашивает:

— Что вам, Дмитрий?

— Анна Тимофеевна, будьте любезны, скажите Верочке моей, чтобы шла по моей просьбе вниз, как мы давеча уговаривались. Я жду. Ради её счастья.

Посмотрела она на меня внимательно, но виду не подавала, что удивилась.

— Хорошо, Дмитрий Александрович. Сделаю.

Ушла. Альфрид из-за меня высунулся, на дверь смотрит, спрашивает подозрительно:

— Что это ты, друг, с кухарками эдак раскланиваешься? Что за намёки такие?

Вздыхнул я (хотя ножик мне дышать мешает, сил нет) ответил ему:

— С кухарками надо вежливым быть. Кухарки — это сила. Чуть не так раскланяешься — будешь неделю животом маяться...

Стоим, ждём. Минута прошла, вторая... Альфрид затоптался в нетерпении, говорит:

— Что так долго? Обмануть меня хочешь?

— А ты пойдй поймай эту псину, — отвечаю. Она тварь мелкая, бегаёт быстро. Да ещё прячется. Если у хозяйки сидит, так надо с подходом. Просто так не вынесешь. Ждать надо.

Засопел Альффрид злобно, но делать нечего. Стоим.

Слышу — забежали по дому, голоса послышались. Звуки за дверью, будто плачет кто или подвывает.

— Что это? — полуэльф шею вытянул, прислушивается.

— Не знаю. Может, собака цапнула кого...

Вдруг такой вой раздался, будто стая волков разом завывала. И тут же женщина закричала. Истощным криком — как режут её.

Тут такое началось — не передать словами.

Забежали внутри, затопали, весь дом трясётся сверху донизу. Крик стоит — хоть святых выноси.

Из дома такой вопль несётся, аж в ушах звенит.

Альффрид меня оттолкнул и в дом ринулся. Я — за ним.

Внутри суматоха, все бегают, орут, руками машут. Нас с полуэльфом не заметили даже.

Смотрю, удалась моя шутка. Хотя для кого шутка, а для кого — план с провокацией.

Все слуги, что были в доме, мечутся, как куры в курятнике, куда лиса забралась.

Наверху лестницы стоит хозяйка, жена босса, и кричит страшным криком. Смотрит в одну точку и кричит.

Есть отчего закричать. Посреди полированного паркета нарисован чёрной краской большой круг. В круг вписана пятиугольная звезда, вокруг звезды — всякие загадочные загогулины.

Посреди круга лежит, раскинув руки, прекрасная девушка. Правда, не голая, а в прозрачной накидке. Но и так есть на что посмотреть.

А над девушкой нависает, с длинным ножом в руке, человек. И понять нельзя — кто это, мужчина или женщина. Фигура расплывается, как тумане, видно только, что ножом взмахивает, и девушку с маху тычет. И завывает при этом тоскливым воем вперемешку с мерзким хихиканьем.

Честно говоря, хотя я сам всё придумал, но при виде этой картины даже меня пробрало.

Из кабинета хозяин выскочил весь встрёпанный, глаза припухшие — видно, так портвейном надегустировался, что заснул в кресле. Выскочил, глаза таращит, волосы торчат, халат развевается. Увидел девушку посреди круга, аж подавился.

А хозяйка вдруг замолчала, покачнулась — и в обморок упала. Покатилась по лестнице, того гляди убьётся.

Откуда ни возьмись, Матвей выскочил, тоже весь встрёпанный, в одной рубашке. Кинулся за хозяйкой, поймал, на руки подхватил. Усадил, платье ей оправил, по щекам хозяйке хлопает — но всё без толку.

Тут фигура в центре круга захохотала замогильным хохотом, дёрнула девушку с пола, на плечо взвалила и дала дёру.

Никто её не остановил, все в стороны брызнули, как ошпаренные.

В это время собачка мелкая — стриженная, крашенная, в попонке — в круг магический выскочила. Паркет понюхала, морду задрала кверху и как залает. Лапами паркет скребёт, подпрыгивает и гавкает без передышки.

Из-под лестницы вынырнул, словно коршун, Альффрид. Цапнул псину и в дверь — вслед

за страшной фигурой. Выскочил наружу и бегом по двору — к выходу.

Филинов опомнился, как гаркнет:

— Ату, ату его! Хватай-держи! Сенька — винтовку!!

Тут Прохор засвистел по-разбойничьи, аж уши заложило. Сенька-лакей винтовку тащит. Девки завизжали, а все мужчины следом за беглецами ринулись.

Толпа во двор выбежала, чуть дверь с петель не снесла.

Это, страшное, с девушкой на плече через двор вихрем пронеслось до калитки.

За ним Альфрид с собачонкой в руках — скачками по двору пробежал и вслед за чудищем в калитку бросился.

Во дворе шум-гам, крики, орги с гобам всполошились, кругами носятся. Филинов с винтовкой выбежал, за ним Прохор с топором. Впереди всех Матвей мчится, в руке револьвер, на поясе — палаш офицерский. Когда только взял.

Ну и я за ними припустил бегом.

Отстал маленько — всё же помял меня Альфрид, когда уронил у калитки. Бегу, прихрамываю.

Все со двора ломанулись, в калитку проскочили и вдогонку понеслись. Только смотрим — тот, кто девицу тащил, будто сквозь землю провалился. Только на снегу накидка прозрачная валяется, под ветерком трепещет.

Зато полуэльфа нашего видно как на ладони — бежит скачками, подмышкой собачонка болтается. К парку бежит, туда где этот парк в лес плавно переходит. Среди деревьев скрыться можно легко, а дальше овраги — пойдй найди.

Погоня закричала, засвистела, ходу прибавила.

— Держи его! — кричит босс. — Не дай уйти!

Им уже всё равно, кого ловить, главное — поймать гада.

Вот беглец уже среди деревьев замелькал, того гляди пропадёт совсем.

Филинов остановился, прицелился, выстрелил. От дерева щепки полетели, а беглец совсем из виду пропал.

— За ним! — Филинов в азарт вошёл. — Лови! Держи!

Между деревьев бежать не так легко, растянулись мы. Матвей далеко вперёд унёсся, Прохор пыхтит — он здоровый, тяжело ему. Сенька за Филиновым поспекает, вперёд не высовывается — видать, трусит парень.

Я бы побыстрее бежал, но нога меня подводит, ковыляю как могу.

Матвей уже между деревьев скрылся, мы за ним. Вдруг слышим — выстрелы револьверные. Один, другой, третий.

Сенька ахнул, Прохор выругался. Филинов зарычал, перехватил винтовку и побежал как молоденький.

Выскочили мы на поляну.

Маленькая круглая поляна, вокруг сосенки, посредине Матвей стоит, в руке револьвер дымится. У его ног скорчился полуэльф Альфрид, голову руками закрыл, не понять — живой или нет.

Матвей стоит, уставился перед собой, как призрака увидал. Тут и я увидел его. Все увидели.

Из теней и света слепилась кошка — большая, с телёнка размером. А может, больше — не разобрать. Она у деревьев стоит, со стволами сливается. Но страшная — жуть. Глаза как фары светятся, клыки оскалены, шерсть дыбом, хвост по бокам хлещет. И рычит низко,

страшно, аж вибрирует всё внутри.

Кошка рыкнула, переступила по снегу. Стало видно, что возле неё собачонка наша распласталась. Кошка её тяжёлой лапой прижала, в снег вдавила. Собачонка ни жива ни мертва лежит.

Матвей револьвер выронил, палашиз ножен потянул. Шагнул вперёд, замахнулся — быстро так, не уследишь. Мелькнула кошачья лапа, блеснул клинок — отлетел, наискосок о дерево лязгнул. Матвей пошатнулся и в снег осел.

А кошка повернула усатую морду и на нас посмотрела.

Ух, страшно-то как! Понятно теперь, почему лошадки пугаются... Слышу, за моей спиной лакей молоденький взвизгнул и задницей в снег упал. Прохор крякнул, топор покрепче перехватил, а сам в топорище вцепился и глаза таращит — толку с него сейчас шиш да маленько.

Матвей в снегу сидит, глаза пустые, сам покачивается. Револьвер у него из рук выпал, валяется рядом. Палаш отлетел, в снег воткнулся. Ни крови, ни ран, но был человек — а стал мебель.

Альфريد вообще никакой, скорчился как креветка и трясётся мелкой дрожью.

Филинов молодцом, стоит крепко, винтовка в руках — видно армейскую закалку.

Кошка рычит, глазищи на нас уставила. А я смотрю — шерсть у неё искрами посверкивает. Как будто снежинки в мехе застряли. Но не снежинки это. Только недавно видел такое, когда орг медведем и маньяком прикидывался. Так это что, призрак? Иллюзия? Но как призрак палаш выбил и собачку придавил?

Филинов ноги расставил, вытащил из кармана патрон, лязгнул затвором. Бах! Я чуть не оглох.

А босс уже второй патрон достал — быстро так. Упала гильза, лязгнул затвор. Бах!

Пороховой дым ветерком снесло, смотрю — кошке хоть бы хны. Она рыкнула и к нам шагнула.

Сенька-лакей как заорёт:

— Мамочки!!! Чур, чур меня!

Вскочил на ноги и дал дёру.

А Филинов молодцом — не дрогнул. Ещё патрон достал, и снова — бах!

Да что стрелять — Матвей из револьвера три пули в эту тварь выпустил, и всё без толку.

Прохор, с топором в руке, к боссу прижался — стонет:

— Хозяин, уходить надо! Только не бежать, сразу кинется... Они тех, кто бегают, страсть как не любят...

Филинов зубами скрипнул, назад отступил. Шаг, другой...

Кошка тоже шагнула — за ним. Раз, два...

Прохор тонким голосом ей:

— Вон! Вон у тебя жратвы сколько! Смотри, мясо лежит!.. — и на Матвея показывает.

А сам пятится, в босса вцепился. Филинов из красного бледным стал, растерялся. В упор ведь стреляли!

Смотрю, а собачонка-то живая, в снегу завозилась, мордаху подняла, смотрит своими круглыми глазёнками и скулит жалобно.

Я вперёд шагнул. Сам не знаю, зачем. Кошка на меня посмотрела, а я ещё шажок сделал.

Говорю:

— Не бойся, мы тебя не тронем. Собачку свою возьмём, и уйдём... Кися-кися-кися...

Эта зверюга мордой поводила, вроде как принюхивается. И повернула ко мне.

Я чуть в штаны не наложил. Как не убежал, сам удивляюсь. Но если побежишь — точно сожрёт. Не знаю как, но чувствую — сожрёт.

Подошла — близко, ещё немного и рукой дотронешься. Точно — призрак. Холодом от неё веет, как из раскрытого морозильника. И глаза как у человека.

Я опять ей:

— Кися, не бойся. Собачку возьму...

Пригнулся, руку протянул к шавке, осторожно-осторожно. Слышу, за моей спиной Прохор просипел: "Бежим, барин!"

Зашуршало позади и топот ног раздался. Убегают, значит.

Делаю шагок тихо-тихо. Тут кошка фыркнула, сгорбилась, оттолкнулась всеми лапами от земли и прыгнула. Прямо на меня.

Если через кого пролетала тонна ледяного кирпича, тот меня поймёт. Призрачная кошка проскочила сквозь меня и в лесу пропала. А я в столб превратился, замороженный.

Через миллион лет статуя-сосулька по имени Димка Найдёнов немножко оттаяла и глазами поморгала.

Смотрю — нет, миллион лет не прошло. Всё так же зима, деревья в снегу. Собачонка мелкая ко мне подбежала, прыгает вокруг, на руки просится. Дрожит вся, то ли от страха, то ли от холода.

Матвей сидит у сосенки, глаза прикрыл, бормочет непонятное. Свихнулся, что ли?

Зато Альфрида и след простыл. Там, где он лежал, нету никого. Сбежал, наверное, пока я призрака отвлекал, вместе с Филиновым и лакеями. Только в другую сторону.

Что делать, попрыгал я на месте — вроде ничего мне не откусили, мёрзлые руки-ноги кусками не отваливаются. Только в голове шум и печать на спине будто шевелится.

Ну да это дело привычное. Печать у меня, как только магия рядом какая, дёргается сразу — никакого индикатора не надо.

Прошёлся я по полянке, револьвер с палашем подобрал. Собачонку подмышку засунул. Матвея поднять попробовал, и так и сяк — тяжёлый, зараза. Сам идти не может, сразу на землю валится.

Надо за помощью идти. Замёрзнет ведь. Хоть и гад он, а всё равно ни к чему живого человека вот так оставлять.

Снял я с Матвея пояс с ножнами, палаш на себя повесил, собачонку поудобней перехватил и побежал к дому.

* * *

Его высокородие господин полицмейстер стукнул тростью о паркет. Филинов замолчал. — Вас ясно сказано, государь мой — ваш дом нынче место преступления! — бросил Иван Витальевич. — Извольте не мешать следствию.

Когда я бежал к дому, подскакивая от нетерпения, думал: сейчас все ко мне кинутся. "Как ты выжил, как ты спасся, герой ты наш!" — кричать станут. Фигушки вам.

Подбежал я к дому, а там чёрт знает что творится. По двору полиция шастает, во всём доме огни горят, все лампы позажигали, и тени в окнах туда-сюда носятся.

При входе, у ворот, полицейский меня за шиворот ухватил и обшарил как простого жулика. Как только в морду не насовали, удивляюсь. Хорошо, гоб с конюшни рядом оказался, закричал: "Свой это, барина личный слуга!"

"Слуга" меня конечно по душе резануло, зато помогло. Доволокли до крыльца не за ноги, и то спасибо.

У крыльца машина антикварная, на которой полицмейстер ездит. И шофёр тот самый, мордатый. Меня увидел, лицо скривил, как на шавку какую. Вроде той, что я в руках тащу.

Ну что сказать — сам вызвал, получай. Ещё на почтамте, когда бумажками обменивался, заодно записочку для полиции передал. Рисковал сильно, конечно. Но вот — прискакала кавалерия. Не кто-нибудь, сам полицмейстер собственной персоной.

Так что вбежал я в дом, кричу:

— Там человек замерзает! Помощь нужна, срочно!

Тут же полицейских и слуг наших в лесок отрядили, Матвею на помощь. С ними лакея Сеньку послали — дорогу показывать. Чтобы не бегал в другой раз, как заяц трусливый.

— Ты живой? — удивился Филинов. — Силён! А где этот, вор-грабитель?

— Сбежал, — отвечаю. — Рысь увидел — и сбежал.

— Какая рысь, ты что, головой тронулся? — говорит босс. — То лось был — громадный. Страшнее зверя нет в лесу.

— Как же лось, — пискнул Прохор. Голос у него сорвался, сипит еле-еле. — Медведь же!

— Глаза протри — лось! — припечатал Филинов.

Я спорить не стал. Сунул собачонку Аннушке в руки и в уголке спрятался. Наблюдаю.

А полицмейстер прошёлся по дому, на кушетку уселся, солидно так, трость поставил, руки на рукояти сложил и говорит:

— Место опечатать, всех лишних убрать. Вам, господин Филинов, рекомендую покинуть особняк. Есть у вас дом в городе? Вот туда и езжайте.

Тут босс взвился, как укушенный, и много чего наговорил. Нервишки-то расшатались, кричит, аж побагровел весь.

Вот его Иван Витальевич на место и поставил. Говорит:

— Сейчас глава эльвийской общины прибудет, гадость эту, что на полу у вас нарисована, осмотрит. Без его слова решать не будем. Но я и так вижу — нехорошее это дело!

И точно — не успел договорить, как во двор коляска вкатила, белыми лошаdkами запряжённая.

Из коляски вышли двое — оба эльвы. В дом поднялись. Первый вошёл главный эльв, за ним слуга его или помощник, не понять.

Я как увидел его, дышать перестал. Это ведь только кажется, что все эльвы на одно лицо. Разные они. Одного старшего эльва я уже видел — на благородном собрании. Высокий, молодой, гордый до невозможности.

Этот тоже высокий, с виду молодой. Но это только на первый взгляд. Просто эльвы по-другому стареют, наверное. Лицо гладкое, надменное, как у статуи римского императора. А глаза старые, даже не глаза — взгляд. Неживой какой-то, будто надоело ему всё до чёртиков.

За ним коротышка семенит, росточку небольшого, в цветастом кафтанчике. И так на того карликового полуэльва похож, которого я не так давно башкой об стенку ударил, чтобы собачонку украсть, ну прямо близнец.

Но присмотрелся я — нет, не он. Похож просто. Может, братья?

А глава эльвийской общины в дом вошёл, посмотрел на всех мёртвыми глазами и на круг магический глянул.

Слышал я поговорку: "От твоего взгляда молоко киснет!" Вот это про него.

Подошёл он поближе, руку протянул, глаза прикрыл, ладонью над паркетом водит и

напевает что-то эльфийское.

Все слуги, что в доме были, по углам забились, на эльва таращатся, как на фокусника или принца заморского. Даже Филинов притих, на магический ритуал уставился.

Ну, а меня этим не удивишь, и не таких в кино показывали. И чего там смотреть — я-то знаю, что нет там никакой магии. Нарисовано своими руками, сажей намазюкано, ради хайпа. Кровь внутри круга не человеческая, и уж тем более не эльфийская. Петушиная, с кухни взятая, когда птицу резали.

Глава общины глаза открыл, говорит:

— Тёмное дело. Тёмное. Надо провести обряд очищения. Дом от живых освободить, чтобы только стены остались...

Филинов аж на кушетке подпрыгнул.

— Да вы что, ваше сияние? У меня жена наверху лежит, без памяти... Доктор с ней сидит, кровь пустил только что. Куда я её потащу?!

Эльв посмотрел на него, как на пустое место, говорит:

— Над женщиной тоже обряд провести. Выгнать тьму из души...

Тут полицмейстер покашлял:

— Хм, ваше сиятельство, господин Левикус. Полиции тоже поговорить с больной надобно, на предмет выяснения. Но мы подождём. Госпожа нездорова...

— Это не имеет значения, — сказал глава общины — как припечатал. И на полицмейстера тоже, как на стенку, посмотрел. — Тьма не ждёт.

Ничего себе, думаю, какой эльв резкий. Не боится ничего. Видно, и правда у них в столице влияние большое. Попробовал бы гоблин какой так сказать.

Тут и гоблин как раз подоспел, мастер на все руки. Знакомый мой. Притащил фотоаппарат, магнием сверкнул — круг магический сфоткал.

Иван Витальевич спросил, будто между прочим:

— Вам, господин Филинов, такое раньше видеть не приходилось? Может, не так давно? Или карандашиком набросать в тетрадочке, от скуки? А того, кто в дом пробрался и сию мерзость начертал, не признали случайно?

Филинов на него глянул диким взглядом, рот открыл — для возмущения. Тут дверь распахнулась, и в дом втащили Матвея.

Тот вроде как немного в себя пришёл, сам ногами перебирает. Двое полицейских его ведут, а он головой вертит, будто впервые здесь.

— Вот, ваше высокородие, доставили... — начал один полицейский.

Матвей головой повертел, на эльва взглядом наткнулся.

— Ах ты сволочь, морда инородская! В палаши, ребята!!

Так крикнул страшно, аж люстра под потолком зазвенела. Матвей распрямылся, полицейских отшвырнул в стороны. Одним прыжком до главы общины эльвийской добрался, на пол бросил, сверху упал, за шею схватил и давай душить.

Силён капитан! Двое полицейских его от эльва оттаскивать кинулись — не сладили.

Полицмейстер командует:

— Живьём брать! Живьём!

Матвей зверем рычит, не даётся. Его за ноги тащить, так он эльва выпустил, одному полицейскому наподдал — тот улетел. Второму тоже прилетело, кубарем покатился.

Тут уже такой крик поднялся, ничего не разобрать.

Филинов тоже кричит, Матвея успокоить пытается, да куда там! Не слышно его совсем.

Все мечутся, шум, гам, место преступления с кругом магическим ногами затоптали. Гоблин с фотоаппаратом своим подальше убрался, стоит у стеночки, глазами кошачьими сверкает. Вроде даже улыбается, не понять.

Матвей кушетку за ножки гнутые подхватил — откуда только силы взялись — и ей размахивает. Не подойти. Но не стреляет никто — начальство приказало живьём, значит, живьём.

В дверь ещё полицейские вбежали. Шофёр мордатый вперёд проскочил, от кушетки увернулся, Матвея под ногу подсёк.

Кушетка — в сторону, капитан с шофёром на пол брякнулись. Шофёр на Матвея сверху уселся, руки выкрутил — ловко так. Сам приговаривает:

— Слышь, капитан, не бузи. Не бузи. Всё хорошо будет...

Есть такое чувство — де жа вю называется. Смотрю, как этот мордатый Матвею руки крутит, и дежавю меня за горло берёт. Видел я такое — недавно совсем. Кто-то мне так же руки выкручивал... на полу? На земле? На снегу?

Глава эльвийской общины приподнялся, глаза и так холодные были, а теперь как у комодского варана стали, жуть. К нему коротышка в кафтанчике подбежал, платочек ароматный протянул, эльв утёрся. Достал из жилетного кармашка часы, крышкой щёлкнул. У меня печать заныла, а в доме тишина разлилась.

Эльв на ноги встал, часы в руках держит, сам как деревянный во все стороны поворачивается и смотрит змеиным глазом на всех. Если бы не знал я, что эльвы никого не убивают, сбежал бы отсюда со всех ног.

Тихо стало, только часы тикают. Матвей на полу ворочается, пыхтит.

Тут на лестнице шаги раздались. Все голову подняли, а это жена господина Филинова спускается. Проснулась, видно, от такого шума.

Идёт, сама в халате атласном, стёганом, бледная такая и рукой за перила держится. Нас увидела, остановилась и говорит:

— Матвеюшка, солнце моё ясное, ты что же — снова пьян с утра? Смотри, рученьки белые побил, личико чистое помял. Как теперь меня, бедную, обнимать будешь, целовать? Ох ты, голубь мой сизокрылый...

Все рты пораскрывали, стоят. Даже я удивился, хотя что такого — хозяин-то с Верочкой милуется, а супруге куда деваться?

Хозяйка дальше говорит, как во сне (может, ей доктор накапал чего?):

— Ты инородов-то шибко не обижай, Матвеюшка. Всех не поубиваешь, а в хозяйстве они нужнее...

Тут полицмейстер оживился:

— Ребятушки, капитана вязать, в машину ко мне. Госпожа Филинова, вас я попрошу присесть... Семён, кушетку!

Подтащили кушетку, поставили, хозяйку усадили.

Филинов побежал по лестнице наверх, к себе в кабинет. С бумажным листком вернулся, на ходу свернул, лакею сунул, шепнул что-то. Тот рысью во двор метнулся, слышу, кричит: "Выводи гнедка, в город срочно! Хозяин к стряпчему велели!"

Я, пока суд да дело, наверх метнулся, только не в кабинет к Филинову, а в хозяйкину спальню. Доктор мне навстречу прошагал, за пациенткой своей. Торопится, но не бежит — солидные доктора не бегают.

Заскочил я в спальню: там шторы задёрнуты, полумрак. Постель смята, на столике у кровати пузырьки всякие стоят, кувшин, на полу таз, и лекарствами пахнет — не продохнуть.

А у меня в голове вертится: если она это девушку эльфийскую вместе с Матвеем из ревности убила, должны улики быть. Хоть какие-то. Слова ведь к делу не пришьёшь. Сейчас доктор подоспеет, капелек пациентке своей накапает, соль нюхательную поднесёт.

Скажет: "Бедная дама в ажитации! Под веществами она, и сама не понимает, что делает. За слова свои отвечать не может, так что идите вы, господа полиция, ловить воров и разбойников, а честных благородных дам докторам оставьте — то их епархия!"

К гадалке не ходи, так и будет...

Пробежался я по спальне, во все углы заглянул, комод открыл — там бельишко всякое, аж неудобно стало. Но что делать — работа такая.

Что, что может быть, какие улики? Вспомнил, как Верочка хихикала, когда провокацию мою готовили, думаю — есть что-то. Наверняка.

Ещё раз спальню обежал, смотрю, дверца в соседнюю комнату открыта. Там служанка ночует, на случай, если госпоже что-то понадобится. Сейчас там нет никого, все внизу, под присмотром полиции.

Зашёл, комнатка светлая, возле окна что-то вроде мольберта стоит, на кресле вышивка разложена. Кружок такой, на нём кусок полотна натянут, нитки всякие. Рядом спицы в клубок воткнуты. Возле мольберта краски в баночках, кисти стоят пучком. Короче, комнатка для хозяйкиного хобби. Как у благородных дам положено.

А я смотрю — что-то до боли знакомое. Наклонился над креслом, где вышивка лежит, вижу — клубочек. Нить синяя, пушистая, клубочек в уголке кресла приткнулся, незаметно так. Синяя... Синяя... А! Точно такую нитку я, тогда ещё дурак-дураком после переноса в этот мир, на месте преступления нашёл. С ветки снял, в платок завернул и в ящик с уликами сунул. Вот же ж ёлки зелёные...

Схватил клубок, к выходу метнулся, у мольберта вдруг затормозил. Опять де жа вю. У мольберта на столике кисточки в кувшине стоят: тонкие, потолще, разные. Самые толстые стоят отдельно, плоская и круглая. А плоская чёрной краской измазана. Видно, что почистить её хотели, да только до конца не отёрли.

Ну ничего себе, улики! Схватил я кисти в пучок, мольберт ухватил до комплекта, в другой руке клубок с вязанием. И по лестнице вниз поскакал.

Там уже доктор возле госпожи Филиновой хлопочет, нюхательную соль подносит и с полицией ругается — всё как я и думал.

Матвея уже во двор увели, в машину сажают. Филинову лакей Сенька пальто подаёт, трость принёс, шапку. Слуги суетятся, туда-сюда носятся.

Я к полицмейстеру подошёл, а он с главой общины переругивается. Ну, как переругивается — культурно очень.

Эльв с глазами змеи, весь прямой как палка, шипит:

— Господин Домикус будет поставлен в известность. Мы будем вынуждены донести до сведения в столицу...

Иван Витальевич ему отвечает:

— Имеете право, ваше сиятельство. Жалуйтесь на здоровье. Только и у нас служба государева, никак не можем послабление сделать ни для кого...

Я скромненько рядом встал, жду, пока на меня посмотрят. Нет, не смотрят. Полицмейстер глянул краем глаза, отвернулся. А у самого рука на трости сжалась, аж пальцы побелели. Злится полицмейстер, очень злится, сразу видать.

Я повернулся боком, клубок синих ниток эдак невзначай показал, кашлянул. Даже эльв ко мне повернулся. Глаза ледяные на меня уставил, как буравом просверлил.

Полицмейстер глянул на меня, на улики, зубы оскалил, да как гаркнет:

— Семён! Готова машина? Едем! Доктор, больную свою забирайте, в коляску её и в клинику для скорбных духом везите. Под присмотр. Господин Филинов — вы с нами. Да поживее!

Повернулся, оглядел всех — не хуже эльва — и сказал:

— Все вон пошли. Дом опечатан. На выход, с вещами!

Повернулся и к двери пошёл.

Госпожу Филинову под руки подняли, повели. Филинов в пальто и шапке к выходу двинулся, за ним Сенька-лакей с чемоданом. Слуги все забежали, в дверь ринулись. Меня толкают со всех сторон. А я стою, в руках улики, смотрю им вслед, с места сойти не могу. В дверь видно, как Матвея в машину сажают, руки за спиной связаны, голова мотается, зубы в оскаленном рту блестят. Перед глазами картинка: снег, ограда, дом трёхэтажный. Камни вокруг клумбы дорожкой выложены. И кто-то мне руки выкручивает... Де жа вю.

Выехали мы из ворот — прямо свадебный кортеж. Впереди машина полицмейстера тарактит, в ней сам Иван Витальевич, руки на трости сложил, суровый такой. С ним пара полицейских покрепче и Матвей — связанный как колбаса.

Сразу за машиной коляска, запряжённая белыми лошадьми. Главного эльва везёт.

За эльвами катит карета госпожи Филиновой. Воронье бодро стучат копытами, радуются прогулке. В карете жена босса, рядом с ней врач. У врача лицо озабоченное, на коленях саквояж медицинский стоит наготове. Хозяйка глаза прикрыла, дремлет. Похоже, сама не понимает, что делается и куда её везут.

С ними вместе пара служанок, одна из них Верочка. У Верочки на коленках собачка стриженная сидит, хозяйкина любимица.

Дальше уже мы катим, с боссом во главе. Прохор рядом с кучером, в коляске сам Филинов, рядом с ним я — там, где раньше Матвей сидел.

С нами гоблин-фотограф устроился. Места ему в машине Ивана Витальевича не хватило — там здоровый полицейский уселся, чтоб Матвея держать. Не гоблин же это делать будет?

Сенька-лакей на запятках сидит. Там же позади чемодан с вещами прикрутили.

Я сижу весь оружием обвешанный — на поясе палаш офицерский, да ещё два револьвера, свой и капитана. Никто у меня оружие отобрать не озаботился, а сам я предлагать не стал.

На повороте повозка полицейская осталась стоять, во дворе ещё народ суетится. Ворота закрыли, дом опечатали.

У соседних особняков за оградами и на дороге народ толчётся, глазают, версиями обмениваются. Помирают от любопытства. Ещё бы, такое зрелище не каждый день увидишь. Сам полицмейстер и главный эльв прикатили, с кучей полицейских. Сюда сами по себе, а обратно — с хозяевами дома. То ли в гости везут, то ли в острог, в подвалы тёмные. Как тут не поглазеть?

Проехали мы поворот, где парк в лес переходит, лошадки всхрапнули и бодрей побежали. Думаю — если там такая нечисть бродит, понятно, чего они пугались.

А мой босс Филинов оглянулся назад, на дом свой опечатанный. Потом на машину полицмейстера посмотрел, где Матвея везут. На карету, где жена его. Говорит:

— Не знаю, что за дела творятся, но кто-то за это ответит. Ох, ответит... Дай только до города доберусь...

А я думаю: если он тот самый Рыбак, то мало никому не покажется. Только вот незадача — главный убийца-то у него, выходит, Матвей. А он с катушек съехал. Как бы босс меня на его место не назначил. Вон, рядом усадил, оружие опять же его, Матвея...

Говорю:

— Странно. Неужто капитан всегда такой был? Не замечал за ним...

— Не был он такой! — рявкнул Филинов. Стукнул тростью, все аж подпрыгнули. — Я деньги платил, сверху накинул, на заклятье!

Сидит, отдувается. Потом говорит, задумчиво так:

— В полку было дело, конечно. За то и пострадал. Мы тогда стояли в поселении. Жара, тоска, инороды кругом... Вот он к порошку и привык. На руку насыплет и нюхает...

— Кокаин, — говорю, — что ли?

— Это сейчас так называется? — Филинов морщится, будто гадость пожевал. — У нас его "кок" называли. Через это едва на каторгу не отправился капитан. Кок гобы привозили, деньги брали за него. Капитан деньги из полковой кассы взял. Думал, отдаст, да не случилось. Так он гоба, что деньги с него требовал, зарубил и прикопал... думал, не найдут.

— Так он убийца? — говорю. — Как же он от каторги отвертелся?

Филинов усмехается.

— Замяли дело... Гоба убить — не страшно, потеря чести — вот преступление. Вступились за него, офицер боевой был... Я, когда его к себе на службу брал, сказал ему: "Матвей, чтоб тише воды, ниже травы был! Мне головная боль ни к чему!" Вызвал стряпчего — как давеча к тебе — сверху денег накинул, заклятье наложили. Смирный стал Матвей, что ягнёнок. Вот я и думаю — с чего опять-то?

— А снять его нельзя, заклятье? — спрашиваю.

Тут на меня все обернулись. И Прохор, и даже кучер. А гоблин, что с фотоаппаратом в обнимку сидел, глаза округлил и языком поцокал — типа, ну ты и спросил!

— Снять? — Филинов головой покачал. — Шутить изволишь, ваше благородие? Это заклятье как клеймо. Каким скотину клеймят. Раз наложили — до смерти будет с тобой. Ты не знал разве?

Я плечами пожал:

— Говорят, старший эльв всё может.

— Старшему эльву посрать на нас! — отрезал Филинов. — Видал, какой он? Ему хоть весь ты в клеймах будь, он и носом не поведёт. Молчи уж лучше!

Ну я и замолчал. И правда, странно всё это.

* * *

Наконец город впереди показался. Солнце уже низко висит, купола храмов багрянцем окрасились, сверкают.

У перекрёстка все остановились. Карета хозяйки, вороными запряжённая, поворачивать стала — в клинику. Мы недалекостали, Филинов из коляски вышел, к доктору направился — пошептаться. Я с другой стороны подбежал, Верочку окликнул.

— Дайте собачку, — говорю, — Вера Афанасьевна.

— Зачем вам Бусенька? — спрашивает Верочка. А сама на меня смотрит, будто сказать что-то хочет, но при всех боится. Или от меня чего ждёт. — Это хозяйкина собачка.

— В клинике нельзя с животными, — отвечаю. — Порядок такой. Вон, хоть доктора спросите, он подтвердит.

Верочка глянула на доктора (он с Филиновым говорит, важный такой, суровый), на хозяйку — та вообще в шоке, — и кивнула. Собачонку мне передала, а сама покраснела, волнуется.

— Не беспокойтесь, Вера Афанасьевна, — говорю, — у меня целее будет.

— Ах, я не о том волнуюсь, Дмитрий Александрович! — отвечает она в сердцах. Отвернулась от меня, выпрямилась, не смотрит больше.

Не поймёшь этих девчонок. Сама же с боссом в постели кувыркалась, планы на его дом строила. А теперь обижается.

Взял я собачонку и в коляску обратно уселся.

Воронье тронули с места, доктор свою больную в клинику повёз, а мы дальше покатали.

Впереди башня с часами показалась, за башней замаячил белый шпиль эльвийского храма. Даже издали видно — вокруг народу полно, всю улицу перегородили.

Часы на башне — бом, бом-м!..

Народ впереди забегал, руками замахал.

Что-то странное, вроде праздников никаких нет. И людей возле храма эльвийского столько не бывает.

Смотрю — а там городовые вокруг, даже приставы собрались. Сам Викентий Васильевич, заместитель полицмейстера, тоже здесь.

Машина с полицмейстером притормозила. К ней тут же рысью подбежал полицейский — Бургачёв, мой бывший начальник.

Бургачёв весь взмыленный, как конь, говорит, а сам аж заикается от волнения:

— Ваше высокородие! Беспорядки, ваше высокородие!

— Докладывай! — Иван Витальевич выпрямился на сиденье, лицо суровое, глаза горят — прямо генерал на поле битвы. — Да по делу!

— Ваше высокородие, беспорядки! Инорода хоронили, что недавно в цеху Филинова погиб. Сегодня в храм понесли, заупокойную читать. Инороды набежали, от трёх десятков и больше. Потом ещё прибыли — около четырёх десятков. Двое на паперть вышли, стали бунтарские речи говорить. Инороды слушать их стали, крик начался. Меж ними замечены воровские элементы. Воры эти стали инородов мутить, бумажки раздавать с мятежными словами. Городовой один листок отнял, так орги его стали ногами охаживать, еле отбили...

— Бумагу! — рыкнул полицмейстер.

Бургачёв протянул листок. Иван Витальевич бумажку вырвал, пробежал глазами:

— Зам полицмейстера сюда!

Викентий Васильевич уже здесь оказался, вслед за Бургачёвым.

Начальник ему:

— Как допустили?!

— Мы этого ждали, — отвечает зам. — Я накануне докладывал — возможны беспорядки.

— Возможны?! — полицмейстер на сиденье приподнялся, на зама смотрит — сожрал бы. — Почему до сих пор не разогнали? Где особая часть?

— Особая часть в боевой готовности, — докладывает заместитель. Сам стоит, выпрямился, будто кол проглотил, лицо каменное. — В ожидании распоряжений. Велено было ждать приказа губернатора.

— Что губернатор? — полицмейстер спрашивает, а сам тон сбавил, как на стенку наткнулся.

— Его сиятельство господин губернатор приказали вас дожидаться, — отрапортовал зам.

Полицмейстер зубами скрипнул:

— Вот как! Меня ждёте...

Пристукнул тростью:

— Вестового срочно — в особую часть. Сей же час чтоб сюда шли. Оцепление усилить. Привлечь тех, кто в запасе.

Заместитель:

— Слушаюсь! — и спросил: — Из запаса всех брать?

— На ваше усмотрение, — буркнул полицмейстер. — Я за вас думать должен?

Заместитель полицмейстера отошёл, команды раздавать стал. Все забегали.

Толпа кричит, часть людей — то есть инородов — от храма вверх по улице пошла. Городовые их не пускать стали, так сразу драка началась. Аж зубы во все стороны полетели, с кровавыми соплями. Городовых не так уж много, а орги — ребята здоровенные.

Тут Иван Витальевич скомандовал отъезжать. Шофёр баранку крутанул, машина зафырчала и в сторону свернула — к дому губернатора.

Мы тоже тронули и в соседнюю улочку повернули. Филинов велел кучеру к гостинице править — в номерах пересидеть, пока суд да дело.

А коляски с главой эльвийской общины уже и след простыл. Пока мы на беспорядки глазели, эльвы под шумок укатили, от греха подальше.

В гостинице Филинов потребовал лучший номер. Мне буркнул:

— Со мной будешь, вместо капитана. Вон, на диванчике располагайся. И выбрось шавку! Ещё мне в номере блох не хватало...

Чёрт, куда собачку девать? Побежал я к администратору договариваться. Бегу, а сам думаю: мне-то что делать? Хозяйку в больничку упекли, Матвея сейчас в подвал полицейский бросят — и всё? Убийца пойман, убийца невменяем, всем спасибо, все свободны? Не так я себе это представлял...

Смотрю, внизу гоблин стоит, тот самый, что с нами ехал. Про него, видать, начальство забыло в суматохе.

Я — к стойке администратора, а гоблин меня перехватил, взял за рукав двумя пальцами, покашливает:

— Господин Дмитрий, на пару слов можно вас? — и глазами в сторонку косит.

Отошли мы к выходу.

Гоблин по сторонам посмотрел, вытащил листок бумаги. Листок свёрнут очень плотно, в несколько раз, так просто и не разложишь.

— Вам послание, господин стажёр, от начальника. Вы знаете, от кого.

Разворачиваю, смотрю — сверху написано: "Дмитрию Найдёнову, стажёру сыскной части, в собственные руки".

— Это что, от Викентия Васильевича? — спрашиваю.

Гоблин кивнул.

Во как! Интересно, с чего это мне записки через гобов слать начали? Хотя что я удивляюсь, вон что на улице делается... Некогда шефу всяким стажёрам вестовых посылать да тайные встречи организовывать. А гоблин, как ни крути, на полицию работает, с полицмейстером в одной машине ездит...

А я уж думал, про меня забыли. Когда Викентий Васильевич у машины стоял, полицмейстер приказал ему взять людей из запаса. Ну, думаю, сейчас скажет — вот и этого возьмите, дело-то уже сделано! Нет, даже не взглянул никто...

Хотя шеф, когда задание давал, твёрдо сказал — быть под прикрытием, пока другой приказ не поступит. Никакой самостоятельности.

Значит, вспомнили всё-таки стажёра Найдёнова.

Так, что мне шеф пишет?

Читаю. Ничего себе! Нет, рано тебе в оцепление, господин стажёр.

Свернул я листочек, на гоблина посмотрел. Спрашиваю:

— На словах ничего мне передать не велели?

Тот молча головой помотал, улыбнулся. Дотронулся пальцами до края шляпы — типа попрощался — и пошёл из гостиницы.

Ну что, Димка — долг зовёт. Послужим государю и делу правопорядка.

К назначенному месту я пробирался окраинами, по тёмным улочками и переулкам. Хорошо, хоть город изучил, пока под прикрытием работал. Не то бы заблудился и вовремя не успел.

В записке от Викентия Васильевича было сказано: быть на месте к указанному часу. Если никого не окажется, ждать. Место знакомое — там мы с Альфридом и нашими товарищами по банде встречались, прежде чем грабить идти.

Ещё сказано было, что нужно дождаться прихода полуэльфа и выведать у него всё, что только можно. Разузнать имена, фамилии, клички, адреса его сообщников, через которых он дела ведёт. А после, выяснив всё досконально, повязать.

Сам Альфрид должен явиться непременно. Его вызовут запиской от моего имени. В записке будет, что я согласен отдать собачонку с драгоценным камнем на ошейнике. Что хочу денег и побольше. Полуэльф поверит, явится на встречу и тут уж надо не сплеховать.

Зато после этого моя служба по выявлению преступников будет окончена, и я смогу с чистой совестью и чувством исполненного долга вернуться в полицию. С торжественным вручением погон, наградной медалью и всеобщим уважением.

Чего ещё желать-то?

Вооружился я самым лучшим образом. Два револьвера, а под шинелью на поясе — офицерский палаш, у Матвея взятый.

Хотя никому не советую так палаши носить. Жутко неудобно. В одном сериале, помню, мужики с мечами бегали, головы друг дружке рубили. Чтобы силу получить и одному остаться. Так эти мечи — и не такие, а здоровенные, чуть не в полтора метра длиной — вытаскивали непонятно откуда. Вжик — и катана в руке. Кино, блин.

Для верности я ещё в карман кастет положил. Точнее — гасило на цепочке. Мало ли что.

Пришёл. Место для встречи — дворик заброшенный, за кривым домом. Кругом заборы, слепые окошки и вокруг никого.

Темно уже, в переулках вообще как в яме какой — только ноги ломать. На центральных улицах хоть фонари горят. А тут хорошо если откуда-нибудь огонёк посветит.

Подкрался я остороженько, за угол заглянул — есть там кто? Нет, темнота одна.

Прислушался — тихо.

Посвистел условным свистом. Через пару секунд слышу — отозвались. Наш свист, только мы его знаем — наша банда.

Руку на револьвер положил, прошёл во дворик.

— Есть здесь кто? — спрашиваю.

— Это ты, Дмитрий? — голос Альфрида, откуда, не поймёшь.

— Да, я. Ты где?

— Собаку принёс?

Озираюсь — не вижу никого.

— Слушай, я не в прятки играть пришёл, — говорю. — Выходи. Поговорим, как брат с братом.

Засмеялся Альфрид, аж всхлипывает от смеха. Потом говорит:

— Ладно. Как с братом!

Смотрю — тени зашевелились, от стены дома отлепились, вышел Альфрид. И не один. С ним мои товарищи по банде появились — орк и гоблин.

Гоблин малость прихрамывает, отошал сильно, но живой. Вот как ему магия лечебная помогла!

Орк за ним идёт, улыбается — рад меня видеть.

Альфрид рядом с ними встал, руки развёл в стороны — показывает, что нет в них ничего. Говорит:

— Что же ты, друг Дмитрий, с оружием пришёл? Никак, боишься нас?

— Что же товарищей своих бояться, — отвечаю. — Мы теперь, считай, одна семья.

Вижу, орк ещё больше заулыбался. Гоблин молча кивнул, но видно, что согласен.

— Ближе к делу, Дмитрий! — говорит полуэльф. — Где шавка? Где наши деньги?

— Собачка здесь, за углом привязанная, — отвечаю. — Только я её тебе не отдам. Пока ты мне всю правду не скажешь.

— Какую ещё правду?! — рычит Альфрид. — Не тяни кота за яйца!

— А такую. Ты нас всю дорогу втёмную разыгрывал, как лохов последних. Мы за тебя кровь проливали, а ты что? Денежки взял и свалил в туман. Если мы с тобой друзья-товарищи, так давай — говори, как на духу. Сколько тебе за камень обещали, какая наша доля, чтоб всё по-чести.

Смотрю, орк с гоблином закивали дружно, согласны со мной. Зачем полуэльв их сюда притащил, знает ведь, что они на моей стороне? Или не знает?

— И да, хорошо бы ещё знать, куда нашу долю поверней вложить, — давлю на него. — У тебя вон знакомцы есть, даже за границу камень могут переправить. Мы тоже хотим в деле быть — как товарищи.

— Как товарищи? — спрашивает Альфрид. — Как товарищи, говоришь?

А сам улыбается злобно и зубы свои эльфийские показывает — того гляди, укусит.

— Да, — отвечаю, — так что давай, не тяни кота за причиндалы. Сам сказал...

Полуэльф гоблина отодвинул, ко мне шагнул, пригнулся, в глаза глянул по-змеиному:

— Полицейский нам не товарищ! Предатель ты, тварь последняя! Сколько тебе твоя полиция платит за наши шкуры?!

Орк с гоблином переглянулись, тоже ко мне шагнули. Ой, Димка-стажёр, что-то не так пошло...

— Ты что-то путаешь, друг Альфрид, — говорю. А сам отступаю потихоньку. Их трое — я один. — Откуда такие мысли?

— Думал, я не узнаю? — шипит полуэльв. — Да, у меня друзья есть! Рассказали! На том свете узнаешь, кто. Держи его, братцы!

Я отскочил, револьвер выхватил, да поздно. Метнулось гасило в руке орга, вспышка — и всё.

Упал я на спину, лежу. Шевельнуться не могу, в глазах плывёт, ноги не слушаются.

Слышу сквозь шум в ушах, как орк говорит:

— Прости, господин Дмитрий. Я думал, ты друг. А ты не друг. Альфрид друг. Он денег даст. Мне даст, гобу даст.

Альфрид надо мной смеётся:

— Не сомневайся, дам денег! Вот только гнидёнша этого прикопаем, и сразу...

Ну всё, Димка, конец тебе пришёл. Альфрида уже не уболтать. Откуда он узнал? Как не

вовремя! Поднять бы руку с револьвером, хоть пальнуть напоследок, чтоб не зря. Нет, не получается...

— Подождите, — гoblin рядом стоит, в темноте глаза кошачьи блестят. — Может, ошибка какая? Господин Дмитрий мне помог, рану мою лечил. Полиции не сдал...

— Да ты что, гоби? — фыркает полуэльв. — Он тебя лечил, чтобы ты на плаху здоровенький пошёл! Чтобы муки принял — посильнее!

Замолчал гoblin, задумался. Вот же тварь Альфрид, видать, по себе судит...

— Ладно, посмеялись и хватит, — голос полуэльва. — Пора. Кончай его!

Задрожал я. Хотел в глаза смело посмотреть, как герои в кино, когда их к стенке ставят: "Мне глаза не завязывать!" Нет, не смог, зажмурился, жду удара.

Жду... удар сердца, ещё удар — тук, тук... Ну?

Слышу — шум какой-то, возня. Рядом закричал кто-то, будто кошке хвост отдавили. Забегали, затопали, забор затрещал. Да что такое?!

Кое-как пошевелился, голову повернул. Тут на счастье луна из-за тучки выбралась. Немножко светлее стало.

Рядом ноги затопали, подошёл кто-то, остановился. Голос знакомый:

— Ну что, стажёр, зашибли тебя? Лежи, лежи, не вставай...

Поморгал я, приподнялся чуток. Вижу, стоит надо мной человек. Здоровый такой, в плечах широкий, коротко стриженный. В одной руке шляпа-котелок, в другой ножик длинный, прям мачете. Человек этот рукой, в которой шляпа, лоб утирает — рукавом.

Увидел, что я смотрю на него, улыбнулся:

— Здравствуй ещё раз, студентик. Что, болит головушка? Ничего, сейчас полегчает.

Ёлки зелёные, да это же мордатый шофёр, который полицмейстера возит! Он-то здесь откуда?

А шофёр лоб утёр, шляпу-котелок на голову нахлобучил и говорит:

— Ты не бойся, больно не будет. Я ведь тоже школу полицейскую окончил, как ты. Только раньше. Что, капитан Сурков служит ещё? Кобель старый... Как помрёт, ты ему привет передай от меня, хе-хе.

Усмехнулся шофёр, ножиком покачал:

— А ты молодец, стажёр. Шустрый малый, умён не по годам... Ещё бы немного — и до точки докопался. Хотел я тебя к нам завербовать, да вожак против. Зол он на тебя, сам не знаю, почему. Не судьба, уж прости.

Шофёр огляделся по сторонам, кивнул сам себе:

— С дружками я твоими разобрался. Всех положил, как поросенок, хе-хе. Славное жаркое будет! Ну а ты не обессудь — с тобой велели не цацкаться. Под нож пуцу, со всем уважением.

— Подожди, — хриплю. — Постой! Скажи хоть напоследок — кто убийца? Кто Рыбак? Филинов? Ты на него работаешь?

Захихикал он, мерзко так, аж от смеха трясётся.

— Ты меня с Матвейкой не путай. Мы с ним хоть в одном полку служили, но ему до меня — как до Сибири пешком. Ладно, заболтались мы с тобой. Прощай, стажёр.

А сам нож перехватил покрепче и ко мне наклонился.

Ну всё. Вот теперь точно конец. От страха руки у меня маленько задвигались, в глазах прояснилось. Поднял я свой револьвер, что возле меня лежал.

Не успел. Только поднял, шофёр-оборотень по руке мне ударил, да ещё небрежно так, не глядя. Револьвер отлетел куда-то в темноту, на землю шлёпнулся.

— До встречи в аду, приятель, — сказал шофёр. Посмотрел мне прямо в глаза, ножик свой остриём вниз повернул — в сердце нацелил. А взгляд у самого пустой стал, ни одной мысли.

Бахнул револьвер. Мой убийца вскрикнул, выронил нож. Револьвер бахнул снова, но шофёр уже откатился в сторону — очень быстро.

Подпрыгнул, снова перекатился. Я его из поля зрения потерял, так он крутится.

Поднялся на карачки, сам шатаюсь, земля подо мной плывёт. Чёртов орг со своим гасилом!

Луна то выходит, то за тучку обратно прячется. Слышу — возня, удары, хрип, ругань.

Ох ты, думаю, это шофёр кого-то из моих не дорезал до конца. Или на помощь прибежали. Но нет — кто прибежит, нет здесь никого, кроме нас....

Помочь бы своему неожиданному другу, но не могу. Руки трясутся, земля качается. А в темноте, да в такой куче-мале не разобрать, кто где.

Луна показала краешком, осветила дворик. Вижу — на земле двое ворочаются. Шофёр сверху оказался. Выхватил откуда-то из-под штанины нож — короткий, острый — и давай тыкать в того, кто под ним. Тыкал без передышки, пока тот, внизу, не затих.

Убийца на ноги поднялся, отдувается. Шляпу свою потерял, пальто сбилось.

Повернулся ко мне, всё веселье пропало. Не улыбается больше.

— Вот как сейчас будет, стажёр. Хабар вы не поделили — сцепились. Ты парень ловкий, их троих положил. Но и они тебя пришили. Помер ты — от ножевого. Кровью истёк, помощи не дождался. Разозлил ты меня, студент. Не жди лёгкой смерти.

Ухватил шофёр меня за шкурку, ворот вывернул, приподнял как щенка. И ножиком своим меня в бок ударил.

Я вскрикнул. Больно — не передать словами. По рёбрам огнём ожгло, в глазах вспышка света.

А шофёр вдруг тоже вскрикнул и ворот мой отпустил.

Отскочил, шипит, ругается.

У меня от боли и страха силы вернулись. Не совсем, но я всё же поднялся, отбежал на пару шагов. Смотрю — убийца мой вертится, ногой дрыгает. А на ноге у него висит собачонка мелкая, стриженная, в попонке. Бусенька!

Я ведь её правда с собой привёл, привязал неподалёку. Для убедительности, и потому что администратор вредный попался — не захотел войти в положение. Неужто отвязалась?

Не стал я стрелять, побоялся промазать. Вытащил палаш из-под шинели, шагнул к убийце, и ткнул его в бок — между рёбер.

Целил в бок, попал в спину. Шофёр на месте не стоял, мишень из себя не делал. Вертелся, собачку с ноги стряхивал.

Ударил я его, он замер на мгновение и ко мне повернулся. Палаш у меня из руки выдернулся, на землю упал. Вот чёрт! Не умею я с холодняком работать! Сюда бы Егора,

дружка моего реконструктора, он бы смог...

Шофёр с ноги пробил мне в живот, я отлетел. А он молча подобрал палаш и собачку к земле пригвоздил. Слышу — взвизгнула она, ногу ему отпустила. А убийца ко мне прыгнул, клинком выпад сделал — прямо в живот.

Быстро так, глазом не уследить.

Я чуток повернулся, палаш мне шинель вспорол. Рука убийцы в меня уткнулась, я её ухватил, а сам продолжил движение.

Кувыркнулся шофёр носом в землю. Я ему ногой по затылку — хрясь! Тут же второй револьвер выхватил — первый искать некогда — и пальнул в спину. Лежащему. В спину.

А выстрела нет — забыл предохранитель снять. Я же не стрелял ни разу из него, хоть перед Матвеем хвастался, что умею...

Секунда — а шофёр уже перекатился, меня на землю сбил, и набросился — пытается оружие выхватить. Тяжёлый, гад, ловкий. Я ему по башке рукояткой, он за руку меня — хватать. Вот-вот оружие отнимет. Я пальцы разжал, револьвер из руки у меня выпал, и никто его ухватить не может, ни я, ни он. Крутимся на земле, и ни у кого одолеть не получается. Не зря его в школе полиции обучали...

Слышу — над ухом визг, скулёж, и мокрое, горячее, солёное на лицо капает. Бусенька подскочила — видать, не убил её гад. Ранил только.

Собачка рыкнула и в ухо убийце вцепилась. Зубки маленькие, зато острые. Рвёт его, рычит сквозь зубы — озверела совсем.

Чуточку отвлекла убийцу, но мне хватило. Ткнул я ему пальцами в глаза, коротко — но сильно. Попал. Он всхрапнул, захват ослабил. Тут я извернулся, ухватил его — и на удушение.

Помню, вколочено в меня тренером — держи нежно, но крепко, как де... как рыбу за жабры. Не отпускай, но и вырваться не давай. Удавить можно — но не нужно.

Давлю. Захрипел он, задёргался. А я давлю, не останавливаюсь. И одна только мысль в голове вертится: если отпущу хоть на секунду, всё опять начнётся. Трёх товарищей он убил, а после меня убьёт. И собачонку Буську не пожалеет...

Сколько времени прошло, не знаю. Разжал я руки — не шевелится он.

Встаю, а сам шатаюсь, в глазах искры бегают. Пошатнулся, снова сел на землю рядом с убийцей, дышу тяжело.

Собачонка мне в руки носом ткнулась, скулит. Я её на руки взял, погладил. Морда у неё мокрая, липкая, в крови вся перемазанная. Своей и этого, что рядом лежит.

— Что он с тобой сделал? — говорю.

Ощупал её, чувствую — попонки нет. Наверное, когда шофёр её палашом ткнул, в попонку попал. Её срезал, а по боку вскользь прошло.

На ошейнике обрывок верёвочки болтается — перегрызенный. Освободилась, значит, ко мне прибежала — помогать.

Ощупываю ей шею — вдруг ещё где поранили, кровищи-то много. Пальцы нащупали ошейник, ухватились за украшение. То самое, в виде сердца, которое наш орг слепил. Из фигни и ниток.

Пальцы от крови липкие, сердце под рукой мнётся, тает, как пластилин. Блин, думаю, наверное, орг наш помер, и магия действовать перестала.

Защипало у меня в глазах, так жалко стало вдруг всех — и орга, и гоблина и даже Альфрида. Жили бы сейчас, в картишки жульничали, если б не я...

Эх, жизнь моя жестянка... Схватился за сердечко, оргом слепленное, сию, покачиваюсь, Буську к себе прижимаю.

Что-то холодно вдруг стало, трести меня начало. Пальцы судорогой свело, разжать не могу. Сердце в руке плавится, а пальце всё сильнее сводит. Так больно — не вздохнуть.

Тут мне в спину, где печать, палец ледяной воткнулся.

Вскрикнул я, набок упал, собачку выпустил. В ушах звон стоит, меня всего корёжит, как припадочного.

Потом ледяной палец из печати выдернули — резко. Звон в ушах затихать стал, и судороги отпустили. Лежу, ртом воздух глотаю, как рыба на песке.

Слышу, прощуршало рядом, кто-то меня по щеке гладит. Буська, что-ли?

Открываю глаза — нет, не Буська. Девушка рядом со мной сидит, на коленки опустилась, на меня смотрит и по щеке поглаживает ладошкой — нежно так.

— Ты кто? — спрашиваю. Только вместо слов хрипение какое-то получилось.

Но девушка меня поняла. Улыбнулась, отвечает:

— Не узнал? Я Бусенька. Буська.

Я аж глаза выпучил. Сел, вроде ничего — не шатает. Только в голове каша. Присмотрелся — а девушка совсем не одетая. Из одежды только волосы и ошейник.

Тут я подпрыгнул, на ноги вскочил. Она тоже поднялась, изящно так, прямо фотомоделю. Да и сама, вижу, красотка — хоть на плакат, в рекламу.

— Ты что, правда Буська? — ничего умнее не придумал сказать.

Но правда — смотрю внимательно, а волосы у неё коротко пострижены, торчат, как у ежа. И цвет волос рыжий с подпалинами. Точно как у нашей собачонки.

Ошейник тот самый. Только нет на нём больше сердечка. Камушек опять показался — кошачий глаз в золотой оплётке. Только оплётка расплавилась и с камнем слилась в одно. Теперь в кошачьем глазе золотая нитка блестит золотым узором.

— Если хочешь, то Буськой зови, — говорит девушка. — Хотя у меня имя есть.

— Имя? — говорю, а в голове вертится дурацкое, не помню откуда: "Имя, сестра, имя! Скажи мне имя!"

— Я знаю, тебя зовут Дмитрий, — отвечает девушка. — Моё имя — Альвиния.

Повернулась, пошла к тем, кто на земле лежал — к товарищам моим по банде — покойным. Тут как раз лунный свет весь дворик осветил. Смотрю ей вслед, слова не могу сказать. Красота — и спереди, и сзади.

Альвиния присела возле покойников, на коленки встала, смотрит. Я подошёл, а она Альфрида лицом вверх повернула, и по щеке его гладит, как меня только что.

— Ох, — шепчет, — бедный, бедный глупый Альфрид...

— Ты его знаешь? — глупый вопрос, но что-то я не догоняю сейчас. Стою, как дурак на именинах.

Она не отвечает, сидит, голову склонила над покойничком. Потом глаза подняла на меня, жалостные такие. А я только сейчас заметил, что уши у неё заострённые. Волосы-то мы ей постригли, вот уши и торчат. Так она эльвийка, выходит. Как там — полуэльв. Полукровка! Как Альфрид...

Тут меня озарило. Это она! Из-за неё бедняга Альфрид так напрягался, грабил, воровал, во все тяжкие пустился. Непонятно только, почему собакой была. Но она это, зуб даю...

Но сказал совсем другое.

— Холодно, — говорю. — Тебе одеться бы. Давай, я тебе свою шинель отдам...

Снимать стал, а шинелька моя порезана, руку просунуть можно. Это меня шофёр палашом располосовал.

— Ничего, — отвечает девушка, равнодушно так. — Найду что-нибудь.

И точно — нашла. Трупов здесь много образовалось. С одного штаны сняла, с другого — рубашку. Пальтишко накинула, шапку на уши натянула. Стала не девушка, а пацан. Ногами в ботинках притопнула, повернулась, спрашивает:

— Можно меня узнать?

— Нет, — говорю.

А сам посмотрел на тело шофёра и по лбу себя хлопнул с размаху. Пожалел сразу — загудело в бедной моей голове. Но вот ведь досада: не расспросил его как следует!

Убил сразу, а мог бы и... да, пытке подвергнуть. Не знаю, учили этому Дмитрия Найдёнова в полицейской школе или нет. Но я-то цивилизованный человек! Я такое на экране видел, кого хочешь разговорить можно.

Но что теперь говорить...

Поднял своё оружие. Взял револьверы, палаш обратно прицепил. По телу шофёра пошарил, много интересного нашёл. Повезло мне живым остаться, ох, повезло...

Товарищей своих обыскивать не стал — не смог. Не настолько я эльф, чтобы вот так — спокойно. Девушка эта, Альвиния, хотя и горюет по своему милому, без проблем с него штаны стянула. А я что, я по документам человек.

— Ну что, пойдём? — девушка спрашивает.

Огляделся я — делать здесь больше нечего. А вот куда идти — вопрос. Большой такой вопросище.

— Тебя куда отвести? — спрашиваю девушку. — Дом у тебя есть?

Она себя руками обхватила, головой качает:

— Мой дом — дом невинных лилий. Знаешь, что это?

О, точно. Не зря покойный Альфрид так за бедных сестёр по крови страдал, кричал про злую судьбу. Бордель — вот её дом.

— Знаю, кто же не знает, — говорю. — Хочешь туда пойти?

— Не хочу, — отвечает. — Но куда ещё? На улицу, себя за гроши отдавать?

— Так и мне идти некуда, — говорю.

И вдруг понял — точно. Некуда. Если Филинов, хозяин мой, тот самый Рыбак, то шофёр этот — от него. И хозяин теперь сидит в гостинице и ждёт, когда убийца ему мою голову принесёт на блюдечке. Ну, не голову, а хотя бы ухо отрезанное, для доказательства.

С другой стороны, очень странно, что записку, в которой меня на встречу приглашали, передал гоблин. Тот самый гоблин, который на полицию работает. Тот самый, который тогда, в благородном собрании, у двери стоял и нашу с Викентием Васильевичем встречу охранял. А ведь кого попало на такое дело не возьмут.

Так что же, получается? Может, это мой шеф, заместитель полицмейстера, обманную записочку прислал? Но зачем ему это? Ничего не понимаю...

Или, может быть, записка настоящая, а убийца просто за мной проследил, и полиция не при чём? Но откуда тогда Альфрид знал, что я на полицию работаю?

Хотя, может и не знал, а просто догадки свои высказал. На испуг взял Димку-стажёра. А стажёр возьми и напугайся. Небось по моему лицу сразу понятно стало, что рыльце у друга Дмитрия в пушку...

Короче, стою, мозгами ворочаю, ничего понять не могу. Совсем запутался. Спрашиваю Альвинию, а сам в затылке скребу в раздумье:

— А чего тебя в собаку-то превратили? Просто так или причина была?

Она плечами пожала:

— Мне не сказали. Вызвала меня госпожа, я вошла... и раз! Пол подпрыгнул, стол, за которым госпожа сидела, выше меня стал. Госпожа подошла, ошейник на меня надела. Сказала: "Заклятье моё крепко. Ничто и никто его не отменит, кроме неведомого..." И всё. Стала я собакой.

— погоди, — говорю. — Ты что-то пугаешь. Колдовать здесь может только старший эльв. То есть глава общины. А глава общины — мужик. Я его сам видел. Да и ты его видела. Он недавно к Филинову приезжал, важный такой...

Как она засмеётся! Мне аж обидно стало. Что такого сказал?

— Чего смеёшься?

— Ой, Дмитрий! Вы что, не знаете?

А сама — хи-хи-хи-хи...

Отсмеялась, говорит:

— Простите, Дмитрий... Это только эльвы знают. Но мы, лилии из дома лилий, знаем тоже.

— Что знаете?

— Это большой, страшный секрет. Кто его разболтает, погибнет страшной смертью.

— Страшной смертью? — говорю. — Такой, как одна из вас? Она узнала секрет, и её убили?

Посмотрела она на меня, странно так, помолчала. Потом взяла меня за руку и говорит:

— Дмитрий, надо отсюда уходить.

— Знаю. Я не знаю — куда.

А она:

— Ничего, по дороге придумаем. Только нельзя здесь больше. Давайте, я вам руку подвяжу, будто ранили вас. Дырку в шинели повязкой и закроем.

Тут я за бок схватился. Меня же ножом ткнули! А я и не чувствую... Адреналин, наверно.

Раздела девушка меня до исподнего, рубашку с покойника сняла, на полосы порвала и мне бок перевязала.

Накинул я шинель, руку в рукав просунул — перевязанную.

Альвиния стянула ещё одну рубашку с покойника, порвала, сделала вроде шарфа. Через плечо мне перекинула, положил я туда руку, и стал раненый солдат. Пострадавший на службе — а как иначе?

Идёт солдат, в руку раненный, до лазарета — в целях получения медицинской помощи. А пацан, то есть переодетая Альвиния — ему помогает. Мало ли что...

Только я закончил маскироваться, как девушка застыла, голову склонила набок — прислушивается. Точь в точь, как это Буська делала. Шепчет:

— Бежать надо, Дмитрий. Идут сюда. Несколько человек. Все с оружием.

— Может, патруль? — говорю. — Пройдут мимо, и пойдём.

— Нет, нет... Они сюда идут. Пожалуйста, Дмитрий! Бежать надо, скорее...

Хорошо, я здесь все входы-выходы знаю, изучил. Выбрались мы через лаз секретный, и вовремя. За спиной голоса слышались, топот. Во двор вошли, девушка правду сказала. Потом вскрикнул кто-то, и тут же свисток засвистел. Ой, блин...

Хорошо, собаки при них не было. Не то попались бы мы. Но повезло. Пока те, кто по нашу душу пришёл, бегали, свистели и трупы осматривали, мы с Альвинией убрались оттуда — ищи-свищи.

* * *

Бывал я на вокзалах. Но на таком не приходилось ещё. Или уже — как посмотреть.

Старинный паровоз на путях стоит, весь в облаках пара. Похож на огромную бочку, которую уложили набок и сверху воткнули большую трубу. Паровоз покрашен в тёмно-зелёный цвет, труба чёрная. Солидно!

Железнодорожники — суровые мужики в чёрных мундирах и фуражках со скрещёнными топором и якорем на кокарде. Опушка у мундиров тоже зелёная — как у паровоза.

Здание вокзала — маленькое, одноэтажное, с острым шпилем и часами.

А я-то думал, что поезда и вообще железная дорога поздней появились... Но вот — пожалуйста. Стоит паровоз, ждёт высоких гостей, чтобы в столицу отвезти.

К паровозу прицеплено три вагона — вот и весь поезд.

Как мы добрались до вокзала, отдельная песня.

Пока мы с моей бандой разбирались, пока с шофёром-убийцей дрались насмерть, стрельба и драки в городе поутихли.

В общем, к тому времени стало спокойно. Ну как спокойно — по сравнению с пальбой.

Ещё немного постреливали... но редко. Бахало иногда — то справа, то слева, редкими одиночными.

Залпов уже не было. Губернатор с полицмейстером вызвали войска, чтобы утихомирить буйных инородов. Так что за полночьособая часть поставила в этом деле точку. Кое-где ещё бегали не успокоенные орги, за ними гонялись и без жалости отстреливали.

К утру в центре города всё окончательно затихло. Только кое-где ещё звучали одиночные выстрелы.

Пока закоулками пробирались, я всё голову ломал: что делать? Кто виноват?

Если параноиком стать, так все виноваты. Один я хорош, и то сомневаюсь...

Сначала решил в гостиницу податься, к Филинову. Счёт предъявить за всё. За всех убитых.

Пришли — а там нету никого. Съехал Филинов, только рассвело. Даже не переночевал толком. Куда — неизвестно. Хотел я служащему взятку дать, но и тут облом — не знает никто. Взяли бы, отчего ж не взять, да что толку?

Хотел уже уходить, но тут администратор вспомнил:

— Ах, так господин Филинов, должно быть, на вокзале! Там его ищите...

— Почему на вокзале? — спрашиваю. А сам денежку в руке держу, показываю. — Ехать, что ли, куда собрался?

— Ну как же, — отвечает администратор, а сам на денежку облизывается. — Сейчас все там, все благородные господа. Провожают столичных гостей. Сам губернатор с его высокородием господином полицмейстером прибыли, ещё затемно. Там всех ищите!

Дал я ему денег, а сам из гостиницы бегом. На вокзале! Ещё шеф говорил, Викентий Васильевич: пока убийцу не найдут, не уедут. Или наоборот — пока не уедут, надо найти, кровь из носу.

Значит, нашли... Предъявили высокому гостю — графу Бобруйскому, чокнутую жену Филинова, да с ней бывшего офицера Матвея. Один крышей поехал, другая двух слов связать не может — вся в истерике.

А главного-то убийцу не поймали! Может, и правда Матвей девушку-эльфийку зарезал, да только босс у него — Филинов. А Филинов — Рыбак.

И никто этого не знает. Жену, значит, в дурдом, а муж-убийца на свободе гулять останется? Нового киллера себе найдёт, вместо Матвея и этого шофёра мордатого...

Выскочил я из гостиницы, и давай извозчика ловить. На вокзал скорее — чтобы полицмейстеру всё выложить. Про всю ихнюю шайку. При полиции и графе никто мне ничего не сделает. Не посмеют. А там посмотрим...

Нету извозчиков — видать, стрельба распугала. Или на вокзал все ринулись, клиентов возить. Там сейчас народу много.

Альвинии говорю:

— Оставайся здесь, жди меня. Номер тебе оплачу, поживёшь с удобством.

Она мне:

— Я с вами, Дмитрий. Не смогу я в номере сидеть, пока вы жизнью рискуете.

Успокаиваю её:

— Ничего не будет, обещаю!

Нет, и всё. Со мной или никак. Вот девчонки упрямые...

Тут коляска подкатила. Из неё пассажир вылез, я к извозчику:

— Довезёшь до вокзала?

— Садитесь, — говорит, — ваше благородие!

Влезли мы, а я смотрю: в коляске ещё человек сидит, в пальто и шапке. И тут же пассажир, что раньше вылез, обратно заскочил.

Тот, что сидит, сказал:

— Вот и вы, господин Найдёнов! — и пальцы к шапке приложил.

Да это же давешний гоблин! Он что, меня здесь караулил?

А тот, что обратно запрыгнул, сел напротив, револьвер достал и говорит:

— Сидите тихо, господин стажёр. Велено вас до начальства доставить. Желательно в целости и сохранности. Но ежели не выйдет — можно и в неживом виде. Как получится.

Вижу — не шутят они. Этот, с револьвером, мужик крепкий, морда суровая. Уж он точно думать не станет — пристрелит.

Кучер к нам обернулся, смотрю — не извозчик это, а тоже из военных. И револьвер у него имеется.

Ну всё, попал ты, Димка. Хотя что это я — сам же хотел на вокзал. А начальство всё там сейчас. Вот и ладушки.

— Поехали, — говорю. — Мне как раз туда надобно. Только мальчонку отпустите — не виноват он ни в чём. Я его случайно подобрал на улице, чтобы дойти помог... Рука у меня поранена...

— Сиди! — мужик стволом на Альвинию повёл, нахмурился. — Велено всех, кто при тебе будет, доставить!

Кучер лошадку подхлестнул, тронули мы. Погнали по улице с ветерком. Так до вокзала и домчались.

Высокие гости собрались внутри вокзального здания. Сам губернатор, весь важный такой, в мундире, орденами на лентах обвешанный. С ним толпа чиновников всяких, дворяне местные, кто поважнее, деловые люди — всё как полагается. Здесь же глава эльвийской общины — под рукой с какой-то дамой.

Его сиятельство граф Бобруйский солидно кивает, но видно — надоело ему здесь. Да ещё беспорядки, инородами устроенные, всё настроение испортили. Хмурый граф речи губернатора без улыбки слушает, губы сжал — недоволен. Старший эльв рядом стоит, лицо мраморной статуи, взгляд безразличный.

Вот последние речи сказали, собрались на платформу выходить — к поезду. Тут мы и подкатили.

Подхватили меня под руки, из коляски не то что вывели — вынесли. И бегом к вокзалу. Как раз успели.

Рысью пронеслись, в зал вбежали и на пол меня поставили. Прямоком перед шефом и полицмейстером.

— Эт-то что такое?! — говорит полицмейстер.

— Доставлен по распоряжению его высокородия! — рапортует мужик, что меня притащил.

— Я не приказывал, — полицмейстер говорит. Сам недоволен, трость рукой тискает.

Зато смотрю — граф Бобруйский внимание обратил, лорнет вытащил, смотрит. Эльф сперва только глянул краем глаза, потом повернулся, смотрит на меня, как на червяка какого.

— Это я велел, Иван Витальевич, — говорит мой шеф. — За делами не успел предупредить. Это свидетель по делу.

— Какому делу? — буркнул полицмейстер. — Дело закрыто.

— Никак нет, не закрыто, — отвечает зам полицмейстера. — Бумаги пока не подписаны. Сей молодой человек был мной отправлен на задание чрезвычайной важности. Отчёта он ещё не дал, а дело не терпит. Посему я вынужден был доставить его сюда — для доклада.

Смотрю я на начальство, вижу — господин полицмейстер в ярости. Губернатор глазами хлопает — вообще не в курсе. Граф скучать перестал, смотрит, как в театре. Эльв как заметил рядом со мной Альвинию — она за моей спиной спряталась — оживился. Уже не статуя, а живой эльв. Только важный до невозможности.

— Не может ли это дело подождать? — говорит полицмейстер. — Коли надо бумаги подписать, так подпишем...

— Прошу прощения, Иван Витальевич, никак невозможно, — твёрдо ответил его зам. — Дело уж очень важное. Лично господина Элефора ан Альбикуса касается.

Губернатор при этих словах аж крикнул. У графа Бобруйского глаза выпучились. В лорнет графвцепился и на меня направил. Эльв выпрямился — хотя куда уж больше — и говорит:

— Вы сказали, дело касается меня лично, капитан?

Это он моему шефу.

Викентий Васильевич усы расправил, на меня указал:

— Этот молодой человек, отличник полицейской школы, был направлен к нам стажёром по разнарядке из столицы. Был задействован в чрезвычайно важном деле об убийстве женщины благородных эльвийских кровей. При выборе кандидата мной было учтено указанное в личном деле наличие у сего стажёра печати. Поставленной лично старшим эльвом. Посему я должен указать, что дело касается самого господина Альбикуса, на сей момент самого старшего эльва в данном месте.

Вот это он ловко завернул! Губернатор с графом как это услышали, выпрямились, будто им кол в спину вставили. Старший эльв губы скривил, голову повернул — глава местной общины тут же к нему подошёл. Дама под вуалью — тоже.

— Господин капитан, извольте покороче! — говорит губернатор. — Наши гости торопятся.

— Ну почему же, ваше сиятельство, — говорит граф Бобруйский. — Это интересно. Так что там ваш стажёр, господин капитан? Извольте доложить.

— Он сам доложит, ваше сиятельство, — отвечает мой шеф. И ко мне — давай, мол, рассказывай.

Ну, Димка, настал твой звёздный час. Аудитория у твоих ног. Жги!

Вышел я вперёд. Все на меня уставились. Ну, а мне чего терять? Говорю:

— Докладываю! По распоряжению заместителя полицмейстера был отправлен работать под прикрытием в банду местных инородов. Внедрил, провёл несколько успешных дел. В том числе ограбление кареты с деньгами, что перевозили от дома невинных лилий до банка.

Слышу, ахнул кто-то. Зашептались, задвигались — деловые люди нашего города, небось. А я дальше докладываю:

— Также при моём участии было совершено ограбление в частном игорном доме под названием "Красный шар".

Тут уже все ахнули. Придвинулись, рты пораскрывали — слушают. Никакого кино не надо.

— Далее мной было проведено успешное внедрение в дом подозреваемого на тот момент известного бизнесмена господина Филинова.

Все дружно повернулись и посмотрели на моего бывшего босса.

А я дальше:

— Методом конструктивной дедукции мною было проведено тщательное расследование всех обстоятельств. Я был вынужден прибегнуть к методу провокации, дабы вывести подозреваемых из зоны комфорта, то бишь вынудить к признанию. Провокация была выполнена с успехом. Результатом явилось признание подозреваемых в прелюбодеянии. Что прискорбно для участников, но не даёт оснований для обвинения в убийстве...

— Что?! — вскричал губернатор. Вся важность с него слетела, стал губернатор похож на зрителя, который переплатил за билет. — Как это — не даёт? Иван Витальевич!

— Это ошибка, ваше сиятельство, — процедил полицмейстер. — Мальчишка заврался...

— Никак нет, не заврался, ваше высокородие! — рублю я.

Да, сам я не ожидал такого. Но, пока меня в коляске на вокзал везли, раскинул мозгами как следует. Видать, от испуга все факты в моей побитой голове наконец на место встали. Так что осенило меня ещё как.

— Не заврался я, — говорю. — Простая дедукция! Что у нас есть? Труп молодой женщины эльвийской крови — раз. Магический обряд в глухом лесу, что очень нужен общине — два. Пропавшая невинная лилия — три.

Смотрю, речь моя имеет успех. Тишина повисла в зале вокзала — муха пролетит, услышат.

— Только вот незадача — невинная лилия, то есть девушка эльвийской крови, вовсе не пропала. Вот она, здесь. Жива и здорова.

Показал я на Альвинию. Она при моих словах шапку с головы стянула, пальтишко распахнула. Повернулась, уши свои заострённые показала. Тут и слепой бы понял, что не пацан это, а девушка-полукровка.

— Тогда вопрос — кто убит? Чьё тело нашли рано утром в лесу? Кому нужно было убивать эльвийку? Да ещё с применением магического обряда?

— Кому же? — жадно, как ребёнок, спросил граф Бобруйский.

— Ответ на это может быть только один. Как говорили римляне — ищи, кому выгодно. Кому выгодно убийство неизвестной в городе эльвийки благородных кровей? Господину Филинову? Нет, ему это не нужно. Господин Филинов хочет дружбы с эльвийской общиной. Ему нужен участок леса, а без доброго расположения эльвов это невозможно. Запугать эльвов также невозможно. Нет, господин Филинов не убийца.

Я перевёл дыхание. Меня слушали открыв рты. Наступал самый опасный момент.

— Подумав и сопоставив факты, я пришёл к выводу, что жена и слуга господина Филинова также не имеют отношения к делу.

Тут уже полицмейстер не выдержал. Стукнул тростью об пол, бросил холодно:

— Ну хватит! Викентий Васильевич, уймите своего стажёра. Это ни в какие ворота не лезет.

— Подождите, Иван Витальевич, — сказал губернатор. — Пусть продолжает.

А сам усы кусает от волнения.

Ну я и продолжил:

— Магический обряд требует холодной головы и твёрдой руки. Ни того ни другого у супруги Филинова и его охранника не было и нет. Один — бывший кокаинист и бретёр, другая — нервная женщина в годах. Тогда вопрос — кто? Кто имел мотив и возможность?

— Кто? — спросил губернатор. Все остальные затаили дыхание.

— Вот кто! — я ткнул пальцем.

Всех дружно ахнули. Повернулись и посмотрели на старшего эльва.

— Это невозможно, — пробормотал губернатор. Глаза забегали, на эльва старается не смотреть. — Эльвы не убивают...

Тут старший эльв, господин Альбикус, шагнул вперёд. Колыхнулись полы серого плаща, качнулись белые волосы. Эльв поднял руку. В пальцах что-то блеснуло — амулет. В ту же секунду у меня заломило зубы, а печать на спине загорелась ледяным огнём.

В зале повисла вязкая тишина. Волны безмолвия поплыли над толпой провожающих, пропитали воздух, заморозили всё вокруг.

Посмотрел я вокруг — все застыли. Если бы я не видел такое в кино, испугался бы до потери пульса. Это эльв время остановил своим амулетом, точно.

А эльв глянул на меня и сказал:

— У нас есть время, мальчик. Говори.

У меня аж ноги подкосились. Страшно стало. Но деваться некуда — раз начал, отступать некуда.

Говорю:

— Я тут почту проверил. На почтамте мне список дали. Много срочных писем между

столицей и общиной в последнее время. Необычно много.

Эльв голову склонил, смотрит на меня, как на зверушку. Которая фокусы показывает.

— Дальше.

— Это вы мне скажите, — говорю. От страха страх потерял совсем. — Зачем девушку убивать? Что она вам сделала? Какую тайну открыла? Неужто нельзя было по-другому?

Альбикус совсем по-человечески пожал плечами. Ответил:

— Ты спрашиваешь — зачем, сын человека? Такова судьба. Так сложились звёзды.

— Так это звёзды ей живот распотрошили? — говорю. — Ничего себе судьба!

— За это я отвечу перед главой эльвов, — сказал Альбикус. — А ты умрёшь. Сейчас.

Никто не должен...

— Подождите! — дама, что стояла под ручку с главой местной общины, откинула вуаль.

Ух ты. Да это госпожа дома невинных лилий. Та самая прекрасная эльвийка, для которой я песни пел под гитару.

А она подошла поближе, говорит:

— Мальчик не виноват, что видит правду. Не нужно брать на себя груз вины, брат Альбикус.

Повернулась, кивнула на главу общины:

— Мы оба знаем, что брат Левикус немощен. Он лишён души. Я много лет исполняю за него обязанности старшего эльва. Люди не должны знать этого. Когда подруга нашего брата Домикуса прибыла сюда из столицы, я дала ей приют. Старший брат разослал письма по общинам — с приказом не давать своей подруге помощи. Но я ослушалась.

Прекрасная эльвийка повернулась к главе общины. А тот смутился, стоит весь потерянный. Конечно, кому охота признаваться, что калека. Ну, то есть, не можешь в магию.

— Я выслушала беглянку. Она призналась, что нарушила закон. Закон, который мы все должны выполнять — согласно древнему договору. Она знала, что рано или поздно её найдут и уничтожат. Мы подумали, и мы решили...

Прекрасная эльвийка вздохнула.

— Наш план решал всё. Сестра готова была отдать своё земное воплощение, умереть земной смертью, лишь бы спасти дитя, которое она носит в своём теле.

— Что? — изумился старший эльв. — Сестра носила ребёнка?

— Да, брат Альбикус. В ней зародилась новая жизнь. Понимаете, что это значит? Древний договор гласит — число древних ограничено. Рождается один — другой уходит. Только верховный эльв даёт право на рождение нового эльва. Сестра такого права не имела...

— И ты позволила ей?.. — эльв не договорил.

— Мы нашли выход, брат. Я нашла тех, кто сможет исполнить обряд. Ведь мы сами не можем проливать кровь. Я отвела сестру в лес, и мы совершили обряд поглощения души.

— Обряд не удался! — выкрикнул калечный эльв — глава общины. — Я не получил душу, как вы обещали! Её нет, она пропала!

— Да, обряд не удался, — эльвийка виновато опустила голову. — Что-то случилось, и душа ребёнка пропала. Душа сестры растворилась в лесу, как и было задумано. Но ребёнок исчез. Я не знаю, что с ним стало... Не стоило проводить обряд в этот день. Но мы слишком торопились...

Она повернулась и посмотрела на меня.

— Мальчик прав — это мы виновны. Я нашла людей, чтобы они запачкали руки вместо

нас. Я обратила сестру Альфрида в собаку, чтобы все думали, что она пропала. Альфид должен был отслужить её возвращение.

— Так это вы давали ему наводки? — спрашиваю. — На игорный дом, на денежную карету?

— Нет, — говорит красавица. — Зачем мне такие мелочи? Этим занимался мой друг Рыбак.

— Филинов?

Она усмехнулась, будто я дурачок малолетний.

— Нет, Филинов не при чём. Нам нужно было устранить его от дел. Чтобы забыл с покупке леса. Чтобы перестал губить деревья. Рыбак подставил его по моей просьбе.

— Так Филинов не Рыбак... — вот это поворот! — А кто тогда?

— Я не должна выдавать своих друзей, — говорит эльвийка. Гордо так. — Если сможешь, догадайся сам...

— Сестра, время на исходе, — говорит Элефор ан Альбикус. — Заверши дело. Выжги ему душу и пойдём. Меня ждут в столице.

Прекрасная эльвийка вздохнула:

— Да, брат. Пора.

— Погодите, — говорю. — Вы что, меня убьёте?

— Нет. Тело твоё будет жить, — резко ответил Альбикус. Видно, торопится на поезд. А тут какой-то червяк мешает. — Но тебя не станет.

— А вот хрен вам, — говорю. — Вы арестованы! За убийство и шантаж. За причинение вреда имуществу и клевету. Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас!

Что несу — сам не знаю. Испугался до судорог. Но пропадать — так с музыкой.

— Сестра, успокой его, — говорит эльв.

Прекрасная эльвийка подняла руку, ладонью ко мне. Взгляд ласковый, будто собачку усыпляет.

— Не бойся, мальчик. Больно не будет.

А я гасило из кармана выхватил, и в неё гирькой — хрясь!

Гирька её в ладонь ударила — и прилипла. Эльвийка взвизгнула, как девчонка. Тиски, что меня уже сжимать начали, разжались.

Главный эльв губы скривил в досаде, щёлкнул пальцами. Мне голову сдавило, в глазах темно. Упал я на коленки, чувствую — сердце останавливается. Не бьётся уже. И будто кожу с меня снимают — как чулок.

В ушах шум, но слышу — эльвийка снова взвизгнула, ещё громче. Глава общины тоже кричит рядом, что-то вроде: "Нет, нет!"

Тут кожу с меня содрали — и обратно напялили. В замороженном виде.

Поднял я взгляд, в глазах туман, но вижу: эльвийка стоит столбом, глаза таращит. Глава общины вообще лицо потерял — упал на коленки, руками машет, как от стаи комаров отбивается.

А старший эльв брат Альбикус очень удивился. Смотрит на меня, губами шевелит, а сказать ничего не может.

Тут и я увидел, на что они уставились.

У моих ног выгнула спину кошка-призрак. Не та, что лесу была, поменьше. Та была здоровенная рысь, а это рысёнок. Загривок распушил, уши прижал, по шерсти синие искры сверкают. Встал рысёнок между мной и эльвами, рычит низким рыком, когти выпустил.

— Вот она! — визжит глава общины, калечный эльв. — Душа ребёнка! Дайте её мне! Вы обещали!

Тут кошка ко мне голову повернула, в глаза мне глянула. Круглые глаза, горят как фары. Кошка такая: Мурр-р! Тут я его узнал.

— Талисман? — шепчу. — Это ты? Талисман, котя!

Старший эльв Альбикус скривился весь, говорит:

— Брат Левикус, встань. Душа выбрала не тебя.

— Ты велел убить мальчика, брат Альбикус, — сказала эльвийка. — Что делать?

— Ничего. Старший брат Домикус примет решение. Сейчас мы оставим мальчика его судьбе. Пора!

Щёлкнул пальцами. По вокзалу гул прошёл, ветер рванулся, и люди оживать стали.

Альбикус говорит мне, вроде тихо, но голос так и гудит в голове:

— Ты никому не скажешь, что здесь было. До встречи, мальчик.

Тут время ожило окончательно. Эльвы встали, как будто и не было ничего. И правда, секунда всего прошла — для всех.

Губернатор покашлял, сказал:

— Господин полицмейстер, разберитесь со своими людьми. Неловко, право.

— Ничего, — говорит старший эльв Альбикус. Спокойно так. — Община эльвов не имеет претензий к полиции. Мальчик-стажёр проявил служебное рвение. Всего доброго, господа.

Повернулся и на выход двинул — к поезду. Граф Бобруйский страшные глаза сделал, на полицмейстера головой покачал — стыдно, батенька! — и за эльвом поспешил. Тут вся толпа на перрон повалила, а мы с Викентием Васильевичем и его людьми в зале остались.

Шеф покашлял, усы подёргал, головой покачал, как только что граф Бобруйский.

— Ну что же, — говорит, — стажёр. Постарался ты, нечего сказать! И что мне теперь с тобой делать?

А я стою, слова сказать не могу. У моих ног устроился призрачный котёнок Талисман, на перроне отбывает в столицу с докладом старший эльв Альбикус. Где-то среди благородных гостей затесался загадочный Рыбак...

— Как скажете, — отвечаю, — ваше высокородие. Стажёр Дмитрий Найдёнов явился по вашему приказанию!

Больше книг на сайте - Knigoed.net